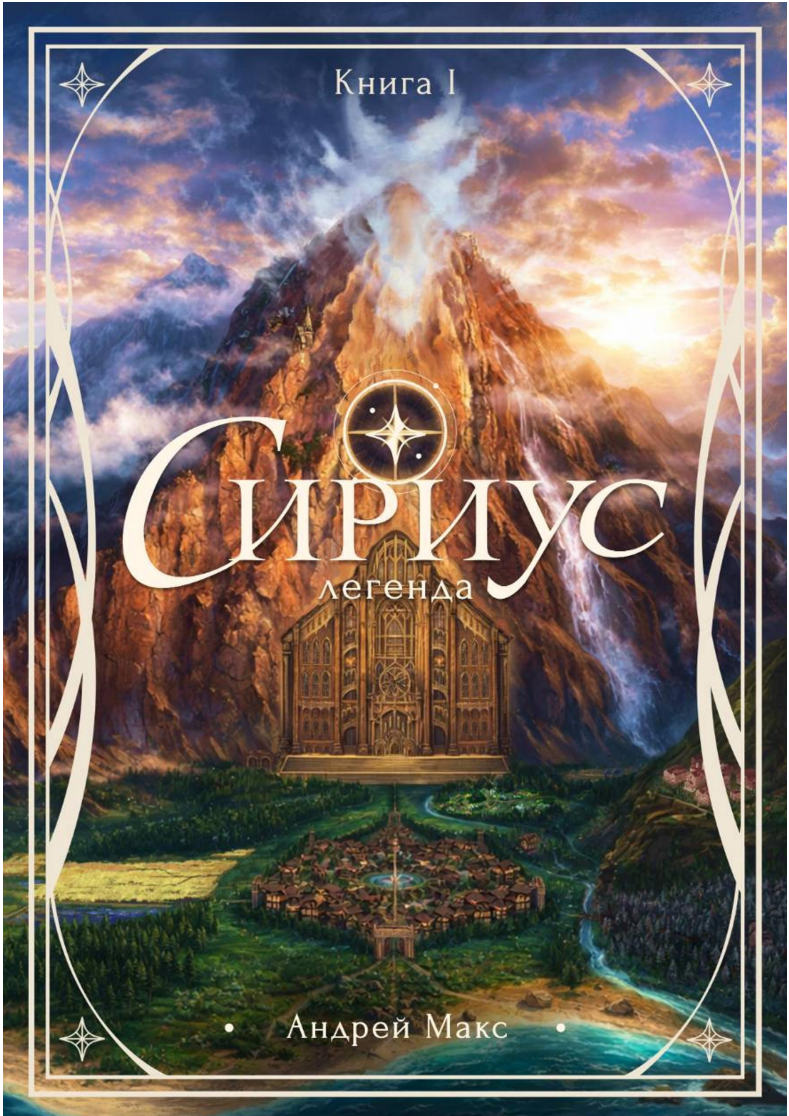

Книга I
Сириус
легенда
Андрей Макс

Андрей Макс
Сириус. Легенда

https://litres.ru/74645369
SelfPub; 2026

Аннотация

Мир, переживший катастрофу. Община, спрятавшаяся за неприступными скалами. И мальчик из Серого Леса, который мечтает о невозможном: стать одним из ее защитников — тех, кто владеет силой, способной сдвигать горы и управлять стихиями. Он физически слаб, безумно упрям и не создан для этого пути. Но он готов трудиться до изнеможения, лишь бы доказать: даже «неодаренный» может стать героем. В то же время над Островом сгущаются тучи древнего зла, и даже великие защитники не уверены, смогут ли они отстоять все, что создавали на протяжении всей своей жизни.

Психологическая, философская драма в декорациях фэнтези. Это история о братстве, которое крепче крови, о взрослении, выстраданном в испытаниях жизни, и о мечте, которая дороже жизни.

Содержание

Пролог 4
Часть 1. Сотвори себе кумира 9
Глава 1. Остров Звездного Света 9
Глава 2. Великое Древо 29
Глава 3. Первое Испытание 34
Глава 4. Сила мечты 123
Глава 5. Последний лист 182
Глава 6. Призрак будущего 211
Глава 7. Между небом и землей 233
Глава 8. Луч солнца 270
Глава 9. Кумир 288
Глава 10. Второе Испытание 330
Конец ознакомительного фрагмента. 389

Андрей Макс
Сириус. Легенда

Пролог

Далекое — очень далекое — будущее

В стороне от грохота битвы, на иссушенной полосе земли между багровыми скалами, стояли двое.

— Я хочу того же, что и ты — мира без боли и страданий. Вместе мы возродим тот идеальный мир, в котором ты родился, и даже сделаем его лучше. Они же — привели свои армии не за этим. Все, чего хотят элиты, — это сохранить власть, чтобы и дальше пить кровь народа. И им плевать на тех, кто сейчас умирает вместо них…

Голос Сайруса был спокоен, но в нем звучал зов пророка, которому было трудно не поддаться. Но Сириус молчал. Не раз он был свидетелем того, как с помощью логики люди мешали истину с грязью. Не раз сам плел тонкие нити рассуждений, сплетая их в сложный узор, где то, что казалось злом, становилось благом. Именно такими суждениями, словно ядом, и опутывал его сейчас Сайрус. Ирония заключалась в том, что яд этот был соблазнительно желанным.

— Позволить уничтожить миллионы, чтобы стать для оставшихся богом… — наконец выдохнул он, глядя куда-то

за горизонт.

— Это общество уже мертво, — ответил Сайрус, как неотвратимый приговор. — Ты знаешь это не хуже меня. Если мы уступим, они вернутся на свои земли и продолжат сеять тьму. А это значит, что время спустя их потомки снова окажутся здесь. Это вечный уроборос[1], пожирающий себя из века в век.

Сайрус перевел взгляд на поле битвы, где армии, словно тяжелые грозовые тучи, сталкивались в беспощадной брани. Пыль, поднятая тысячами ног, застилала солнце, окрашивая мир в оттенки ржавчины и свежей крови, а воздух гудел от далеких криков и звона стали. В его взгляде не было ни жалости, ни сомнений — лишь непоколебимая воля переломить ход вещей.

— Я понимаю, ты думаешь о тех немногих, кто не заслужил этой участи, — продолжил Сайрус. — Но, выбрав меньшее из зол, ты не изменишь их судьбы. Ты всего лишь подаришь им еще сотни лет мучительной агонии. Однако сейчас только мы с тобой — единственные, кто может навсегда вычеркнуть этот порочный круг из истории. Так дадим же человечеству шанс — шанс на новое начало.

Сириус поднял глаза к небу, и сквозь клубящуюся багровую мглу проступили образы детства: ясное небо, добрые ли-

---

[1] Уроборос — древний символ в виде змеи или дракона, кусающего собственный хвост. Олицетворяет круговорот жизни и смерти, бесконечность, замкнутый цикл и вечное возвращение.

ца, чистые сердца — идеальный мир, в котором каждый был друг другу, как семья. Не будь этих воспоминаний, он отбросил бы всякую мораль и оставил бы лишь голое знание: род людской — лишь неудачный эксперимент природы, положить конец которому, возможно, есть величайшее благо.

Нет, это знание не было порождением мрачной фантазии или кровожадной натуры. Оно пришло с годами. Десятилетиями Сириус наблюдал, как человечество собственными руками разрушает все прекрасное ради выгоды, прячась за словами о добре. А ведь он знал. Знал, что людям не раз давался шанс начать все с чистого листа. Но каждый раз, отвергая уроки прошлого, они вновь возвращались к тем же порокам, пока сам воздух не пропитывался ими и зло не обретало форму, уничтожающую все без разбора.

— Пресечь зло, окончательно и бесповоротно — разве это не благородная цель? Разве не этому ты посвятил всю свою жизнь? — в голосе Сайруса послышалось напускное сомнение. И тут же — осуждение. — Но вместо этого ты встал рядом с ним. Жертва, сопровождающая маньяков. Святой, по своей воле примкнувший к отродью тьмы. Ты десятилетиями рубишь головы сорнякам, но разве вырвал хоть один корень?.. Я повторю: здесь и сейчас мы можем изменить все. И для этого нам с тобой не нужно ни сражаться, ни проливать кровь. Нужно просто ждать… и *ничего не делать*.

Сайрус умолк. Взгляд его стал мрачным, словно в нем проснулась давняя, но незабвенная боль.

— Прими это, брат, — чуть тише добавил он, сжимая рукоять меча. — Ведь мы не должны им ничего. Тем, кто отнял у нас все. Все, что мы когда-то любили. Так позволь же им пожать плоды своих деяний. Погибнуть, не зная пощады, как они не знали ее к нам!

Сайрус замолчал; теперь только его взгляд, твердый как камень, ждал ответа. Он не торопил — время было на его стороне. Сириус же закрыл глаза, словно пытаясь отгородиться от всего. Ему и раньше приходилось биться с собственным существом, но никогда — так остро. В памяти всплыли клятвы, наставники, их подвиги, что жили в нем, словно кровь. И теперь ему, давшему клятву нести свет в мир, предлагают прежде погрузить его во тьму — ради чистоты возрождения.

Но с другой стороны… Разве не эти люди обратили его жизнь в руины? Разве не они разожгли в нем ярость, которая теперь отзывалась эхом в словах Сайруса? Разве не они, схватив его за горло, швырнули в реку борьбы, в которой он должен был делать единственное — выживать?

Он имел право ненавидеть их за это. И он ненавидел. И все же…

Когда-то Луксор рассказывал легенду: звезда Сириус, увидев несовершенство людей, стерла их с лица земли. И теперь ему — человеку, нарекшему себя ее именем — предстояло решить: повторить ли путь небесной кары и положить конец порочному циклу хаоса, или остаться в нем, чтобы и

дальше наблюдать, как все его усилия обречены на провал.

Чувствуя, как горечь и сомнения сотрясают его тело и разум, он снова и снова задавал себе один-единственный вопрос:

Есть ли хоть *одна* причина спасать этот мир?

Часть 1. Сотвори себе кумира

Глава 1. Остров Звездного Света

Ночная тьма уже сгущалась. Словно тая, солнечный диск медленно отступал за морской горизонт.

На мраморном возвышении, скрестив руки на груди, стоял высокий мужчина с крепким телосложением и гладкой, без единого волоска, головой. Лицо его было спокойным и сдержанным — и все же внимательный взгляд различил бы едва уловимую печать тревоги, залегшую в уголках темно-гранатовых глаз — глаз, чуть более ярких, чем у обычных людей, словно в их глубине горел крошечный огонек внутреннего пламени. Взглядом, полным ожидания, он всматривался в тропинку, поглощаемую сумерками, время от времени поднимая глаза на россыпь огненных узоров у самого горизонта.

— Доброго вечера, *брат* Луксор, — раздался позади мягкий голос с легкой искрой. — Занятия давно окончены, но тебе, как обычно, даже ночь не указ.

Луксор не обернулся, но уголки его губ дрогнули в едва заметной улыбке. К нему легким и уверенным шагом приближался мужчина чуть старше тридцати пяти, что делало его почти на десятилетие моложе Луксора. Однако выглядел

он еще моложе: возможно, секрет крылся в блеске ярко-голубых глаз и мягкой, чуть хитроватой улыбке. А может — в той особой красоте, которая могла расположить к себе почти любого.

Когда незнакомец встал рядом, контраст между двумя мужчинами стал очевиден. И причина была не только в иссиня-черных волосах, спадавших на плечи. В отличие от массивного и мощного Луксора, он казался более стройным. Однако разница в телосложении его нисколько не смущала. Напротив, в облике гостя чувствовалась спокойная невозмутимость льва, которому нет нужды доказывать свою силу.

Одет он был почти так же, как Луксор: бурые штаны, белая рубаха и длинный плащ нараспашку. Отличие заключалось лишь в том, что цвет его плаща был небесно-голубым, тогда как у Луксора — белым и без рукавов. Талии обоих украшали широкие кушаки[2] — символ их ремесла и долга, концы которых почти касались колен.

— Доброго… *брат* Кристиан, — негромко отозвался Луксор спокойным, приятным голосом, не сводя взгляда с тропинки. — Один из учеников все еще не вернулся.

Кристиан сложил руки за спиной и устремил взгляд к горизонту, за которым почти скрылось солнце, оставив лишь узкий, раскаленный край. Поджав губы, он молча выразил сочувствие тому, о ком шла речь.

— Значит, все по-прежнему, — сказал он, и тут же с горь-

[2] Пояс из широкого и длинного куска ткани.

кой иронией добавил: — Хотя, возможно, это даже на руку нашему «плану».

Луксор бросил на товарища косой хмурый взгляд. Кристиан примирительно улыбнулся, а после короткой паузы, уже серьезнее, произнес:

— Но нельзя не признать: этот мальчик заслуживает уважения. Сколько бы мы ни старались, он остался верен себе и уже вплотную приблизился к финалу. Жаль лишь, что природа не наделила его телом под стать его упорству. Будь иначе… уверен, из него вышел бы достойный Защитник.

Взгляд Луксора стал задумчивым, обращенным внутрь себя.

— Линии судьбы редко складываются в красивый узор, — заговорил он, словно размышляя вслух. — Чаще они запутываются, словно нити в руках неопытного ткача, и образуют странные, порой трагичные картины, смысл которых становится ясен лишь годы спустя. — Он замолчал, отпуская мысли в темноту, а затем с легким недоумением добавил: — И все же я до сих пор не могу понять... Как он смог успеть? Я видел его незадолго до окончания первого Испытания. Пусть в глазах по-прежнему горела безумная решимость, но я знал: он не успеет. Его раны были слишком серьезны, а путь — слишком долог.

— Но он все же успел, — тихо произнес Кристиан, будто продолжая за товарищем очевидную мысль. Луксор кивнул:

— И это остается для меня самой большой загадкой.

Кристиан слегка повернул к собеседнику голову, будто собираясь что-то добавить, но, передумав, вновь устремил взгляд к первым просыпающимся звездам, пробивавшимся сквозь густеющую синеву.

— В любом случае, — прервал молчание Луксор, — это его последний рывок. Второе Испытание уже совсем близко. И на сей раз ему ни за что не справиться.

Кристиан усмехнулся, но в его голосе не было насмешки — лишь задумчивая теплота:

— Кто знает… возможно, он удивит нас снова. После того раза даже я на мгновение поверил, что его судьба связана именно с Пределом.

Луксор не ответил. Долго и пристально он всматривался в тропу, целиком поглощенную мраком, и лишь спустя время едва слышно признался:

— Я тоже.

Вскоре последние краски дня окончательно угасли. Свет поглотила тьма, и густые тени объяли землю. Ночь медленно, но уверенно набирала силу.

И вдруг — словно сами небеса решили вмешаться — одна из звезд вспыхнула ярче других. Следом, на вершине высокой скалы позади двух мужчин, зажегся яркий свет, озарив на мгновение все вокруг. Еще миг — и серебристо-аметистовые волны, искрящиеся, будто россыпь драгоценных камней, лениво и широко разлились по небосводу, окутывая остров мягким призрачным сиянием.

— Вот бы все человеческие страдания уходили так же лег-

ко, как тьма перед этим сиянием, — произнес Кристиан, не сводя глаз с завораживающего зрелища. — А пока… доброй ночи. Тебе и мальчику.

Взгляды двух друзей встретились, полные особой братской связи, и уже спустя минуту Кристиан, издав легкий шелест краем плаща, растворился в полумраке колонн учебного комплекса. Луксор, оставшись один, зажег большую жаровню рядом с собой и продолжил всматриваться вдаль, пока в сотне шагов не заметил одинокую фигуру, медленно выступающую из сумерек.

Мальчик, не старше одиннадцати лет, едва переставлял ноги. Но шаг за шагом он упрямо двигался вперед — и лишь у финишной черты, где свет жаровни уже касался его ног, позволил себе остановиться.

Упасть ему не позволили руки Луксора, подхватившие его у самой земли. В это мгновение мужчина был похож на живой факел в ночи, полыхая ярким, насыщенным бордовым светом. Опустившись на одно колено, он бережно уложил ученика на траву, и пламя, еще мгновение извиваясь в воздухе, медленно угасло, оставив после себя лишь едва ощутимое тепло.

Даже без сознания мальчик продолжал жадно глотать ртом воздух — словно все еще бежал свой многострадальный путь. На тунике виднелись следы грязи, а сама ткань была насквозь промокшей от пота, который стекал по алому от жара лицу. Без труда подняв худое тело на руки, Луксор за-

шагал в обратном направлении.

***

«Остров Звездного Света». Для тех, кто жил на нем, он был просто «Остров» — любимый и родной. Но для случайного путника, если бы такой вдруг добрался до этих берегов, он показался бы уединенным райским уголком, затерянным в безбрежном океане. По форме он напоминал запятую с вытянутым хвостом — причудливый росчерк пера на синей глади вод. Со всех сторон его окаймлял «Венец Масона» — зубчатые скалы, вздымающиеся прямо из океанской пучины. Словно огромные клыки, они сжимали остров в сторожевом объятии, изолируя его от всего остального мира, но вместе с тем превращая его в целостную, законченную вселенную, не похожую ни на что иное.

Несмотря на небольшой размер, на острове уживались все лики земной красоты: от покрытых вечным льдом скал, усыпанных цветами холмов и равнин, извилистых рек и таинственных лесов до изъеденных ветрами каньонов и обжигающей, бесплодной пустыни.

В центральной части острова, ближе к ласковому южному побережью, местные жители возвели город, напоминающий с высоты восьмиконечную звезду. Вокруг него простирались плодородные поля, фруктовые сады и сочные пастбища, а немного южнее — живописная бухта с лагуной, золотистым песчаным пляжем и причалами для лодок, вдававшимися в бирюзовую гладь океана.

На востоке возвышался древний, давно уснувший вулкан. На одном из его склонов, обращенном к городу, располагался целый комплекс изящных зданий, известный под общим названием «Дом исцеления», созданный для того, чтобы каждый житель мог найти в нем поддержку не только для физических недугов, но и для духовного здоровья — о чем знали все, кто хоть раз переступал его порог.

Но подлинной жемчужиной острова был Предел — творение, по праву считающееся одним из величайших когда-либо созданных человеческими руками. Он располагался на севере, в двух десятках километров от города, где начиналась цепь коричнево-оранжевых скал. Преддверием их выступала монолитная громада, вздымающаяся на сотни метров ввысь. Именно в ее недрах, словно в драгоценной оправе, и было вырезано грандиозное архитектурное сооружение, именуемое жителями острова Пределом.

Запад же венчало прямоугольное плато — сердце воспитания и знаний. Там, среди садов и мраморных дорожек, раскинулся «Арете[3]» — ансамбль школ, библиотек, учебных залов и спортивных площадок. Весь периметр плато был опоясан белоснежными параллельными колоннадами, которые сходились к величественному парадному крыльцу с широкими ступенями. Именно по этим ступеням сейчас и спускался Луксор с учеником на руках.

---

[3] Арете́ — древнегреческое понятие, обозначающее «добродетель», «доблесть», «совершенство», «достоинство» или «превосходство» любого вида.

***

— Как себя чувствуешь? — спросил наставник, когда мальчик медленно приоткрыл глаза.

— М-м-м, — еле слышно выдохнул тот, пытаясь сосредоточиться.

— Будем считать, что это «почти живой», — усмехнулся Луксор. Мальчик попытался ответить улыбкой, но тут же его лицо исказила гримаса боли. Мужчина, наблюдая за ним, продолжил уже серьезнее: — Тренировочная программа составлена таким образом, чтобы у учеников было достаточно времени на отдых. Но ты восстанавливаешься гораздо медленнее других. Как думаешь, почему?

— Потому что я слабый, — не задумываясь отозвался ученик, словно этот ответ был высечен в его сознании задолго до вопроса.

Наставник отрицательно покачал головой:

— Мы уже обсуждали это. Дело не в слабости. Дело в том, что ты умудряешься тренироваться даже тогда, когда остальные спят, едят или хотя бы делают вид, что думают о чем-то другом.

Мальчик промолчал, сжимая губы. Внутри все ныло от усталости, но упрямство оказалось сильнее:

— Если я не буду тренироваться… тогда стану еще слабее…

— Неисправим, — вздохнул Луксор, качая головой. — Надеюсь, ты хотя бы держишь слово и не пытаешься про-

явить Энергию в одиночку.

Молчание прозвучало громче любого признания. Луксор сузил глаза и взглянул на ученика так, что тот сжался с виноватой улыбкой, словно ребенок, пойманный за исписанной стеной с карандашом в руках.

— Вот поэтому ты и пришел к финишу на целый час позже остальных, — тверже произнес наставник. — Конечно, ведь у тебя нет сил! А откуда им взяться, если ты изо дня в день изнуряешь себя до последней капли?

Мальчик прикусил губу, опуская взгляд. В его больших тепло-карих глазах плескалась тихая буря — не из-за строгих слов наставника, а из-за глубокой обиды на себя.

— Я всегда последний… — вырвалось у него едва слышно. — Как бы ни старался — все без толку. Никто, кроме меня, не тратит столько усилий ради таких ничтожных результатов...

Он мог бы продолжить, но слова застряли в горле колючим комком. Губы задрожали, а из глаз, отражающих свет небесных волн, выступили слезы.

Луксор сжал челюсть и на мгновение прикрыл глаза. Когда он заговорил, в его голосе вновь прозвучала та спокойная мягкость и уверенность, которые невольно заставляли внимать каждому слову:

— Послушай. Слабых людей не бывает. Природа дает каждому свое. Посмотри на братьев наших меньших: воробей не соревнуется с ястребом в скорости, а волк не меря-

ется силами с медведем. Но ты ведь не считаешь, что кто-то из них менее значим? Так и люди. Мы все разные, и это не означает слабость. Если физические упражнения даются тебе с трудом, значит, твоя сила в чем-то другом. Возможно, именно в том, в чем остальные никогда не смогут с тобой сравниться…

Мальчик медленно поднял глаза на наставника. Его всегда поражала эта ясная, точная мудрость, в которой, казалось, не было ничего лишнего.

— …И мы делаем все, чтобы помочь выявить и развить ваши таланты, — закончил Луксор.

— Да, я знаю, — выдохнул ученик. — Я все это знаю. Но… есть кое-что, что не вписывается в этот порядок.

— И что же? — приподнял бровь Луксор, и мальчик, потянувшись взглядом к небу, усыпанному мерцающими звездами, тихо, почти благоговейно произнес:

— Мечта…

При этом слове, обладающем для него какой-то магической силой, лицо его преобразилось, наполнившись детским восторгом. С каждым новым словом его воодушевление росло:

— Я хочу стать таким же, как члены Совета, Луксор: сильным и мудрым! Каждый день я представляю, как прохожу все Испытания, обретаю Энергию и приношу нашему Острову великую пользу! Но для этого такому, как я, нужно много трудиться. Вот почему я занимаюсь больше остальных.

Он говорил с таким трепетом, что грудь его тяжело вздымалась, будто сердце пыталось вырваться наружу — к этим звездам, к этой мечте, к этому невозможному будущему, которое он видел перед собой так ясно, словно оно уже свершилось. Однако неимоверная усталость, накатившая на него с новой силой, вместе с ритмичным покачиванием на руках и умиротворяющим течением света по небу заставили его голос ослабнуть, и он уже не столь уверенно, но с той же непоколебимой верой добавил:

— Я обязательно достигну этого… Я стану таким же, как вы…

На губах Луксора мелькнула улыбка — легкая и печальная, как свет заката, который знает, что за ним неизбежно наступит ночь.

— Я уже говорил тебе, — сказал он мягко, глядя перед собой. — Нет тех, кто «прошел» или «не прошел» Испытание. Они даны не для отбора, а для того, чтобы выявить скрытые таланты. Я понимаю, по какому пути тебе хочется идти, и на это скажу одно: с помощью упорного труда можно многого достичь. Но нельзя перегибать палку. Помни: у нее есть запас прочности, преодолев который, она *обязательно* треснет. Так и ты не должен переусердствовать, несмотря на то что Испытания для этого пути действительно очень требовательны, и поэтому подходят не для всех…

Луксор двигался по широкой, вымощенной камнем дороге, мягко освещенной светом небесных сияний. По обе сто-

роны простирались луга, где волны цветов мерцали серебристо-аметистовыми отблесками, которые вскоре сменились полями со злаками, колыхавшимися от ночного ветра, словно живой океан.

Когда они достигли границ города, величественная мраморная арка встретила их теплым светом фонарей. Миновав широкий свод, Луксор оказался на пустой улице, где ставни мастерских уже были закрыты на ночь. Следуя мимо них, он добрался до центральной площади. Здесь его взгляд на миг задержался на символе Острова — большом фонтане в форме звезды, вода в котором, отражая сияние небес, казалась жидким светом. Его лучи служили ориентирами для восьми главных улиц города, и Луксор уверенно шагнул на ту, которая вела на восток.

Вскоре на них обрушилась целая буря запахов, разносившихся по всей жилой части города. Густые ароматы тушеных овощей, сладость свежего хлеба, терпкий привкус пряных трав — все это, достигнув мальчика, усилило его голод, заставив почувствовать себя еще более уставшим. Уткнувшись лицом в грудь Луксора, он не захотел смотреть ни на ярко освещенные двухэтажные дома, откуда доносились радостные голоса и звон посуды, ни на приветливые жесты жителей, махавших им с балконов, откуда они любовались ночным небом.

Луксор отвечал вежливыми кивками, но не замедлял шага, продолжая путь к дому ученика. Однако он не остано-

вился, даже когда за его спиной исчез последний дом. Вместо этого, миновав еще одну арку, он направился к холму, на вершине которого раскинулся Серый Лес.

Местные жители предполагали, что в те времена, когда вулкан еще дышал огнем, его магма выжгла корни деревьев в этом месте, оставив вместо живых стволов лишь пустые оболочки. Пепел же проник в листву так глубоко, что она навсегда утратила зелень, став пепельно-серой. Так, в окружении живого зеленого моря, возродившегося после того, как вулкан уснул, возник этот странный, мертвый остров из деревьев-мумий, который и получил название Серый Лес. Именно здесь, в стороне от всех, и поселились родители мальчика.

***

Оказавшись под кронами пепельных деревьев, Луксор, как всегда, ощутил двойственность этого места. С одной стороны, аметистовое сияние завораживающе играло на пепельных, никогда не опадающих листьях, превращая мертвый лес в призрачный чертог неземной красоты. Но с другой — чем дальше тянулась тропинка меж безжизненных стволов, тем отчетливее это очарование оборачивалось гнетущей, почти осязаемой тоской.

Едва оказавшись в Лесу, ученик инстинктивно сжался, будто пытаясь спрятаться от преследующего его кошмара. Луксор почувствовал это, но промолчал. Он знал: никакие слова не способны развеять тревогу, которая проникла в сердце мальчика, и поэтому с неохотой шел дальше.

Наконец перед ними возникла скала, почти вплотную к которой, на высоком фундаменте, стоял дом. Двухэтажное строение, выложенное из серого камня, казалось таким же безжизненным и пустым, как и окружающие его деревья. Остановившись у невысокой ограды, Луксор обвел взглядом двор. Ухоженность здесь была лишь видимостью: сорняки заполнили клумбы, неработающий фонтан зарос зеленью, а скамейка под окном явно нуждалась в реставрации.

— Вот мы и пришли, — тихо сообщил наставник.

Мальчик покривил губами и позволил поставить себя на землю. Он был так слаб, что только ограда, за которую он ухватился двумя руками, помогла ему устоять на ногах. Затем его взгляд, полный нескрываемой неприязни, остановился на доме. В отличие от других жилищ, отсюда не доносилось ни смеха, ни запаха хлеба, ни теплого света из окон — дом казался холодным и покинутым. Луксор знал, что мальчику не хотелось возвращаться сюда, и именно поэтому всю дорогу он шел неторопливым, почти прогулочным шагом.

— Ну что ж, — с натянутой улыбкой произнес наставник, стараясь звучать бодро. — Теперь тебе остается лишь поужинать и лечь отдыхать.

Ученик удрученно вздохнул.

— Спасибо… И прости, что заставил тебя тащить меня всю дорогу. Ты Защитник, и нянчиться с таким слабаком в твои обязанности точно не входит…

— Прекрати, — спокойно прервал Луксор. — Главное, о чем ты должен помнить: завтра выходной. А это значит: тренироваться *не нужно*. Нужно просто хорошенько отдохнуть

и восстановить силы. Тебе они пригодятся. Новое Испытание не за горами.

Мальчик не ответил. Уперевшись в ограду руками, он продолжил стоять, упрямо глядя в землю под ногами.

— Поверь, ветвь Энергии — это не то, ради чего стоит отчаиваться, — попытался приободрить наставник.

— Легко тебе говорить. Ты владеешь не только Энергией, но и Силой. А я… даже кросс не могу закончить, не опоздав при этом на целый час.

— Если бы ты не пренебрегал отдыхом, твои результаты были бы лучше, — сдержанно ответил Луксор, но ученик, покачав головой, с горечью возразил:

— Нет, не в этом дело. Просто… я бездарен.

Наставник сжал челюсть. В такие минуты ему особенно остро становилось ясно, что за внешним упрямством и пламенными словами ученика скрывается тяжелая рана отчаяния, медленно разъедающая его изнутри.

— Такова жизнь, — наконец произнес Луксор после паузы, стараясь, чтобы голос не выдал пустоты, рожденной неспособностью оказать хоть какую-то помощь. — Приложив огромные усилия, ты можешь развить свои способности. Но изменить природу — невозможно.

Мальчик знал это, но его пальцы лишь крепче вцепились в холодный камень ограды, будто тот мог стать опорой. Сейчас он был рад только одному: что стоит к наставнику спиной.

— Прости, — сказал Луксор. — Чем быстрее ты примешь

правду, тем быстрее станет легче.

Повисла тяжелая тишина. Только Лес тихо шептал свою мрачную мелодию, угнетая обоих. И все же Луксор заставил себя улыбнуться, стараясь вложить в слова больше тепла, чем чувствовал в эту минуту:

— Но ты вовсе не бездарен. Просто путь, который ты выбрал, — один из самых трудных. На всем Острове лишь немногие предрасположены к нему. Поэтому неудивительно, что твои усилия не приносят желаемого результата. — Наставник на секунду умолк, затем прищурился, вглядываясь в ссутуленную спину ученика, и с надеждой предложил: — Может, стоит подумать о другой ветви? Я могу проанализировать твои результаты в Арете и на их основе подобрать направление, которое будет более подходящим для тебя. Если хочешь, мы сделаем это вместе.

Ответ прозвучал тихо, но твердо:

— Нет.

Луксор с досадой вздохнул:

— Что ж, упрямство у тебя точно развито лучше, чем у большинства. Ладно, выбор твой. Но помни: каков бы ни был результат второго Испытания, ты *обязан* принять его.

— Знаю… — глухо выдавил мальчик. — Спасибо за все, брат. Доброй ночи.

Луксор замер, колеблясь. В груди боролись два чувства — необходимость уйти и желание найти те самые слова, которые облегчат израненное сердце ученика. Наконец он шаг-

нул ближе, положил тяжелую, но бережную руку на худое плечо мальчика и уверенно произнес:

— Если хочешь знать мое мнение, я считаю тебя очень сильным. Я говорю серьезно, потому что собственными глазами видел, как твой дух продолжает бороться, даже когда тело валится от изнеможения.

Ученик промолчал, и Луксор, поняв, что сделал все, что мог, взъерошил темные волнистые волосы, развернулся и зашагал прочь. Утерев глаза рукой, мальчик тяжело выпрямился и обернулся, чтобы проводить глазами человека, которым глубоко восхищался. При виде широкой спины и уверенного шага Луксора в его голове сама собой вспыхнула мысль:

«Вот что значит сила… Такой человек никогда не будет чувствовать себя слабым или больным».

И тут, словно факел, в нем вновь вспыхнуло яростное желание стать таким же.

— Луксор! — выкрикнул он с вызовом, разрывая вязкую тишину.

Наставник обернулся.

— Ты помнишь, что было на первом Испытании?

— Такое невозможно забыть.

— Так вот… То же будет *и на втором!*

В густых сумерках, среди призрачного сияния Серого Леса, Луксор уже не мог разглядеть лица ученика. Но по той отчаянной, непоколебимой решимости, что звенела в каждом слове, он понял: на этом лице не могло быть ничего, кроме

выражения, с каким идут на смертный бой. Или — на подвиг.

Глава 2. Великое Древо

Четырьмя годами ранее…

— Итак, всем ли удобно? Всем меня хорошо видно и слышно? Прекрасно! Тогда начнем.

Как Старейшина общины, я имею честь приветствовать вас — тех, кто впервые ступает на путь знаний в нашем прекрасном Арете. В своей небольшой речи я расскажу вам о месте, где вам предстоит пройти непростой, но славный путь, мои юные друзья.

Позвольте начать с вопроса. Подумайте: что является самым ценным в нашей жизни? Верно, это наши близкие и родные, друзья и знакомые — все те, кто заботится о нас. Я уверен, что каждый из вас желает счастья тем, кто близок вашему сердцу. Но вот что важно: наука говорит нам, что счастье одного человека напрямую зависит от счастья всех окружающих. Вот почему стать достойным членом общины — наша общая цель. И именно обучение играет ключевую роль на этом пути.

А теперь я поведаю о принципе, на котором основана вся наша система знаний. Несомненно, нам бы очень хотелось, чтобы каждый из вас стал всесторонне развитой личностью. Но жизнь человека коротка, и времени на то, чтобы стать профессионалом во всем, нам не дано. Так было определено природой; ею же было устроено, что возможности людей

в разных областях распределены неравномерно. Так же как каждый из вас неповторим внешне, так и каждый обладает особым опытом, интеллектом, характером и, если можно так выразиться, разной почвой, в которой всходит не каждое брошенное в нее зерно.

Вас это огорчает? А зря. Ведь именно в этом и заключается великая сила общества. Мы все — как цветы, каждый со своим уникальным цветом и ароматом. Один способен вырастить сад, другой — построить дом, третий — исцелить больного, четвертый — возможно, открыть путь к самим звездам. Давняя мудрость гласит: «Познай свои таланты — и найдешь свое призвание; следуя ему, ты достигнешь вершин мастерства и принесешь наибольшую пользу». Именно в соответствии с этим принципом и выстроена наша система обучения.

Первые четыре года в Арете будут одинаковыми для всех вас. Это время основ, необходимых каждому члену общины: умению мыслить ясно, трудиться честно, уважать и понимать друг друга. Подобно путнику на пиру знаний, вы будете пробовать разные блюда, чтобы понять, какое из них наиболее насыщает ваш разум, а какое приносит радость и пробуждает интерес. Постепенно вы начнете замечать, что одна дорога дается легче другой, и как сердце радостно бьется, когда вы занимаетесь тем, что ваше по природе. Ну а дальше… каждый из вас пойдет своим уникальным путем. Но куда бы ни вели вас тропы, помните: все они в итоге сходятся в одно

— в силу и процветание нашей общины.

Чтобы лучше объяснить эту мысль, я приведу пример. Представьте огромное древо с крепким стволом и бесчисленными ветвями. Его глубокие корни — это прошлое нашей общины, труд и опыт предков. Мы же с вами начинаем путешествие, поднимаясь по стволу, и по мере того, как мы растем и развиваемся, каждый из нас, выбирая свою ветвь, в конце концов становится одним из бесчисленных листочков, поддерживающих жизнь великого древа.

Между прочим, наша система обучения — тоже не застывший камень, а живой организм, который совершенствуется с течением времени. На сегодняшний день Большим Советом был установлен следующий порядок: одни ветви дерева представляют собой точные науки, другие — гуманитарные, третьи — ремесленные, четвертые — творческие. Каждая из них — как дорога с собственными тропами, испытаниями и вершинами…

О, все верно. Вы, конечно же, уже сталкивались с таким понятием, как Испытания. Поначалу они могут показаться препятствиями на пути, но на самом деле это ступени, ведущие выше. У каждой ветви испытания свои: где-то их больше, где-то они сложнее. И да, кто-то из вас может подумать, что система несовершенна. И будет прав. Но пока что это самый эффективный и честный способ помочь каждому найти свое призвание.

При этом мы постарались сделать систему распределения

как можно более гибкой. В часы досуга вы сами вольны распоряжаться своим временем: хотите — изучайте науки, даже если работаете в мастерской; хотите — берите в руки кисть и перо, даже если сердце тянется к цифрам. Если вы достигнете определенных успехов и таково будет ваше желание, вы вправе перейти с одной ветви на другую. Самые же трудолюбивые и вовсе могут объединить два направления, становясь, скажем, поэтами молота и плуга или художниками точных наук. Ведь дерево только красивее, когда его листья разного цвета.

Вам всем это понятно? Хорошо! Что-что? Ах, да… Куда же без нее…

Действительно, есть в нашем древе та самая особая ветвь, которая вызывает у молодого поколения наибольшее любопытство и интерес. Должен вас предупредить: к счастью или нет, но этот путь — как смертельно опасный подъем на вершину высокой горы. Лишь очень немногие могут пройти его до конца, ведь он требует не только невероятных физических усилий и силы духа, но и долгих, очень долгих лет упорных тренировок. Так что не спешите бежать туда, увлеченные блеском Силы, — древо само укажет, кто готов выбрать эту ветвь.

А теперь позвольте завершить свой рассказ двумя краткими наставлениями.

Первое: не ищите легких путей. Они — как рыхлый песок: ступать приятно, но далеко не уйдешь. Как огонь закаляет

сталь, так и трудности куют характер. А без сильных личностей общество не может процветать. Поэтому, с какими бы препятствиями вы ни столкнулись — будь то в жизни или в учебе — помните, как девиз: не сдаваться, не унывать и всегда искать выход.

И второе: среди вас нет «способных» и «неспособных». Каждый из вас уже несет в себе дар. У одних он сияет открыто, как цветок в саду, у других — дремлет в глубине, как семя в земле, ждущее дождя. Но и тот, и другой — равноценные части нашего великого древа!

Ну что ж, надеюсь, я не слишком утомил вас своими старческими речами. А сейчас вас ждет увлекательная экскурсия, новые знакомства и, конечно же, веселый праздник. Желаю вам удачи, радости и сил. И пусть ваша жизнь будет наполнена светом и принесет благо вам и всей нашей семье!

Глава 3. Первое Испытание

Настоящее…

Проснувшись, он поморщился: скудные лучи солнца, с трудом пробиваясь сквозь серую листву, били прямо в глаза. Приподнявшись на кровати, мальчишка с всклокоченными темными волосами несладко потянулся — и все тело тут же отозвалось хором ноющей боли.

Первая попытка встать закончилась сдавленным всхлипом: резкая боль пронзила бедро. Эта старая травма, доставшаяся ему после первого Испытания, была живым напоминанием о том саморазрушительном безумии, на которое ему пришлось пойти. В тот раз он отлежался, и боль отступила, но теперь, когда он снова выжимал из себя все силы перед Испытанием вторым, она вернулась, будто оскорбленная тем, что о ней посмели забыть. Нога горела изнутри, словно там тлел злой уголек, и боль от него не давала ни минуты покоя. Он бы мог сказать об этом доктору, который должен был вскоре прийти на еженедельный осмотр, но он уже знал его ответ: «Покой, постель и никаких нагрузок». Но неделя без тренировок сейчас равнялась катастрофе, и потому оставалось только одно — терпеть.

Сцепив зубы, он натянул серую тунику, штаны, закатанные до колен, подпоясался веревкой и вышел из комнаты. Доски лестницы жалобно скрипнули под ногами, но он лишь

бросил взгляд на вешалку у входа.

Она была пуста.

«Вчера плащ был здесь. Значит, снова рано ушла…»

С тяжелой мыслью о матери, которая все чаще исчезала по делам, он прошел сквозь арку на кухню, где его встретил кислый запах отцовского пойла, въевшийся в дерево, и слабый дух сушеных трав, свисающих пучками у каменной печи. В центре стоял дубовый стол, на котором лежал лист бумаги.

«Завтрак приготовить не успела, сделай что-нибудь сам. И лучше — помой посуду».

— Как всегда… — закатил он глаза и демонстративно швырнул записку в топку, где та мгновенно съежилась до черной корки. Затем взгляд его скользнул к раковине, полной грязной посуды, отчего он со вздохом прижал ладонь к лицу. Желудок урчал, требуя еды, но он знал: если не сделать это сейчас, потом будет только хуже.

Примерно через четверть часа, когда он подвешивал последнюю вымытую сковороду на крючок, парадная дверь скрипнула, заставив сердце сжаться. Через мгновенье в кухню, отряхивая руки, вошел высокий, узкоплечий мужчина в клетчатой рубахе и широкополой шляпе. Его лицо могло бы быть приятным, если бы не вечное выражение недовольства.

— Где мать? — почти прорычал тот.

Мальчик, едва увидев отца, сразу же оцепенел.

— У-ушла… уже… — пробормотал он, уставившись в пол.

Взгляд отца скользнул по кухне.

— Снова бардак, — тут же вынес мужчина приговор. — Живем как в гадюшнике!

— Я как раз убираюсь… — почти жалобно сообщил он.

— Ел что-нибудь?

— Еще нет…

— Тогда чисть овощи, — бросил отец и вышел. Только когда его шаги стихли, сын позволил себе облегченно выдохнуть. Затем, схватившись за нож, он принялся нарезать морковь с такой яростью, словно та была его заклятым врагом.

Через пару минут отец вернулся с корзиной яиц. Сняв шляпу и смочив короткие темные волосы водой, он молча встал к плите, и вскоре вся кухня наполнилась ароматом жареного лука, помидоров и специй. Сын знал: готовить у него получалось гораздо лучше, чем разговаривать с людьми.

— Садись, — буркнул отец, выкладывая на тарелки яичницу с золотистой корочкой.

Он подчинился, хотя внутри все сжалось от страха. Ругань, приказы, порой затрещины — все это он уже научился терпеть. Но сидеть рядом с отцом за одним столом было все равно что ужинать овце бок о бок с голодным волком.

— Где шлялся вчера допоздна? — небрежно спросил мужчина, откусывая кусок черствого хлеба. Сын напрягся сильнее.

— У меня… были… дополнительные занятия…

— Что ты там мямлишь? Говори нормально! — зазвенела в голосе мужчины привычная угроза.

— Говорю… занятия были… в Арете, — чуть громче повторил он, стараясь сдержать дрожь.

— По какому предмету?

— По… физическому развитию.

— Для чего?

Мальчик сжался, словно зверек, прижатый к стенке. Он знал, что ответ станет искрой для пожара.

— Скоро… Испытание…

Он не ошибся: отец резко замер, сглотнул яичницу и вонзил в него суровый взгляд.

— Ты что, все еще не бросил эту дурацкую затею? Сколько раз тебе говорить: займись *нормальным* делом! Ты вообще ничем не занимаешься, кроме своих идиотских тренировок!

Мальчик постарался запихнуть в себя завтрак побыстрее.

— Че молчишь?!

— Это… моя цель, — обреченно выдохнул он.

— Цель — стать таким же *уродом*?!

Внутри что-то вспыхнуло, и сын с презрением взглянул на отца — но только мысленно. В реальности же он опустил глаза, зная: один неосторожный взгляд — и оплеуха неизбежна.

Ненависть отца к членам Совета всегда оставалась для него загадкой. Для всех на Острове Луксор и его товарищи

были героями — и лишь отец, стоило только упомянуть о них, скалил зубы, словно зверь.

— Спасибо, — тихо сказал он, поднимаясь. — Я доел.

— Чтоб ни на каком ИСПЫТАНИИ тебя не было! Понял?! — прорычал родитель, но сын лишь молча направился к раковине. Это молчание взбесило отца еще сильнее.

Выскочив из-за стола, мужчина схватил его за плечо и с силой развернул так, что тарелка едва не выскользнула из рук.

— ТЫ ПОНЯЛ?! — повторил отец, наклонившись к его лицу.

— Да… — жалобно пролепетал он, не смея возразить.

Внезапно взгляд мужчины прояснился. Он ослабил хватку, отступил, и лицо его вновь застыло в привычной гримасе недовольства. Уже выходя из кухни, он буркнул через плечо:

— Убери здесь все! Живем как в гадюшнике…

Мальчик стоял неподвижно, прислушиваясь к удаляющимся шагам. И только когда входная дверь с грохотом захлопнулась, он позволил себе сжать кулаки, с размаху швырнуть тряпку в раковину и скривить яростную гримасу, по которой тут же покатились горячие слезы.

— Я выберусь отсюда… чего бы мне это ни стоило… — шептал он сквозь зубы, наскоро прибираясь и смывая с лица остатки безрадостного утра. Затем, как и отец, он хлопнул дверью и, прихрамывая, вышел из дома.

Стоило ему миновать последние деревья Серого Леса, как

мир преобразился. Яркий свет залил его с головы до ног, а небо встретило необычайно голубым, безоблачным простором — таким же безграничным и свободным, каким он сам мечтал стать.

Не задумываясь ни секунды, он зашагал к скалам плато, где всегда тренировался. Просьба Луксора, боль в ноге, усталость и слова отца — все это меркло перед внутренним голосом, который бился в висках:

«Я докажу. Я — смогу!»

***

Из-под скалистого карниза, украшенного лапами сосны, строго взирала пара янтарных глаз. Вечер медленно подступал, и детям природы давно пора было отдыхать. Но внезапный пронзительный писк заставил орла обернуться. В глубине расщелины, на подстилке из сухих веток, копошилось трое серо-белых птенцов, только что закончивших трапезу. Однако, проглотив последний кусочек и будто мгновенно об этом забыв, они снова подняли жалобный писк, широко разевая клювы. Птица-мать, сидя рядом с выводком, бросила на него умоляющий взгляд — и он понял: отдыхать еще рано. Встряхнув золотистым хвостом, орел поточил загнутый клюв о скалу и прыгнул на торчащий неподалеку сук. Несколько мгновений он всматривался вдаль, а затем, издав гордый клич, сорвался вниз. Рассекая крыльями воздух, он понесся вперед, навстречу огненно-багровому полотну небосвода.

Так, в одиноком полете, долг заставил орла провожать день. Лишь тень от его широких крыльев повсюду скользила за ним по скалам. Тень, строгие линии которой вскоре исказились о длинный выступ утеса, на котором неподвижно лежало тело маленького мальчика.

— М-м-м… — простонал он, медленно открывая глаза. Над собой он увидел крупную птицу, парящую на фоне угасающего неба. Прежде чем двинуться дальше, орел сделал круг, словно проверяя, жив ли этот странный детеныш, зачем-то забравшийся так высоко. — Тебе тоже некогда отдыхать, да? — грустно усмехнулся он и, превозмогая боль, начал подниматься.

От нагретой поверхности скалы, выступающей из плато с северной стороны, исходило приятное тепло. Он любил это место — не только за дивный вид на окрестности, но и за то, что здесь ни один учитель не мог найти его и отчитать за самовольные тренировки.

Оказавшись на ногах, он на миг замер, завороженно глядя на город, залитый мягким светом закатного солнца, где один за другим зажигались огни, словно звезды в миниатюре. Он ясно представлял, как жители, славно потрудившись за день, собираются семьями за ужином, обмениваются новостями, отдыхают. На мгновение ему тоже захотелось туда — к тихому счастью обычной жизни. Однако, подняв взгляд выше, на высокую скалу, в которой был вырезан величественный

Предел, внутри него снова зазвучал настойчивый зов — зов, что был сильнее всех соблазнов. Вновь встав в центре утеса, он закрыл глаза, сложил перед собой пальцы в трехконечную звезду и сосредоточился.

«Энергия — одно из величайших достижений человеческой расы. Те, кто овладел ею, могут силой воли ускорять обмен веществ и усиливать все свои физические способности…» — такими словами начинался первый урок на пути к познанию Энергии. И если ее первая ступень — Внутренняя — была в какой-то мере понятна, то вторая — Сила, или, как ее еще называли, Природная Энергия, наделяющая человека сверхспособностями, оставалась тайной даже для тех, кто ею обладал.

Одни считали Силу даром избранных, другие — новым этапом эволюции, третьи — мутацией. Сторонники последней версии предполагали, что клетки, закаленные годами практики Внутренней Энергией, менялись, позволяя своему носителю поглощать энергию из окружающего мира — солнца, воздуха, земли — и преобразовывать ее в жизненную силу. В доказательство приводили примеры обладателей Силы, чьи глаза со временем начинали светиться ярче обычного, а внешность порой менялась — как, например, у брата Зоркого, чьи черты приобрели хищную, птичью остроту.

Достичь Силы… об этом мечтал каждый юноша острова. И, конечно же, он — наверное, даже больше, чем кто-либо. Однако сейчас для него была недоступна даже крупица

Внутренней Энергии…

Пальцы стиснулись сильнее, лицо исказилось оскалом, и от прежнего внешнего спокойствия не осталось и следа. В этот момент он должен был быть предельно осторожен: один неверный шаг — как не раз предупреждали наставники — мог обернуться трагическим концом. Но в этот миг опасность казалась ему чем-то не стоящим внимания. Он и сам понимал, что попытка была неудачной: эмоции переполняли, а тело молило о пощаде. Но он не желал разрывать связь, всеми силами цепляясь за ускользающий обрывок незримого потока, что заставлял сердце биться чаще. Едва не крича от напряжения, он приоткрыл глаза — и увидел, как дрожащие кончики пальцев обволакивает тонкое покрывало света.

«Давай же…

…ДАВАЙ!!!»

Разряд, подобный удару молнии, пронзил его насквозь, и вечернюю тишину разорвал глухой, затухающий стон боли.

«Вот что значит слабый сосуд…» — горько мелькнуло в голове.

Когда он открыл глаза, то обнаружил, что лежит ничком, уткнувшись лбом в скалу. С усилием перевернувшись на спину, он стал судорожно растирать лицо, пытаясь хоть немного унять пульсирующую боль.

— ПРОКЛЯТЬЕ!!!

Кулак с яростью ударил по скале. Камень, как всегда, остался равнодушным, зато костяшки ответили тупой болью. Слезы жгли глаза, и как он ни пытался их сдержать, горячие капли все равно прорвались наружу.

«Проклятье! Не выходит! Сколько бы я ни пытался!.. Ненавижу это чувство! Эту… беспомощность! Ведь я стараюсь изо всех сил!!!»

«А может… может уже хватит?» — прошептал коварный внутренний голос. — «Смирись. Плыви по течению. Прими свое предназначение.

Предназначение… ничтожества».

— Гр-р-р-а-а-а-а-а!!!

Яростный рев сотряс воздух, эхом отражаясь от скал. Он колотил по камню снова и снова, пока кожа на руках не запылала огнем — и только тогда смог остановиться.

«Довольно!.. Если бы я мог что-то изменить одними ударами, то стучал бы до конца жизни! Но нет… Вспомни, что говорил Старейшина: не унывать, а действовать… К тому же…»

Он втянул воздух полной грудью. Ветер донес сладкий запах хвои и соленое дыхание океана. Досчитав до семи, он медленно выдохнул, пытаясь изгнать всю бушующую в нем бурю.

«…Разве мне когда-то было легко? Никогда. И в тот раз тоже… Но я все же смог… Я… не сдался…»

***

Годом ранее…

Едва первые лучи рассвета разогнали серую дымку, а блестящие волны ночного сияния растворились в бледнеющем небе, несколько десятков сонных учеников начали стекаться к круглой мраморной площадке, расположенной далеко за городом.

Перед площадкой, на каменном возвышении, их уже ожидали все семеро членов Совета, отвечающих за ветвь Силы. Шестеро стояли полукругом, словно хранители того, кто занял место в центре. А в центре, преисполненный достоинства и внутренней мощи, в длинной черной мантии — стоял Старейшина. Его лицо, испещренное морщинами, будто хранило в себе опыт веков, но при этом не теряло мягкости и света доброты. Серебристо-белые волосы ниспадали на плечи и спину, а густая борода, доходившая почти до живота,

разделялась на пряди, как потоки горной реки.

Позади Совета возвышался пьедестал, увенчанный чашей с пылающим огнем. В его отблесках мерцали лица еще трех десятков наставников из Предела, чьи фигуры образовывали немой хор, придавая сцене еще больше величия и торжественности.

Взглянув на Луксора, тихо переговаривавшегося с Кристианом, он сразу вспомнил их разговор, состоявшийся накануне, который до сих пор саднил в памяти.

***

— Брат Луксор! — воскликнул он, почти налетев на наставника посреди двора Арете.

— Здравствуй, брат, — со сдержанной улыбкой поприветствовал его Луксор.

— Меня нет в списке! — проигнорировав приветствие,

выпалил он, вздымая грудь от быстрого бега.

Луксор едва слышно вздохнул — будто именно этого и ждал.

— Списки составляют преподаватели по итогам долгих наблюдений.

— А ты? Ты тоже не рекомендовал меня?!

— Я веду проверочные занятия, чтобы оценить вашу подготовку, — спокойно пояснил наставник. — И я согласен с тем, что твое участие в завтрашнем Испытании может нанести тебе вред.

Мальчик приоткрыл рот, не находя слов. Половину своей короткой жизни он только и делал, что готовился к этому дню, а теперь… теперь его даже не хотели допускать.

— Вскоре ты найдешь себя в другом, мой друг, а сейчас мне пора, — сказал Луксор, уже собираясь уйти, но ученик, захлебываясь отчаянием, вцепился обеими руками в край его плаща. В висках стучало, мысли неслись хаотичным потоком. Он хватался за любую, лишь бы выиграть еще миг.

— Нет, подожди… Не уходи… Объясни… Ведь… О! — в его глазах вспыхнула догадка. — Точно! Нам как-то говорили, что список составляют на основе предрасположенности, но ученик имеет право сам заявить о своем желании участвовать! Ведь так?! Я прав?!

Луксор молча смотрел на мальчика, пока отчаянная надежда на его лице не уступила место тревоге. Наконец наставник со вздохом произнес:

— Да, верно. Что ж, если ты настаиваешь…

— Что? Правда?! Ура! — подпрыгнул он на месте. Но улыбка его почти сразу погасла. Он опустил голову, и голос его стал тихим и полным обиды: — Вы знали, что я хотел участвовать... и все равно не захотели дать мне шанса…

Он развернулся и побрел прочь, но Луксор, положив ладонь ему на плечо, произнес:

— Ты прав, мы виноваты. Но, прошу, не суди строго. Мы действовали из лучших побуждений.

— Не нужны мне ваши «побуждения»! — сорвалось у него, но он тут же осекся, вспомнив, с кем говорит. — Ой… прости, я не хотел…

— Все в порядке, — сказал наставник. — Я понимаю твои чувства. А теперь послушай внимательно. Испытание — не игра. Будь предельно осторожен. Не рискуй напрасно и не теряй головы — это может привести к ужасным последствиям.

Мальчик понимающе кивнул. Возмущение все еще бурлило где-то внутри, но за предупреждением Луксора чувствовалась искренняя забота. Как только он ушел, наставник отправился к стенду со списками: добавить его имя.

***

«Никто из них не верит в меня… Конечно, ведь сама судьба указывает, что этот путь не для меня», — стиснув челюсть, думал он, глядя на плечистые фигуры членов Совета. — *«Ну ничего… я покажу им. Покажу, что достоин быть*

среди них».

— Дорогие мои! — громогласно, но ласково возгласил Старейшина. Он медленно вынул руки из широких рукавов черной мантии и воздел их в приветственном жесте, словно благословляя собравшихся. — Вижу, все испытуемые на месте. И нам — пора бы уже начинать.

Шумная толпа учеников мгновенно затихла, сомкнулась перед возвышением и приготовилась внимать словам старца. Несколько мгновений тот обводил всех внимательным взглядом, а когда заговорил, голос его звучал одновременно торжественно и печально, будто разделяя с ними всю тяжесть предстоящего пути:

— Кажется, только вчера я приветствовал вас с первым школьным днем… и вот уже настал день вашего первого Испытания. За три года учебы вы не раз слышали о нем, но позвольте мне вновь напомнить и приоткрыть суть того, что вас ждет.

С древнейших времен человек стремился познать мир: заглянуть за горизонт, разгадать тайны, увидеть невидимое и, главное, — преодолеть предел своих возможностей. Во всей истории лишь немногим удалось добиться этого, и одним из таких является основатель нашей общины. А этот прекрасный остров, в свою очередь, стал благодатной почвой для тех, в ком может пробудиться особый талант. Именно поэтому все мы здесь можем наблюдать явление, ставшее для нас обыденностью. «Что же это такое?» — наверняка задавались

вы вопросом. И я отвечу.

Глаза учеников жадно расширились. Старейшина сделал шаг вперед, почти к самому краю возвышения, и голос его зазвучал еще более проникновенно:

— Все в этом мире есть энергия. Энергия лежит в основе всего. Она пронизывает все сущее, присутствует везде и всегда. Да, дорогие мои, даже в вас и даже сейчас. И то, что вы можете наблюдать в некоторых из наших братьев — есть ничто иное, как переход одной формы энергии в другую.

Энергия… Да, именно так мы называем это явление. Но, несмотря на то что некоторые представители нашей общины умеют пользоваться ею, постичь ее тайну до конца нам так и не удалось. И, возможно, не удастся никогда. Ведь Энергия — как вода, льющаяся из источника: мы можем поднести к ней руку и ухватить несколько капель, но остальная часть пронесется мимо нас. Однако не отсутствие знаний является нашей главной сложностью. Главная трудность — в самом обучении: это чрезвычайно опасный процесс. Поэтому мы вынуждены использовать все возможные способы, чтобы повысить шансы и снизить риски. В первую очередь, годы практики показали нам, что первостепенным для Энергии является прочный сосуд.

Старейшина провел взглядом по стройным рядам учеников и их напряженным лицам и с легкой тяжестью в голосе добавил:

— Ваше тело и есть этот сосуд. Неподходящий — обяза-

тельно треснет. И когда это случается… исход всегда печален. Я знаю, в вашем возрасте сила и удивительные способности кажутся притягательными. Но, копнув чуть глубже, вы поймете, как тяжела эта ноша. И именно часть этой ноши вы и ощутите на вашем первом Испытании. Для нас же оно станет зеркалом — вашей воли, силы, выносливости и того, насколько крепок ваш сосуд.

Старейшина вдохнул, и голос его вновь обрел торжественную мощь:

— Итак! Послушайте внимательно, в чем состоит ваша задача! А именно: от этого места вам надлежит добраться до точно такого же каменного круга, но расположенного на южном мысе нашего острова. На седьмой день, до захода солнца, вы должны быть там. Предостерегаю! Путь этот проходит через дикие и опасные края! Не раз и не два ваша жизнь окажется под угрозой! Думайте! И вспоминайте все, чему вас учили! А если в какой-то момент окажетесь в опасном положении или решите, что эта стезя не для вас — немедленно сходите с дистанции! Громко позовите на помощь, и наставники, которые будут поблизости, придут к вам. Помните об этой возможности, ибо она может спасти вашу жизнь. Но также помните о том, что наши силы ограничены и мы не можем следить за каждым из вас. Так что повторю еще раз: будьте *предельно* осторожны.

Тишина, наступившая после речи Старейшины, опустилась на всех словно тяжелый покров. Если раньше многие

ученики старались выглядеть уверенными, то после оглашения задачи на их еще совсем юных лицах отчетливо проступали удивление и тревога. Выждав несколько мгновений, чтобы слова глубже укоренились в сознании, старец спокойно закончил:

— А теперь следуйте за наставниками. Они отведут каждого из вас к месту, откуда начнется ваш путь. Да благоволит вам успех, мои маленькие друзья. Да начнется Испытание!

Как только слова растворились в утреннем воздухе, с разных сторон возвышения вышли мужчины в длинных плащах. Ученики робко переглянулись, тихо пожелали друг другу удачи и начали расходиться, следуя за провожатыми. Вскоре на площадке не осталось никого, кроме него. И пока он растерянно вертел головой, пытаясь понять, в какую сторону лучше отправиться, над ним раздался голос Старейшины:

— А ты, дружочек, останься-ка здесь. Отсюда и начнешь.

Ласково улыбнувшись, старец перевел взгляд вдаль, и морщины на его лице тревожно напряглись. Мальчик же постарался использовать это время, чтобы наполниться решимостью и заверить самого себя, что он обязательно пройдет весь путь, каким бы сложным он ни был.

Но внутри уже шевелился червь сомнения. И до этого момента каждая мысль об Испытании была волнительной для него. Но теперь, услышав условия, сердце сжалось, будто его сдавила невидимая рука. Отправляться в ту девствен-

ную часть острова, о которой он ничего не знал, без снаряжения, пищи и карты пугало его по-настоящему. Теперь он понимал, почему на уроке «Островография» им ничего не рассказывали о «хвостике запятой», почему участок карты в этой области был пуст и почему жители всегда отшучивались, когда их спрашивали о тех местах. Все было задумано так, чтобы будущие участники Испытания пребывали в полном неведении.

— Ну все, ступай и будь осторожен, — прозвучал голос Старейшины, и ноги мальчика сами двинулись вперед. Но едва его взгляд упал на холм вдали, за которым скрывалась неизвестность, он замер. Между тем по обе стороны товарищи уже превратились в маленькие, едва различимые фигурки.

Робко обернувшись, он ощутил на себе десятки взглядов.

— Да, мой мальчик, ты хочешь что-то сказать? — спросил Старейшина, прочитав неуверенность на его лице. Но он вдруг резко выпрямился, выпятив тощую грудь так, словно в ней билось сердце льва, и, взглянув на Луксора, с пафосом произнес:

— В этот раз я не стану последним!

Не дожидаясь реакции, он уверенной трусцой побежал навстречу своей судьбе. Старейшина же с приятным удивлением приподнял брови. Его взгляд провожал мальчика чуть дольше, чем следовало, после чего он повернулся к оставшимся наставникам, чьи глаза тоже поблескивали от сказан-

ного. На этот раз старец обратился к ним:

— Прекрасный пример горячего сердца. Однако именно горячие сердца чаще всего и губят юнцов, мешая им позвать на помощь, даже когда они стоят на грани гибели. — Он нахмурился, и лицо его стало почти суровым. — Напоминаю: с этого года мы больше не будем ждать и надеяться, что ребята сами выпутаются из трудных ситуаций. Если вы увидите, что близок критический момент, — действуйте без промедления.

Все кивнули в знак согласия.

— И еще. Хоть в теории у учителей не должно быть любимчиков, такова уж наша человеческая природа: они есть. Поэтому призываю вас: не пытайтесь облегчить их путь. Помните, что крошечная помощь сегодня может обернуться для них огромным злом завтра. Теперь идите — и следите за ними как следует.

Слегка поклонившись, большая часть мужчин направилась к лошадям, мирно пасущимся в стороне. Копыта застучали по земле, и вскоре всадники растворились в утреннем мареве. Рядом со Старейшиной остались лишь шестеро членов Совета.

— Ну а вы — свое дело знаете, — тихо сказал он им, и в следующее мгновение, покрывшись каждый своим сиянием, они со скоростью, превышающей человеческую, бросились врассыпную.

Старейшина остался один. Его взгляд снова устремился

туда, где силуэты учеников постепенно растворялись вдали. В этом взгляде жила тревога, но и тихая, упрямая надежда.

***

Полчаса спустя холм был покорен. Поднимаясь по его сочным травам, он и подумать не мог, какой вид подарит ему вершина. Едва он оказался там, как застыл, пораженный картиной.

— Вот это… Проклятье…

Перед ним раскинулась пустыня — мертвая, безмолвная и бескрайняя, чьи золотистые дюны напоминали волны, тянущиеся к самому горизонту. Воздух над их гребнями дрожал от жары, будто сама земля дышала огнем. Даже океан, омывающий остров, отсюда казался лишь двумя тонкими голубыми нитями по краям мира.

«Неделю жариться в пустыне?» — ужаснулся он и машинально обернулся. Черная фигура старца была едва различима на таком расстоянии, однако ему отчего-то показалось, что тот непременно смотрит прямо на него. И это ощущение — пусть даже придуманное — внезапно придало ему сил.

«Ладно… Я справлюсь».

Он сжал кулаки и снова повернулся к пустыне, внимательно вглядываясь в сухие просторы. Дюны, дюны… Бесконечный океан песка. Лишь на горизонте угадывались смутные очертания каменистых утесов. Внизу, у подножия холма, взгляд его обрадовался неожиданной находке — тонкой нити ручейка, распадающейся на множество змеевидных ру-

кавов, которые пересыхали где-то на востоке. Пока он спускался, разум лихорадочно пытался составить хоть какой-то план.

«Может, дойти до берега, а потом двигаться на юг? Но сколько времени это займет? Ведь я понятия не имею, какое расстояние предстоит преодолеть. Нет… Это Испытание не только на силу и смекалку, но и на выносливость. А значит, придется рискнуть и идти напрямик…»

Вскоре его сандалии коснулись влажной грязи у ручья. Течение было слабым, но вода была пригодной для питья.

«Чем опасен переход через пустыню?» — попытался припомнить он уроки по выживанию. — *«Жара, обезвоживание… перегрев. Главное — защита от солнца».*

Он присел на корточки, погрузил ладони в прохладную воду и жадно припал к ней губами, словно в последний раз. Затем снял тунику, оторвал от подола полоску ткани и тщательно смочил обе части в воде. Тунику он снова натянул на себя, а кусок ткани обмотал вокруг головы.

Поднявшись, он глубоко вдохнул. Ручей был для него рубежом, за которым его ожидала настоящая проверка всех его сил. Растрескавшаяся земля, тонны песка и безжалостный зной сулили множество тягот. Однако все только начиналось, и он был еще полон сил. Наконец, будто переступая невидимый порог между жизнью и смертью, он шагнул через ручей, и в сознании промелькнула волнительная, чуть пугающая, но наполненная предвкушением мысль:

«Началось».

***

Жара была такой, какой он не встречал даже на самых солнечных полянах острова. К полудню солнце показалось ему гигантским костром, разожженным мифическими богами исключительно ради его мучений. Туника и головная повязка давно высохли, и если бы не пот, струившийся по телу бесконечными ручьями, он бы уже превратился в улитку, запекшуюся в собственном панцире. Кожа горела, краснела, будто ее только что вынули из печи, а голова пылала так, что он готов был сунуть ее в песок, если бы это могло хоть как-то помочь. Но песок под ногами был раскален, как сковорода, и обжигал даже сквозь подошвы сандалий. Единственное, что немного спасало — редкие углубления между дюнами, в тени которых он мог спрятаться на минуту-другую и ощутить, как температура падает на крошечные два градуса. Однако жажда, как невидимая рука, все сильнее сжимала горло, превращая каждую минуту в настоящую пытку.

В какой-то момент он уже готов был рухнуть лицом в песок и потерять сознание, когда, взобравшись на очередную дюну, сквозь щели прищуренных глаз различил впереди темное скопление скал. Надежда вспыхнула в сердце, и он заставил себя двигаться дальше. Расстояние до скал казалось смешным, но бесконечные подъемы и спуски по склонам превращали каждый его шаг в борьбу. Понадобился еще целый час изнурительных усилий, чтобы наконец обхватить

первый встречный валун и повалиться на него, как на мягкую постель.

После короткого отдыха он поднял голову. В нескольких десятках метров впереди вздымались неровные, словно застывшее тесто, скалы. Поискав удобное место для подъема, его взгляд задержался на естественных уступах, которые выглядели как ступени, вырезанные для великанов. Через несколько минут он уже стоял наверху, и первое, что он сделал — закричал: сначала едва слышно, а потом во все горло.

— Проклятье… ПРО-КЛЯ-ТЬЕ!!!

Ноги подкосились, и он плюхнулся прямо на зад. Перед глазами, уходя далеко за горизонт, раскинулась та же беспощадная песчаная бездна.

Оказавшись ближе к солнцу, он почувствовал, что буквально сгорает. В панике он закрутил головой, ища спасения, но вокруг не было ни дохлого кустика, ни даже грязной лужи — только длинная тень от скалы тянулась внизу, маня его, как прохладная тропинка. Он уже собрался спускаться, когда вдруг, поддавшись необъяснимому предчувствию, оглянулся назад — и застыл.

«Это еще что такое?..»

Он не сразу понял, что видит. Но было достаточно того, что оно выглядело как гигантское кучерявое облако, которое терлось брюхом о землю и неумолимо надвигалось прямо на него.

«Песчаная буря, что ли?.. СЕРЬЕЗНО?!»

Внезапно внутри его усталого тела откуда-то вспыхнули силы, и он почти вприпрыжку слетел вниз, прижался спиной к скале и замер, прислушиваясь к бешеному биению сердца. Его план был прост — переждать жару в укромном месте. Однако теперь все стало иначе.

«Если буря догонит меня в пустыне, мне негде будет спрятаться. А если останусь здесь… рискую застрять до завтра».

Выбора не было — нужно было двигаться дальше, надеясь, что пески окажутся милостивы, а буря сменит курс. Но прежде, чтобы хоть как-то пережить невыносимую жару, он прибег к способу, который на словах казался абсурдной шуткой, а на деле оказался необходимым для выживания. Сорвав с головы бандану, он бросил смущенный взгляд по сторонам, развернулся к скале и, недовольно буркнув:

— Ну что, учитель Беарус… вы довольны? — приспустил штаны.

Несколько минут ему пришлось разглядывать причудливые узоры скалы в ожидании, пока тело соизволит выдать хоть каплю влаги. Но в конце концов настойчивость была вознаграждена: он смочил лоскут и тут же, зажмурившись от отвращения, обмотал его вокруг головы.

— Фу-у-у… — скривился он, но уже спустя мгновение был вынужден признать: метод действительно работал, принося почти забытое чувство облегчения.

***

Собравшись с духом, он взобрался на ближайшую дюну. Но спускаться вниз не стал, а засеменил вдоль ее извилистого хребта на юго-запад — подальше от надвигающейся бури. Однако вскоре он понял, что его решение было бесполезным: песок будто жил собственной жизнью, никак не реагируя на направление ветра. Буря играла с ним, как кошка с мышонком: то отступала, то вновь бросалась за ним по пятам, «помогая» не задумываться ни о жаре, ни о жажде и заставляя бежать все дальше и быстрее.

Так продолжалось часами, пока наконец стена песка не догнала его. Она не была столь свирепа, чтобы сбить с ног, но ее напора хватало, чтобы изматывать до последней капли. Мириады песчинок липли к телу, секли кожу, пробирались под одежду, а мир превратился в сплошную коричнево-желтую муть, в которой едва было возможно дышать, видеть и думать. Даже туника, натянутая на лицо в качестве маски, не облегчала его мучений.

В какой-то момент его уставшие ноги заплелись в рыхлом склоне. Он споткнулся, рухнул и кубарем покатился вниз, взметая за собой фонтаны песка. Достигнув дна, он не нашел в себе сил подняться — и так и остался лежать, засыпаемый сухим дождем.

«Кажется… Полдня… это весь… мой… предел…»

«Предел?..»

Кулак, как молот, рубанул песок. Зернистая масса лишь

вздрогнула и тут же осела, но он уже почувствовал опору. Сквозь зубы, облепленные пылью, вырвался сдавленный рык раненого, но не сдающегося зверя, и он, дрожа от напряжения, начал поднимать себя на руках.

«Нет уж… Еще не все!»

Он с яростью поднял голову — и тут же вздрогнул. Сквозь вихрь пыли, словно тень, сотканная из самого песка, проступил силуэт. Сначала ему показалось, что фигура приближается, но теперь она стояла неподвижно, как немой наблюдатель — или смерть, пришедшая проверить, готов ли он.

Несмотря на пекло, по спине пробежал холодок. Он рывком вскочил на ноги, шарахнулся в сторону и почти вслепую побрел прочь. А когда инстинктивно обернулся — там, где мгновение назад ему мерещилась фигура, уже не было ничего, кроме танцующего песка.

«Великолепно! Я схожу с ума! Спасибо, пустыня, что делаешь мой путь таким увлекательным…»

Он снова побрел наперекор буре, выставив локти перед собой, будто мог разрезать вихрь этим костлявым тараном. И вдруг, как по волшебству, стена песка перед ним распахнулась, словно тяжелые шторы, и он вывалился из ее душного чрева прямо в вечер. Ветер еще пару раз взвихрил песчинки за его спиной, но скоро все стихло — будто никакой бури и не было вовсе.

Недоуменно сняв бандану, он вытряхнул из нее целую пригоршню песка и принялся оттирать лицо, которое покры-

лось засохшей коркой. Затем, когда сухой язык потерся о пересохшие губы и разум, освободившись от борьбы с бурей, снова напомнил о жажде, он отмахнулся от этой мысли, как от назойливой мухи.

— Нет воды — нет и мысли. Просто… идем… дальше, — беззвучно пробормотал он и, пошатываясь, как пьяный отец, двинулся вперед.

К ночи пустыня начала меняться. Когда солнце наконец скрылось за горизонтом, пески, что еще несколько мгновений назад пылали, как раскаленные угли, начали стремительно остывать, превращаясь в бескрайнюю ледяную пустыню. И если днем он не мог остановиться из-за жары, то с наступлением ночи движение стало единственным средством согреться. Раскатанные до щиколоток штаны и обхватывания себя руками помогали недолго, и вскоре холод пронзил его до костей. Тогда зубы застучали в ритм шагам, став единственным звуком, доказывающим, что он еще жив.

В какой-то миг время для него окончательно рассыпалось, утратив форму и смысл. Мысли вязли, как в тесте, минуты растягивались в вечность, а часы пролетали, как едва уловимые искры мгновений. Несколько раз он падал в песок, и тот встречал его, как жесткая, но удивительно манящая постель. Сон подкрадывался мягко, словно кошка, но каждый раз, готовясь провалиться в сон, он невольно бросал взгляд на звезды, между которыми плыли разноцветные волны —

символы его мечты.

— Мечты… — хрипел он, с напряжением выталкивая слово из пересохшего горла, затем поднимался и заставлял себя идти вперед сквозь блестящие, словно россыпь алмазов, пески.

***

Первые лучи коснулись его так неожиданно, что он резко замер, будто пробудившись от глубокого сна наяву. Подняв голову, он с удивлением заметил, что волны на небе уже исчезли, а из-за горизонта ему подмигивает край раскаленного диска.

«Ну здравствуй, солнышко… Ты не спешило…»

Перед ним высилась дюна — настоящий гигант, загораживающий путь. Мысль о том, что ему, такому уставшему, придется карабкаться на эту громаду, вызвала у него горькую гримасу. Но выбора не было.

Мышцы ног жгло, как от огня, а легкие горели, требуя воздуха, которого вечно не хватало. Где-то на середине подъема он рухнул на четвереньки. Пальцы впивались в мягкий песок, мысли, те немногие, что еще оставались в голове, умоляли остановиться, но он упрямо полз все выше, словно грузный жук, ползущий на фоне бледнеющей луны. Внутри уже не было ни надежд, ни иллюзий — он был уверен: достигнув вершины, увидит все те же безжалостные пески, что будут снова жарить его днем и морозить ночью. Но когда он, почти теряя сознание, все же добрался до гребня, перед глазами

раскрылась картина, от которой он на миг позабыл обо всем.

Впереди, всего в нескольких сотнях шагов, над землей вздымались скалы — внушительные и величественные, сияющие в рассветных лучах солнца так, будто они были сделаны из горящих углей. Но вид этот был настолько чужд и непостижим, что он не сразу мог поверить своим глазам. Эти скалы не могли быть творением природы — по крайней мере, не той природы, к которой он привык.

Первое сравнение, пришедшее ему в голову, было до смешного простым: будто великан-дитя, играя с гигантскими кубиками, построил из них все, на что хватило его буйной фантазии. Кубы, будто вырезанные, возвышались над землей, образуя причудливые башни, арки, ступенчатые пирамиды и даже целую стену, слои которой противоречили друг другу, нарушая саму логику камня. Вокруг лежали хаотичные обломки скал, больше похожие на строительный мусор, чем на следы естественного разрушения. Все это создавало ощущение, будто здесь когда-то был древний город неведомой цивилизации, чья жизнь остановилась в самый неожиданный момент.

Картина завораживала и одновременно сбивала с толку. В голове царил полный диссонанс, но странная смесь природы и чего-то разумного манила его так сильно, что, позабыв об усталости, он жадно впивался взглядом в каждую деталь. И это стало его ошибкой.

Издав изумленное, почти детское «ох!», он слишком силь-

но подался вперед. В тот же миг руки, ослабленные усталостью, скользнули по осыпающемуся склону, и он, кувыркаясь, словно бочка, покатился вниз.

На этот раз отключиться ему не позволил песок, безжалостно забивший нос, рот и горло. И если бы не жесткий кашель — такой, будто он пытался выкашлять половину пустыни — он мог бы даже порадоваться, что спустился вниз так быстро.

«В-вода…» — беззвучно пошевелил он иссохшимися губами, протягивая дрожащую руку к скалам. — *«Там… должна быть… вода…»*

Но спасение оказалось ближе, чем он думал. Стоило ему доползти до первого куста, как взгляд его прояснился: толстые, мясистые листья, покрытые капельками утренней росы, оказались пригодны для питья. Жадно он сорвал несколько листьев, забил ими рот и с хрустом зажевал вместе с песком. Затем завалился на спину и с блаженством закатил глаза, смакуя горьковато-сладкий сок и приговаривая что-то нечленораздельное.

Когда первые муки жажды отступили, на него обрушилось непреодолимое желание уснуть прямо здесь. Но солнце, поднимавшееся все выше, уже начинало обжигать лицо, будто печь на медленном огне. Вздохнув, он собрал остатки сил, поднялся и, шатаясь, добрел до стены, сложенной из огромных кубов, отыскал в ее тени узкую расселину и буквально рухнул внутрь.

Мир тут же провалился в темноту — так же, как и первые сутки Испытания.

***

— М-м-м… о-о-х…

Голова была тяжелой, как булыжник, и болела так, словно во сне по ней без устали колотили молотком. С усилием он заставил себя открыть глаза, высунуть голову из-под укрытия и взглянуть вверх. Солнце стояло высоко — день был в самом разгаре. Тяжело вздохнув, он, точно вялая ящерица, медленно и неуклюже выполз из своего укрытия, чувствуя, как каждый мускул протестует против этого решения.

— Что это ты там делаешь?

Он резко обернулся. Солнце ударило в глаза, и, прищурившись, он попытался рассмотреть фигуру, возникшую словно из ниоткуда.

— Риксус! — радостно и невнятно пробормотал он, с надутыми, как у жабы, щеками.

Перед ним стоял его одноклассник — чуть выше ростом, худой, но все же не такой худой, как он сам. Из-под банданы выбивались завитки русых кудрей, обрамляя лицо с тонкими губами и хитрыми карими глазами. Кожа была так же обожжена солнцем, и в каждом движении сквозила усталость. Но усталость эта лишь подчеркивала его самодовольную ухмылку, что цепляла, как крючок.

— Так что ты там делаешь? — повторил Рикс, будто на-

блюдая за чем-то смешным.

Он смущенно опустил глаза, прожевал то, что было во рту, и, с трудом сглотнув, пробормотал:

— Хочешь пить?

Рикс скосил взгляд на мутную лужицу, притаившуюся меж камней и кустов.

— Это ты эту жижу, что ли, пьешь? — спросил одноклассник голосом, в котором смешались отвращение и любопытство.

— Нет, конечно! — возмутился он. — Здесь есть слизни. Они неплохо утоляют жажду…

— Слизни? — Рикс поджал губы и наморщил нос. — М-м-м… нет. Пока не хочу.

— Нет? Тебя что, не мучает жажда?

— Да пока не очень. Напился в оазисе.

— О-о-оазисе?! — чуть не поперхнувшись, переспросил он.

— Ну да, — просто ответил Рикс. — Мы с ребятами там и пили, и купались, и… — он замолчал, заметив пустой, отрешенный взгляд друга. Ухмылка на миг соскользнула с лица, и он с удивлением спросил: — Так ты там не был?

— Ну-у… Сначала я шел ко всем оазисам, которые видел. Но они оказывались лишь миражами. И так как это удлиняло мой путь, я перестал обращать на них внимание…

— Э-э-эх! — с сочувствием покачал головой Рикс, присаживаясь на ближайший камень и наблюдая, как его товарищ

разыскивает очередного слизняка. — Мне тоже мерещились миражи. Но пить хотелось так сильно, что я бродил от одного к другому, как осленок за морковкой, даже не думая, удлиняет это мой путь или…

Рикс резко скривился, когда одноклассник с мученическим выражением поднял над собой полупрозрачного слизняка. Тот повис, как огромная сопля из детского носа, поблескивающая на солнце. Несколько секунд он колебался, будто ожидая чуда в виде внезапного дождя, но небеса были скупы на свои слезы. Наконец, он заткнул ноздри, разжал пальцы и, передернувшись, принялся жевать. При виде этого Рикс зажал рот ладонями и согнулся пополам, едва сдерживая тошноту.

— Да тебе памятник нужно поставить… За отвагу. Ну что, как тебе вкус?

Он покачал головой, отказываясь комментировать. Рикс ухмыльнулся, снял с пояса мешочек, сделанный из лоскутов туники, и бросил его другу со словами:

— Наверняка хочешь перебить послевкусие!

Он поймал ткань, с любопытством развернул ее — и изумленно уставился на десяток свежих, ароматных фиников.

— Вот это сокровище! Мне что… можно взять пару штук?

— Нет, конечно. Я дал их тебе, чтобы ты просто полюбовался!

Он посмотрел на друга с кислой улыбкой и бросил один

финик в рот. Сладость тут же разлилась по языку, перебивая мерзкое послевкусие слизня.

— Только помни, — предупредил Рикс, — нельзя есть много, когда запасы воды ограничены. А у нас ее, как бы помягче сказать… вообще нет.

Рука, уже тянувшаяся за третьим фиником, замерла на полпути.

— Да… — нехотя согласился он. — Ты прав. Голова и так раскалывается от обезвоживания.

— Значит, мы уже теряем время, — хмыкнул товарищ и, поднявшись, добавил: — Пошли. Нужно найти воду, пока солнце нас окончательно не испекло.

***

— Удивительное место, — восхищенно сказал Рикс, разглядывая ступенчатую пирамиду, поросшую разноцветными лишайниками, мимо которой они как раз проходили. — Нам обязательно нужно будет вернуться сюда после Испытания, чтобы облазить здесь все. Посмотри, сколько интересных мест!

— Оазис… — пробормотал он.

— Что?

— Я спросил: думаешь, все это построено специально для нас?

— Наверняка. Для чего еще им строить такое? Не для красоты же. Хотя… — Рикс еще раз взглянул на пирамиду, — для красоты тоже неплохо получилось.

Так, перебрасываясь короткими фразами, они двигались вдоль рукотворных скал, словно два муравья, случайно забредшие в сад древних титанов. Вокруг не слышалось ни птиц, ни насекомых — лишь их прерывистое тяжелое дыхание и гул шагов по каменистому грунту нарушали величественную тишину этого места.

Постепенно их путь из относительно легкого превратился в процесс преодоления препятствий: приходилось пробираться сквозь завалы обломков, карабкаться по скалам и спускаться по трещинам в глубокие рвы. Но внезапно, когда они взобрались на очередную скалу-башенку, Рикс вскинул руку и радостно воскликнул:

— Смотри!

Внизу, в овраге, густыми пучками росли кустики водяного растения. Спустившись вниз, они вцепились в мясистые листья и принялись жадно выдавливать сок прямо в рот. Жидкость стекала по подбородку, пачкая одежду зелеными пятнами, но им было все равно — каждая капля влаги на пересохшем языке казалась маленькой победой над смертью.

Насытившись хоть чем-то, они двинулись дальше и вскоре уперлись в мрачную преграду — узкий туннель квадратной формы, чьи стены были сложены из гигантских каменных блоков, идеально подогнанных друг к другу.

— Тут нам не перелезть, — разочарованно заключил Рикс, осматривая высокие, гладкие стены, уходящие куда-то вверх.

— И обойти, похоже, тоже… — добавил спутник, хмурясь и оглядываясь по сторонам в поисках альтернативного пути.

— Эх… как же не хочется мне лезть в эту черную дыру…

— Да, мне тоже…

Они кисло переглянулись, словно школьники, вызванные к доске с невыученными уроками, и синхронно вздохнули.

— Ну, вперед… — обреченно сказал Рикс, делая шаг внутрь.

Он последовал за товарищем, и уже через мгновение их обоих проглотила тьма.

***

Густой мрак и узкие стены нещадно давили на нервы, словно они оказались в брюхе громадного зверя. Они шли на ощупь, вскрикивая каждый раз, когда под пальцами что-то приходило в движение, наполняя пространство эхом убегающих ножек.

— Какая гадость! — передернуло его, когда что-то скользкое и холодное метнулось по ноге.

Рикс, отчаянно хлопая себя по плечам, простонал:

— Не понимаю… это у меня мурашки… или сороконожка решила устроить мне расслабляющий массаж?!

— Может, стоило потратить немного времени и сделать факел?

— О, нет, — категорически помотал головой Рикс, словно напарник мог разглядеть этот жест в кромешной тьме. — Даже думать не хочу о том, с кем мне приходится делить про-

странство.

Как будто в ответ на его слова сверху раздался резкий, пронзительный писк, а следом — гулкий взмах крыльев и звук когтей, царапающих камень.

— Думаю, ты абсолютно прав, — пробормотал он, ощущая, как холодок пробегает по спине.

Время, проведенное ими в тоннеле, казалось бесконечным. Мрачные мысли, подобные тем, что они никогда отсюда не выберутся, то и дело всплывали в голове, не давая покоя.

— Как думаешь, если громко позвать на помощь, нас услышат? — спросил он, пытаясь хоть как-то отвлечься.

— Не знаю, — ответил Рикс. — Но если решишь проверить — предупреди заранее, а то от неожиданности можно и…

— СВЕТ! — вдруг вскрикнул товарищ, и в тот же момент схватился за уши, когда эхо от его крика обрушилось на них, словно удар колокола.

— Я же просил не орать без предупреждения! — прошипел Рикс. — Где? Я не… Ох, да, вижу!

Они бросились вперед, едва не спотыкаясь от нетерпения. Однако радость оказалась обманчивой: вместо долгожданной свободы они очутились в круглой пещере, похожей на дно огромного колодца. Высоко — очень высоко — сквозь многочисленные щели пробивался свет, режущий глаза, привыкшие к мраку. В противоположной стене в тем-

ноте тонули сразу несколько проходов, расходящихся в стороны, как лучи от солнца.

— Великолепно, — буркнул Рикс, складывая руки на груди.

Они обменялись взглядами. Лица у обоих были белее мела, губы растрескались, а глаза покраснели от усталости.

— Несмотря на то, что я готов рухнуть прямо здесь, — сказал он, — я бы предпочел еще немного напрячься и забраться наверх, где свет.

— Насчет «немного» — это ты, конечно, размечтался, — хмыкнул Рикс, глядя вверх, где потолка, казалось, не существовало. — Но поддерживаю. Хватит с меня пещер.

И они, словно два упрямых ростка, потянулись к свету. Каменные уступы сменяли друг друга, но каждый раз, достигнув нового, они с тоской осознавали: до верха еще очень далеко.

— Кажется, я подтянулся уже раз двести, — пробормотал Рикс, замерев на очередном выступе, чтобы перевести дыхание.

— Если это второй день… — прохрипел он в ответ, тяжело вздыхая. — Страшно представить, что с нами будет к концу недели.

— Я знаю, — усмехнулся Рикс. — Мы доберемся до луны.

— О, такими темпами мы похудеем настолько, что сможем туда взлететь!

Они оба рассмеялись — тихо, нерешительно, но этого

хватило, чтобы на мгновение снять напряжение. Когда смех растворился в каменном мешке, они снова принялись карабкаться вверх, морщась от боли при каждом прикосновении к скале.

Наконец, усилие за усилием, вздох за вздохом, покрываясь пылью и время от времени громко чихая, они с трудом протиснулись сквозь узкое горлышко вертикального туннеля и рухнули на каменный пол. Несколько минут они просто лежали, не в силах сделать больше ничего, кроме как дышать.

— Неужели… выбрались? — прошептал он, размазывая пыль по мокрому лбу и осматривая небольшую пещерку, в которой они оказались.

— Ого… смотри! — с неожиданным восторгом отозвался Рикс, указывая на широкое, неровное отверстие в стене.

Они поднялись и медленно подошли к краю, затаив дыхание. Все пространство впереди занимали огромные, уходящие вдаль скалы, будто вырезанные небесным резцом. Их слоистые края, похожие на страницы древней книги, пылали багровым светом заходящего солнца. Глубокие трещины терялись в густых тенях, а между скалами тянулись каньоны такой глубины, что взгляд вниз вызывал дрожь в коленях. Вдалеке, на юге виднелась вершина, укрытая зеленым лесом — единственным живым пятном цвета среди серо-бурого каменного однообразия.

— Так все это время мы взбирались на одну из этих гро-

мадин? — удивленно выдохнул он, с трудом веря, что им это вообще удалось.

— Похоже на то, — ответил Рикс, глядя вниз, где извивалось пересохшее русло. — И на это у нас ушла большая часть дня...

Оба тяжело вздохнули, поникнув, словно сдувшиеся паруса, и только ветер свистел в ущельях, нарушая их почти мрачное молчание.

— И все-таки видеть цель куда приятнее, чем ползать под землей, как червяк, — наконец сказал он, стараясь вернуть хотя бы каплю бодрости.

— Согласен, — кивнул Рикс. — Ну что, давай попробуем выбраться отсюда, пока солнце еще не… Ох, ты только посмотри на нас… Словно коты подрали.

Он опустил глаза и увидел, что на тунике зеленые пятна от капель сока переплелись с алыми от крови. Руки были исцарапаны острыми камнями, колени — разбиты.

— Промыть бы все это, пока не загноилось… — пробормотал он, ощущая тяжесть каждой царапины.

— Мечтай, — ответил Рикс с кривой усмешкой.

***

По естественному каменному мостику, что примыкал к пещерке, друзья осторожно добрались до вершины. Соседняя скала стояла всего в дюжине шагов, однако путь к ней преграждала гигантская пропасть. Ничего не оставалось, кроме как идти вдоль края, надеясь найти хоть малейшую

возможность перебраться.

— Посмотри на облака, — спустя время сказал Рикс, кивая в сторону запада, откуда к ним приближалась огромная темная туча.

— Вижу, — глухо откликнулся он. — Надеюсь, будет дождь. У меня уже язык еле ворочается.

— Я бы тоже не прочь искупаться, — хмыкнул напарник. — Вот только если скалы намокнут, при следующем подъеме мы слетим вниз, как шишки.

Осознав правоту друга, он посмотрел на небо уже с опаской:

— Выходит, то, что может нас спасти, вполне может и погубить…

Как они и ожидали, через час солнце скрылось за горизонтом, оставив после себя лишь узкую ленту золотого огня. Вся остальная часть неба почернела, будучи поглощенной надвигающейся тучей. Спустя еще минут десять они добрались до края скалы — и там их ждало разочарование. Пропасть. Снова.

— Метров пять… — прикинул Рикс, но тут же его прервал взволнованный голос друга:

— Там внизу кто-то есть! Смотри, на скалах!

Рикс мгновенно напрягся, всматриваясь в сторону, куда указывал напарник. Скала на противоположной стороне выглядела так, будто ее полоснули гигантские когти, оставив сеть расщелин. Через мгновение его взгляд замер на мальчи-

ке, который цеплялся за край одной из них. Видна была только его белобрысая макушка; лицо же было наклонено вниз — туда, где застыл еще один, отчаянно вжавшийся в каменную стену.

— Давай же, Дар! — надрывно крикнул верхний скалолаз нижнему.

— Мириус?! Это ты?! — крикнул Рикс с ужасом в глазах.

Светловолосый поднял голову. Его лицо было изможденным, но при виде товарищей губы растянулись в подобие улыбки.

— Ребята...

— Что случилось?!

— Дариус… Он посмотрел вниз… и теперь не может сдвинуться с места...

— Проклятье… — вырвалось у него. — Нужно как-то помочь!

Он обернулся к Риксу. Тот стоял, молча уставившись в пропасть. Лишь спустя несколько долгих мгновений друг отрешенно произнес:

— Им… не помочь.

— Что? — ошеломленно выдохнул он. — Но мы же не можем просто стоять здесь… *и ничего не делать!*

— А что ты предлагаешь?! — почти с раздражением бросил Рикс. — Даже если мы свяжем наши пояса, их длины не хватит!

— Тогда… надо придумать что-то другое!..

Тем временем снизу раздался слабый, почти умоляющий голос Мириуса:

— Дар! Дар, посмотри же на меня…

Они оба замолкли и устремили взгляды на второго мальчика. Дариус впервые пошевелился и медленно поднял голову. Его лицо, залитое слезами и пылью, было искажено от ужаса.

— Лезь вверх! — прокричал Мириус. — Силы уходят!

— Я… не могу… — покачал головой Дариус.

— Ты должен! — крикнул Рикс почти приказным тоном. — Лезь вверх, иначе полетишь вниз!

Этот резкий, но простой довод неожиданно вывел Дариуса из оцепенения. Его дрожащая рука медленно потянулась к выступу, пальцы сжались вокруг камня, и вдруг — раздался предательский хруст.

— Нет!!! — вскрикнули они в один голос, но было уже поздно: камень сорвался со скалы, и Дариус, потеряв опору, полетел в пропасть.

Время будто замерло. По-прежнему не мигая, трое испытуемых завороженно смотрели, как Дариус, отчаянно размахивая руками и прерывисто вопя, вопреки всем законам природы не падает вниз, а висит в воздухе, словно пойманный в невидимую сеть. Когда же они подняли глаза — обомлели еще больше.

На другой стороне стоял высокий, широкоплечий мужчи-

на средних лет. Лицо его сочетало мужественную строгость и едва уловимую мягкость, отраженную во взгляде, устремленном на повисшего в воздухе мальчика. Его очерченный подбородок с ямочкой, аккуратные усы и темная щетина контрастировали со светлой кожей; копна вьющихся волос выбивалась из-под серой повязки на лбу; длинный плащ с разрезами по бокам колыхался в порывах ветра, а сама его фигура и даже глаза были объяты ярким пламенем цвета пепла. Мужчина стоял, выставив перед собой руку так, словно держал в ладони невидимое яблоко.

— Брат Левиан!!! — хором воскликнули ученики, и в их голосах смешались благоговение, облегчение и трепет перед явленной мощью.

Левиан медленно поднял руку выше — и Дариус, словно марионетка на незримых нитях, стал плавно подниматься вверх. Когда мужчина опустил ладонь, а его аура растворилась в вечернем воздухе, ученик рухнул на колени рядом с ним, уставившись в свои дрожащие ладони.

— Я… я жив… — выдохнул Дариус, не веря собственным глазам.

— Да. Но твое Испытание завершено, — мягко, но твердо произнес Левиан. Прикрыв на мгновение глаза, член Совета с облегчением выдохнул, а затем приподнял бровь и перевел взгляд на Мириуса, как бы вопрошая, собирается ли он последовать примеру товарища.

Мириус изумленно раскрыл глаза и, не раздумывая, по-

лез вверх, пока не добрался до последней расщелины под поверхностью плато. Убедившись, что второй ученик в безопасности, Левиан склонился к Дариусу, который все еще был бледен, как мел:

— Пойдем. Я доставлю тебя в безопасное место.

— Но… я могу продолжать… — прошептал тот едва слышно.

— Прости, брат, — так же мягко, но непреклонно ответил Левиан. — Испытание — это проверка твоих собственных сил, а не моих. Понимаешь?

Дариус кивнул, склонил голову, и глубокое разочарование исказило его черты.

Тем временем на другой стороне пропасти он, еще минуту назад взволнованный и обескураженный, резко изменился в лице.

— Перебираемся на ту сторону, — произнес он неожиданно твердо.

Рикс, до этого смотревший перед собой стеклянным взглядом, медленно повернулся к нему, как к сумасшедшему.

— И как нам это сделать? Прыгнуть, что ли? — спросил друг с сарказмом.

— Если потребуется, — ответил он без тени улыбки, и ироничная ухмылка моментально слетела с лица Рикса.

— Ты что, решил тоже полетать? Хочешь составить Дару компанию?

Но он не слушал — в голове звенела одна-единственная мысль:

«Луксор не поджал бы хвост на моем месте. Значит — я тоже должен быть храбрым!»

— Не говори ерунды! Давай найдем другой путь! — настаивал приятель, наклоняясь ближе.

— Ты видишь другой путь? — с тихим напряжением отрезал он. — И я не вижу! Я больше не могу терять время! Я пришел сюда не за этим!

— Все ясно… — тяжело вздохнул Рикс. — Спорить бесполезно. Ладно… и как ты собираешься перебраться?

Он задумался, опустив глаза, и спустя миг предложил:

— Давай, как на занятиях — я тебя подброшу.

— Меня?! — изумился Рикс, едва не рассмеявшись. — Это ты прыгать собрался! К тому же… если честно… ты меня даже до середины не добросишь.

— Ну тогда… подбрось меня! — нахмурился он, явно задетый последними словами.

Рикс закатил глаза к затянутому тучами небу:

— Отлично… Вот и узнаем, что сильнее — твое безумие или моя спина. — Он внезапно повернулся в сторону и крикнул: — Брат Левиан! Не уходи! Тут один фанат хочет взять у тебя автограф… прямо сейчас!

— Ты что творишь?! — прошипел он, чувствуя, как вспыхивает от смущения.

— Может, жизнь твою спасаю! — ухмыльнулся Рикс.

Левиан скрестил руки на груди и с любопытством посмотрел в их сторону.

Он сглотнул и отступил назад, отмеряя глазами разбег. Сердце горело решимостью, но ледяной страх уже стягивал грудь, будто невидимой цепью. Пропасть впереди зияла, словно распахнутая пасть хищника, нетерпеливо ожидающего, пока жертва сама прыгнет в его нутро.

Рикс встал в стойку, опершись ладонями о колено, и сосредоточенно посмотрел на товарища. От напряжения его нога нервно забарабанила по каменистой поверхности.

Первая попытка «на счет три» окончилась неудачей — он резко затормозил в последний момент. Сжав кулаки, попробовал снова — но и тогда замер возле друга.

— Может, все-таки передумаешь? — осторожно спросил Рикс, но он, чувствуя себя трусом под взглядом Левиана и замерших на той стороне друзей, недовольно вернулся на исходную позицию.

«Ну все… в этот раз я точно сделаю это!»

Сердце забилось с удвоенной силой, а дыхание стало частым и резким, будто он раздувал в себе пламя решимости. Мир вокруг постепенно растворился, пока не остался только образ Левиана на той стороне и настойчивый голос внутри:

«Я должен! Должен доказать, что достоин быть среди них! И пусть он расскажет об этом Луксору!»

И вот он сорвался с места, представляя, что бежит по знакомой тренировочной площадке Арете. Оказавшись возле

Рикса, он вытянул руку, коснулся плеча друга, поставил ногу ему в сплетенные ладони — и тот, стиснув зубы, со всей силы подбросил напарника вверх.

Он взмыл в воздух. Сердце ухнуло в пятки, а дыхание перехватило. И именно в этот момент, когда следовало думать лишь о приземлении, в голову ему пришла совершенно неуместная мысль. Но, уже начав наклонять тело, взгляд его скользнул туда, где сумерки застилали бездонную пропасть, и страх обрушился с такой силой, что мышцы предали его. Все, что он успел, — прошептать:

— О-о-о нет!

Пыль вихрем взмыла в воздух, когда он, под гримасы товарищей, боком, словно мешок с мукой, рухнул на скалу. На миг ему захотелось просто остаться лежать, чтобы камень поглотил его вместе со стыдом, но взгляды братьев жгли сильнее боли — и он резко вскочил, будто так и было задумано.

— Ты… в порядке? — удивленно и даже немного шокировано спросил Левиан, не ожидавший столь нелепого финала.

— Д-да! Все отлично! Просто равновесие потерял! — выпалил он с нелепой улыбкой, прижимая ушибленный локоть. В этот момент он хотел только одного — чтобы Левиан ничего не рассказывал Луксору.

— Будь осторожнее, — посоветовал наставник, и уголок его губ дрогнул в сдержанной улыбке.

Затем Левиан перевел вопросительный взгляд на Рикса. Тот стоял, растерянно глядя перед собой. Перспективы для него были безрадостными: переправы нет, Левиан вот-вот уйдет, друг, которому удалось-таки перебраться, тоже покинет его, и все, что ему останется, — скитаться по голым скалам в полном одиночестве.

— Ах, чтоб меня! — фыркнул он и, подойдя к краю, крикнул: — Мириус! Готовься поймать меня! Если допрыгну, конечно…

Мириус ухватился за выступ скалы, похожий на клык гигантского зверя, и вытянул руку вперед. Рикс глубоко выдохнул, собрался с духом и побежал. Ветер свистнул в ушах, и через секунду он исчез, скрывшись за краем плато.

— Рикс!!! — хором воскликнули он и Дариус, бросаясь к краю. Но, заглянув вниз, они увидели товарища целым и невредимым. Более того, Рикс довольно ухмылялся, словно только что выиграл спор у самой смерти.

— Обалдеть… — выдохнул он, завидуя храбрости друга. Затем, опомнившись, развязал свой веревочный пояс длиною в метр, лег на живот и свесил конец вниз. Дариус мгновенно угадал его замысел и ухватил за ноги, чтобы не дать сорваться. Через несколько минут с бравадными шутками, пыхтением и ворчанием, все четверо мальчиков уже стояли на твердой поверхности плато, похлопывая друг друга в знак дружеской поддержки.

— Нам пора, — сказал Левиан, кладя ладонь на плечо Да-

риусу. Тот, вспомнив, что его собственное Испытание подошло к концу, печально склонил голову.

— Эй, не горюй! — тут же подбодрил его Мириус, хлопнув по спине.

— Да, ты был крут! — добавил Рикс с кривоватой ухмылкой, в которой, как всегда, было больше тепла, чем насмешки. — Держался до последнего. Почти до самого низа.

— Спасибо… Удачи вам… — слабо улыбнулся Дариус в ответ.

Левиан опустился на одно колено, жестом приглашая взобраться ему на спину. Дариус послушно обхватил его шею руками, и мужчина, обведя оставшихся учеников внимательным взглядом, ободряюще кивнул. В следующее мгновение его тело окутал мягкий пепельный свет ауры, и, словно не замечая силы тяжести, он одним легким прыжком преодолел пропасть и устремился вдаль, быстро исчезая в сгущающихся сумерках.

— Как же здорово! — выдохнул он, не скрывая восторга.

— Нам бы так… — мечтательно пробормотал Мириус.

— Да уж… Это бы облегчило нам жизнь. Скакали бы, как кузнечики! — усмехнулся Рикс и повернулся к другу, который, несмотря на усталость, не мог скрыть широкой улыбки:

— Рад, что ты все-таки передумал.

— Подумал, что я тебе еще пригожусь, — хмыкнул Рикс и, прищурившись, спросил: — А что это было… Ну, в воздухе?

Он сразу смутился и, кашлянув, пробормотал:

— Сальто… хотел сделать.

Рикс прыснул со смеху так громко, что эхо разлетелось по всему ущелью.

— На тренировках получалось! — попытался оправдаться он.

— Тут тебе не поле с песочком, хвастунишка!

— Да я уж заметил… — проворчал он, потирая ушибленный бок и морщась.

Совсем скоро над их головами разыгралось знакомое чудо. Небо ожило сотнями серебристо-аметистовых узоров, переливающихся и мерцающих, словно живые волны, сотканные из света и магии. Как только скалы засияли призрачным сиянием, несмотря на сгущающийся холод ночи, на сердце у ребят потеплело.

— Каждый раз будто впервые… — шепнул он, завороженно глядя вверх.

— Красота… хоть картины пиши, — согласился Рикс, и троица, в поисках ночлега, двинулась дальше.

Вскоре под поверхностью скалы они заметили расщелину, уходящую вглубь каменной толщи. Внутри оказалось сухо и достаточно просторно, чтобы укрыться от ветра, и они с облегчением спустились внутрь.

— Мы с Даром целый день ничего не ели… — поделился тяжелой участью Мириус, едва передвигая ногами.

— И мы с Риксом тоже… — откликнулся он. — А Дариус, наверное, сейчас за всех нас объедается…

Рикс, растянувшись на относительно ровном месте, устало пробормотал, закрывая глаза:

— Мир, я бы с удовольствием послушал твою историю… но я уже теряю сознание...

— А у меня все равно нет сил что-либо рассказывать… — зевнул Мириус, устраиваясь рядом.

— Жаль, что нет припасов для огонька… — вздохнул он, укладываясь на жесткий каменный пол и моментально проваливаясь в сон.

— Да, и матраса… — едва слышно добавил Рикс сквозь дрему.

— И подушек… — сонно прошептал Мириус.

Так, в глубине темной пещеры, прижавшись друг к другу, словно котята, они завершили свой второй день Испытания.

***

Казалось, он едва сомкнул веки, как их тут же заставил раскрыть оглушительный шум — будто тысячи разъяренных змей одновременно зашипели прямо у ушей. В следующий миг сверху будто что-то взорвалось, и он затрясся от чьей-то настойчивой руки.

— Вставай! Быстрее, быстрее!

Вырванный из власти сна, он сел, безжизненно уставившись в пустоту. Перед ним вырисовывалась чья-то фигура, постепенно обретшая знакомые черты Рикса.

— Пей, пока есть возможность! — крикнул тот сквозь шум.

— Что будем пить?.. — пробормотал он в полусне, будто стоял в очереди за лимонадом. Но миг спустя, осознав, что сидит в огромной луже, мгновенно проснулся и бросил взгляд к входу.

Снаружи стеной хлестал ливень, пробираясь внутрь пещеры. Резко вскочив, он бросился к друзьям и, как они, распахнул рот, подставив лицо под дождевые струи. Глотки казались сладкими, как мед. Вода стекала по подбородкам, пробиралась под туники, но они не замечали этого — жажда, мучившая их столько времени, наконец отступала. Напившись вдоволь, они переглянулись, и на их усталых лицах, подсвеченных вспышками молний, расплылись довольные, широкие улыбки.

Небо, затянутое черной тучей, то и дело прорезали яркие молнии. Но, несмотря на это, тьма снаружи оставалась густой, как чернила.

— Что будем делать? — пробормотал Мириус, наблюдая за тем, как вода упорно сочится внутрь, затопляя их ночное жилище. — Скоро тут можно будет устраивать заплывы.

— Кажется, там дальше был выступ, — вяло ответил он, ощущая, как усталость снова обрушивается всем своим весом.

— Пойдем, проверим… — зевнул Рикс.

Они углубились в темноту пещеры и действительно на-

ткнулись на каменную ступень, возвышающуюся над уровнем прибывающей воды. На ней, под яростный барабанный бой дождя, они и продолжили свой отдых.

Ночь прошла в обрывках сна. Он то и дело просыпался от раскатов грома, но снова проваливался в беспамятство, пока наконец не очнулся с ощущением, что проспал все на свете.

— Вставайте! — крикнул он почти в панике, спрыгнул вниз и с хлюпаньем погрузился в ледяную воду по колено.

В пещеру врывался косой солнечный свет. В воздухе витал запах сырости, мокрого камня и страха — страха утраченного времени.

— Так и знал… — проворчал он, выглядывая наружу. — Мы проспали половину дня!

Из глубины пещеры показались товарищи: сонные, помятые, со взъерошенными волосами, словно только что пережили шторм. Жмурясь от света, они подошли к нему и тоже посмотрели в небо.

— Да нет… — пробормотал Рикс. — Сейчас не больше десяти…

— Это все равно слишком много! — с возмущением ответил он.

— Знаю… Но вчера я так вымотался, карабкаясь по этим скалам, что тело просто отказывалось вставать.

— А мне, — выдохнул Мириус, подтягиваясь, — кажется, что я вообще не спал… Только глаза закрыл — и уже утро.

— Ну все! Хватит разговоров! — прервал он. — Пора в путь!

Но, уже приготовившись выбраться наружу, он замер, бросив взгляд вниз. Там, где еще вчера лежало сухое русло, теперь бурлила бешеная лавина воды.

— Отлично! — радостно воскликнул Мириус. — Где вода, там и еда!

— Ага… — хмыкнул Рикс. — Вот только где мы… и где эта вода.

***

Выбравшись наверх, они двинулись вдоль обрыва, поглощенные каждый своими мыслями. Скалы под ногами были мокрыми и скользкими, воздух все еще держал в себе запах грозы, а солнце, то выглядывая из-за туч, то снова прячась за их тяжелыми телами, окутывало мир тусклой серостью.

Вдруг раздался радостный возглас Мириуса, который ближе всех шел к краю:

— Смотрите, что я нашел!

— Надеюсь, местную трапезную… — оживился он, спеша к товарищу.

— Ага, еще чуть-чуть — и сядешь за стол, — усмехнулся Рикс. — Всего-то пять деньков еще потерпеть.

Они подошли к Мириусу. Тот вытянул руку и указал на причудливое змеевидное деревце, цепляющееся корнями за каждый выступ скалы. На его ветвях, в уютном гнездышке, сидела птичка с черным оперением. Увидев друг друга, ре-

бята и птичка замерли.

— Это, конечно, не накрытый стол… — протянул Рикс с легким разочарованием. — Но на закуску потянет.

— Я не буду ее есть, — категорично отрезал он. Рикс, кисло ухмыльнувшись, стал приближаться к краю:

— Птица нам и не нужна. Но под ней могут быть яйца.

При упоминании о пище живот у него громко заурчал, напоминая, что за последние несколько дней его рацион ограничивался лишь листьями, парой отвратительных на вкус слизней и горстью фиников.

Рикс тем временем осторожно ступил на толстую ветку, тянущуюся над пропастью. Дерево жалобно застонало и покачнулось, однако птица, вопреки ожиданиям, не двинулась с места, продолжая пристально следить за нарушителем.

— Да улетай же ты! — шикнул Рикс, размахивая руками, но птица сидела, как прибитая. Тогда он отломил сухую ветку и принялся поддевать ею упрямую хозяйку, стараясь не свалиться. — Ух ты, четыре яйца! — вполголоса сказал он восхищенно, когда птица, возмущенная таким обращением, все же взмыла в воздух. Но едва он протянул руку к гнезду, как разъяренная мать обрушилась на него с неистовой яростью, царапая когтями и норовя попасть клювом в глаза.

— Ай-ай-ай-ай! Да что ж ты творишь, пернатый монстр?! — завопил Рикс, закрывая лицо рукой и отчаянно размахивая веткой.

— Рикс! Держись! — крикнул Мириус и ловко прыгнул

на соседний ствол. Пока яростная птица билась с первым нарушителем, он быстро сунул руку в гнездо.

— Хватай скорее и уносим ноги! — прокричал Рикс, пятясь назад по ветке.

— Оставь хотя бы одно! — взволнованно воскликнул он, и Мириус, уже касаясь последнего яйца, на миг замер, а затем убрал руку, оставив его на месте.

— Бежим! — взвыл Рикс и, спрыгнув обратно на скалу, вместе с Мириусом дал деру. Он же посмотрел на мечущуюся над опустевшим гнездом птицу и, чувствуя, как вина давит на сердце, тихо произнес:

— Прости…

Но из слов, однако, не выведешь потомства. И птица, злобно прищелкнув клювом, метнулась в его сторону с такой яростью, что ему пришлось оставить свои извинения и броситься догонять друзей.

Когда Мириус, все еще глубоко дыша, протянул ему маленькое яйцо, он брезгливо поджал губы. Мириус, заметив это, робко пробормотал:

— Мне тоже не по себе, что мы так поступили. Но сейчас… это необходимость. Кто знает, когда еще удастся раздобыть хоть что-то.

— Ты прав… — вздохнул он и неохотно принял яйцо, стараясь не думать о черной птице, которая, должно быть, в этот самый момент оплакивала свою потерю под серым,

тяжелым небом.

***

Удача будто решила поддержать их в это хмурое утро. Вскоре они достигли узкой каменной перемычки между утесами и наконец перебрались на другую сторону, что открыло им путь к цели — на юг. Однако, когда первый раскат грома разорвал тишину и вслед за этим заморосил дождь, у них появился новый повод для беспокойства.

— Что ни день, то…

— Испытание, — закончил он за Рикса, ускоряя шаг. — Даже думать не хочу, что нам уготовано сегодня.

— Надеюсь, дальше освежающего душа дело не пойдет, — пробормотал Мириус, косо глядя на чернеющие громады туч.

Через несколько часов ребята оказались на краю скалы, граница которой резко обрывалась. Ниже простиралась сеть ущелий, петляющих и пересекающихся, словно гигантская паутина из камня.

— Неплохая работа, — протянул Мириус, окидывая ландшафт оценивающим взглядом.

— А как же! Для нас старались! — фыркнул Рикс, прижимая кулак к сердцу и стараясь выглядеть невероятно важным. — Чувствуешь, как тянет задержаться здесь подольше?

— Да, сюда бы ребят побольше, и в прятки! — с азартом добавил Мириус. — Вот это была бы игра!

Двое друзей тихо рассмеялись. Он же, стоя рядом, не раз-

делял веселья. Взгляд его был прикован к лабиринту внизу, и мысли крутились вокруг одного — времени.

— Еще одна задержка… — сказал он почти мрачно и, не мешкая больше ни секунды, спрыгнул вниз.

Остальные переглянулись — и нехотя последовали за ним.

Оказавшись в лабиринте, они быстро потеряли ориентир. Высокие стены закрывали собою весь мир, оставляя лишь узкую полоску черного неба, с которой неустанно капал усиливающийся дождь. Коридоры изгибались, закручивались спиралями и заводили в тупики. Раздражение и усталость росли, но сопротивляться этим запутанным путям было бесполезно — оставалось только идти наугад, надеясь на удачу.

Наконец, проплутав несколько часов, они вышли в просторное замкнутое пространство, откуда в разные стороны вело множество коридоров. Первое, что привлекло их внимание, — струйки воды, стремительно стекавшие с одной из каменных стен.

— Вы чувствуете? — спросил он, вдруг остановившись.

— Будто земля под ногами дрожит? — неуверенно ответил Мириус.

Они замерли, прислушиваясь. Шум дождя уже давно стал привычным фоном, но сейчас за ним слышалось нечто другое — низкий, нарастающий гул, от которого вибрировало в груди. И вдруг, как удар молнии, их пронзил леденящий

страх, и они инстинктивно прижались друг к другу.

— Это… просто дождь усиливается. Верно? — попытался успокоить себя и друзей Мириус. Однако каждый нерв в их теле уже почувствовал то, что сознание не хотело осознать: что-то надвигалось. Что-то огромное. И смертельно опасное.

Струйки воды вдруг превратились в хлещущие водопады, а позади, из коридора, откуда они пришли, раздался грохот, который мог издавать только дикий поток, несущийся, словно лавина.

— Предлагаю забыть об усталости и… БЕЖАТЬ СО ВСЕХ НОГ! — проорал Рикс, и они тут же бросились в противоположный шуму проход.

Направление больше не имело значения. Важна была только скорость. Подгоняемые первобытным страхом, они неслись по длинному коридору, пытаясь спастись любой ценой.

В какой-то момент он не выдержал и оглянулся. Позади, подобно табуну обезумевших лошадей, за ними мчалась стена воды, пожирая пространство с чудовищной скоростью.

— БЫСТРЕЕ! Бегите… БЫСТРЕЕ!!! — заорал он, пытаясь перекричать рев стихии, но с каждым мгновением расстояние между ними и волной неумолимо сокращалось.

Когда катастрофа уже казалась неизбежной, Рикс, бежавший первым, заметил сбоку узкий проход.

— Вправо! — крикнул он и резко нырнул за угол.

Напарник, не ожидавший такого маневра, едва успел его повторить. На полном ходу он впечатался плечом в камень, развернулся на месте — и в тот же миг, с отчаянным воплем, перед его лицом пронесся Мириус, подхваченный яростным гребнем волны. От этого зрелища глаза у него полезли на лоб, а ноги будто окаменели.

— НЕ СТОЙ!!!

Крик Рикса, полный ужаса, вырвал его из оцепенения, и он снова бросился бежать.

Стихия снова дышала им в затылок, принуждая бежать так быстро, как никогда в жизни. Но и этого было недостаточно. И вот, когда на спины уже падали первые капли, они заметили впереди спасение — корни деревьев, пробившиеся сквозь каменный свод и свисающие вниз толстыми, узловатыми жгутами. В одно мгновение товарищи подпрыгнули, вцепились в них мертвой хваткой — и в тот же миг их по пояс накрыл сокрушительный напор воды.

Риксу повезло ухватиться за целый пучок корней; ему же достался лишь жалкий конец одного корешка, который под натиском потока тут же натянулся, как тетива.

— ДЕРЖИ РУКУ! — крикнул Рикс, протягивая к нему ладонь.

Поток беспощадно хлестал по лицу, бил в грудь, но он все же протянул руку навстречу. Казалось, их пальцы все удлинялись и удлинялись, вот-вот готовые коснуться друг дру-

га… и тут — раздался предательский треск. Корень лопнул, и поток, подхватив мальчика, понес его прочь с обломком корня в сжатом кулаке.

Теперь он был лишь щепкой в лапах безумной стихии. Волны с ужасающей мощью таранили друг друга, тучи извергали дождь, будто копили его веками, а молнии вонзались в пики скал, взрывая воздух таким грохотом, что казалось — наступил конец света.

Он барахтался, пытаясь удержаться на поверхности, хватая ртом воздух между ударами волн, но течение было сильнее. Внезапно на его пути возникла каменная стена, и в следующий миг поток буквально впечатал его в камень. Инстинктивно зацарапав скользкую поверхность, он едва успел сделать вдох и подумать о том, чтобы позвать на помощь, как его тут же засосало в туннель под скалой.

Как истинный сын острова, чья жизнь с ранних лет была связана с водой, он мог задерживать дыхание на несколько минут. Но сейчас течение швыряло и вертело его, как игрушку, и не прошло и двух минут, как легкие у него начали гореть. Он уже прощался с жизнью, когда поток внезапно вынес его в пещеру. В миг, когда зрение прояснилось, он успел заметить темное небо через полуоткрытый потолок, водопады, хлещущие с поверхности с оглушительным ревом… и водоворот с черной бездонной пастью прямо по курсу.

— А-А-А-А!!! — заорал он от ужаса, отчаянно гребя в сторону от неминуемой гибели. И в этот момент судьба смиловалась над ним: он врезался в заостренный сталагмит, торчащий из воды, и прижал его к себе, будто самое дорогое.

Несколько мгновений он просто жадно глотал воздух. А затем заставил себя действовать. Свет в потолке манил, обещая спасение — и он, перемещаясь от одного сталагмита к другому, вскоре подобрался к углу, где течение было слабее, и начал карабкаться вверх. Вода хлестала в лицо, заливая глаза, но пальцы судорожно хватались за выступы снова и снова.

Однако силы быстро иссякли: руки задрожали, и он замер, тяжело дыша. Но тот, кто не двигается вперед, неизбежно движется назад. Стоило ему остановиться, как мощный напор снова потянул его вниз. Он понял: еще миг — и сорвется.

В отчаянии он обернулся. На соседней стене виднелось что-то вроде узкого природного карниза. Собрав последние силы, он прыгнул, ухватился за мокрый край и с трудом подтянулся. Оказавшись на выступе, он смог лишь обессиленно сесть, свесить ноги в пустоту и, тяжело дыша, смотреть на смертоносный водоворот, что с ревом поглощал все, что осмеливалось приблизиться.

«Одно радует… Меня больше не мучает жажда… Даже больше. Я СЫТ по горло!»

Стена за его спиной была почти гладкой. До отверстия

в потолке оставалось всего два метра — но они были так же недостижимыми, как звезды. Оставалось лишь сидеть и вслушиваться в эпическую симфонию воды, грома и молний, что сотрясали пещеру. Но даже когда его мышцы непроизвольно задрожали от холода, он твердо решил, что не станет звать на помощь.

«Ну вот и все... Впрочем, я всегда знал, что так и будет. Я слишком медленный, слишком слабый, и мне вечно не везет…» — печально подумал он, глядя в черную бездну. Он оплакивал свою мечту, товарищей и самого себя — и вдруг сквозь грохот воды и раскаты грома уловил иной звук. Он прислушался — и в следующую секунду закричал изо всех сил:

— Эй! Я здесь! Ау!

Он замер, с надеждой глядя вверх. И наконец услышал отклик: сначала слабый и неразборчивый, но постепенно становившийся все яснее. И вот, на фоне графитового неба из-за линии уступа медленно выдвинулась мокрая голова Рикса.

— Отдыхаешь? — устало спросил напарник, даже не в силах ухмыльнуться.

— Брат! — не скрывая радости, воскликнул он. — Ты живой!

— Живой? Я пока не уверен… Может быть, мы оба… ну, того?

— Конечно… — отозвался он и, кивнув в сторону воронки, с кривой улыбкой добавил: — А это — наш уютный уго-

лок в загробном мире…

Рикс покачал головой, затем снял с пояса спасительную веревку и не без труда помог напарнику выбраться.

***

Когда он оказался на поверхности, ребята по-дружески обнялись, словно нашли друг друга после долгих лет разлуки. Похлопав друга по спине, он с тревогой спросил:

— Ты видел Мириуса? А вдруг с ним что-то…

Он не договорил. А Рикс, будто не в силах больше сдерживать бурю внутри, сорвался на крик:

— За эти три дня я столько раз был на волосок от смерти, что уже сбился со счета! Но сегодняшний день… это просто нечто! Так что я не удивлюсь, если Мириус… Нет, если в конце мы все останемся живы, я буду ОЧЕНЬ удивлен!

Он поджал губы, прекрасно понимая, что друг имеет в виду. Подобные мрачные мысли рано или поздно должны были посетить каждого на этом Испытании. Однако, когда Рикс добавил еще кое-что, сочувствие в его глазах вдруг сменилось глубокой отрешенностью.

— Думаю… нам лучше остановиться. Давай вернемся домой.

Прошла секунда, другая — и вдруг он резко развернулся и молча зашагал прочь.

— Эй, ты чего? — растерянно окликнул Рикс. — Обиделся, что ли?

Он остановился и обернулся. Взгляд его был тяжелым и

хмурым, будто он разочаровался в целом мире.

— Я пришел сюда пройти Испытание, — устало, но твердо сказал он. — Если для тебя это не важно — возвращайся.

Рикс замер, ошеломленный.

— Да нет же... Я тоже хочу пройти Испытание. Просто мы с тобой еле на ногах стоим. Если не закончим сейчас, то либо умрем, либо серьезно пострадаем. Они… они делают все, чтобы именно так и вышло.

Он нахмурился, будто не понимая:

— Что?.. Не говори ерунды.

— Ерунды?! — возмутился Рикс. — Ты вообще видел, где мы?! Разве эти скалы и этот лабиринт не доказательства? Но это еще цветочки. Я бы никогда не подумал, что они могут использовать против нас Силу! Все еще не веришь? Думаешь, такие шторма возникают здесь случайно?

Он на миг замялся. Где-то в глубине шевельнулось понимание, но оно быстро сменилось привычной одержимостью.

— Да это не важно. Я должен пройти Испытание.

И снова, без предупреждения, он двинулся вперед. Рикс шумно выдохнул, почесал затылок, постоял еще мгновение, а затем с досадой пробормотал:

— Ну ладно… Пройдусь с тобой еще немного.

К счастью, лабиринт вскоре остался позади. Шторм тоже начал утихать: гром уже не сотрясал мироздание, а ворчал где-то вдалеке, дождь не хлестал, превратившись в терпи-

мую морось, а в сером небе прорезались первые многообещающие просветы.

Продолжая путь, они время от времени выкрикивали имя Мириуса, но в ответ слышали лишь эхо собственных голосов. Наконец, достигнув самого края, оба замерли, забыв на миг обо всем.

Перед ними открылся новый, величественный простор. Справа и впереди тянулись несколько плато — те самые, что уже не первый день проверяли их на прочность. Вода, что еще недавно с яростью рыскала по ущельям лабиринта, теперь собралась в один могучий поток, который с шумом обрушивался вниз с отвесной стены, впадая в реку и делая ее еще более бурной. Слева же, на пологом холме, виднелся густой лес — место, до которого им еще предстояло добраться.

— Красота-а-а… — выдохнул он, не удержавшись перед масштабностью увиденного.

— Смертельная, — хмыкнул Рикс. — Теперь пойдем полюбуемся на нее снизу. Если, конечно, найдем способ спуститься.

Побродив по краю, им не удалось найти иного пути вниз, кроме узкой расщелины, уходящей глубоко в скалу.

— Проклятье… — буркнул он, потирая ладони, которые заныли, словно заранее предупреждая о грядущей боли. — Теперь полдня придется потратить, чтобы слезть…

— А какие варианты? — тихо спросил напарник, и как бы невзначай добавил: — Только вернуться домой к полной

тарелке пасты с томатным соусом и мягкой постельке.

— Ага. И к любящим родителям…

— Точно, — улыбнулся Рикс, но товарищ, с мукой на лице, уже начал нащупывать ногой первый уступ.

Несмотря на сотни новых царапин, их спуск, занявший несколько часов, прошел относительно благополучно. Однако бесконечное напряжение вытянуло из них последние силы. Когда они наконец достигли края расщелины, то спрыгнули на пологое подножие плато и, словно неуклюжие лыжники, съехали по грязи до самого основания. А затем — рухнули на спины прямо в грязь, будто решив позагорать под серым моросящим небом.

— Все… — прохрипел Рикс, едва шевеля губами. — Больше… никуда не пойду…

Он хотел возразить, сказать, что нужно идти дальше, но сам лежал, словно парализованный, не в силах пошевелить даже пальцем. Несколько минут спустя, борясь с наваливающейся сонливостью, он слабо выдохнул:

— Кажется, я вижу... огонь.

— Да ну?.. — усомнился напарник.

С тяжелым синхронным стоном, словно два глубоких старика, они приподнялись на локтях. Река шумела совсем близко — всего в сотне метров. За ней возвышалась еще одна громадная скала, край которой опирался на несколько паукообразных каменных опор. Веки слипались, капли дождя

попадали в глаза, мешая видеть, но порой казалось, что между каменными арками действительно что-то мерцает.

— И правда… — приободрился Рикс. — Кажется, огонь.

Они переглянулись, и несмотря на то, что каждая клетка их измученных тел умоляла остаться, поднялись. А затем, словно раненые мотыльки, поковыляли в сторону света.

Но сначала им предстояло пересечь реку, вобравшую в себя, казалось, всю ярость небес. Переправа обернулась новым, жестоким испытанием: им пришлось прыгать по скользким валунам, балансируя, как акробаты. Но, в конце концов, промокшие до нитки и выжатые, как старые тряпки, они все же добрались до другого берега.

***

Когда двое друзей, еле живые, вошли под широкий скальный навес, разогретые скалы обдали их приятным теплом.

— Ребята! — тут же раздался радостный возглас.

У небольшого, уютно потрескивающего костра сидел мальчик — еще один участник Испытания из параллельного класса. Короткие, темные волосы спадали на лоб прямой челкой; мягкие округлые черты лица дышали удивительным спокойствием; глаза с теплым, чуть прищуренным взглядом смотрели на мир открыто и приветливо, а легкая улыбка выдавала в нем добродушного и скромного парня. Однако за этой мягкостью скрывалась удивительная мощь: даже при тусклом свете костра в глаза бросалась его крепкая для своего возраста фигура с налитыми мышцами, на фоне которых

он и Рикс выглядели как жалкие скелеты.

— Максимус… — устало произнес он, стараясь выразить радость и невольно бросая завистливые взгляды на его мышцы, благодаря которым тот явно легче переносил все тяготы Испытания.

— Скорее, идите к костру, погрейтесь! — позвал Максимус, приветливо махнув рукой в сторону угасающего огонька. — Сейчас подброшу хвороста, у меня еще осталось.

Когда товарищ вернулся из глубины пещеры с охапкой веток, они уже сидели у костра, подставляя ладони долгожданному теплу.

— Вы, наверное, давно не ели, — заметил Максимус, бросив сочувственный взгляд на их изможденные лица, и, подкормив огонь, снова растворился в темноте пещеры.

— Ели?.. — пронесся под сводами ироничный голос Рикса. — Я уже и слова такого не помню.

— Да, «ели» — звучит как что-то из сказки, — покривил губами напарник.

Максимус вернулся, неся в руках странный черный жгут. Когда он шагнул ближе, стало ясно, что это — хвост змеи, зажаренной на углях. В тот же момент, уловив запах мяса, друзья едва не согнулись пополам от резкой боли — казалось, желудки сами были готовы вырваться наружу, лишь бы первыми добраться до еды.

— Ешьте, — просто сказал Максимус и, протянув еще теплый кусок, сунул его ему прямо в руку. — Только осто-

рожно, много мелких костей. И простите, что мало… я не ожидал встретить кого-то.

— О чем ты, брат! — оживился Рикс, облизываясь, словно кот, учуявший сметану. — Ты и так для нас словно повар, спустившийся с небес!

— Рад помочь, — скромно улыбнулся Максимус. — Отдыхайте, а мне уже пора.

— Уходишь? — удивился он, нехотя отрываясь от змеи, чем тут же воспользовался Рикс, мгновенно перехватив ее себе.

— Я уже отдыхаю здесь часа два, наверное, — пояснил Максимус. — После пустыни мне пришлось почти весь день карабкаться по отвесной скале. Никогда в жизни так не напрягался. Вот во что превратились мои руки…

Максимус вытянул ладони вперед. Содранная кожа, багровые, налившиеся кровью волдыри — вид был одновременно страшным и красноречивым. Напарники, не сговариваясь, протянули свои ладони — в точно таком же состоянии, и над костром сошлись три пары рук, словно приветствуя друг друга, как члены тайного общества, символом которого были чудовищно израненные руки.

— К вечеру я все же выбрался на поверхность, — продолжил Максимус, щурясь с неприязнью. — Там оказалась пещера, пришлось идти. Никогда не забуду ту тьму… Шел и все время думал, что кружу по одному и тому же маршруту. И тишина была такой, что я не понимал: думаю ли про

себя или говорю вслух. — Он на миг замолчал, устремив взгляд в костер. Отражение огня плясало в его серых, усталых, но по-прежнему твердых глазах. — Когда сверху наконец появились отверстия со светом, я был счастлив, как ребенок. Но потом начался дождь, и пещеру стало затапливать. Вскоре поток подхватил меня и показал, что значит настоящая водная горка — только без всякого удовольствия. Когда я выбрался из озера, в которое меня выбросило, натолкнулся на клубок змей. Одну, самую толстую, я и вытащил за хвост. А затем оказался здесь. Немного поспал, а теперь вижу, что дождь стихает, и хочу пройти еще немного, пока солнце окончательно не село.

— М-да… — выдохнул Рикс, старательно выискивая между косточками еще хоть маленький кусочек. — Несладко тебе пришлось. Впрочем, как и нам.

— Угу… — отозвался он, устало клюя носом.

Максимус подошел к одной из каменных опор, взял приготовленную вязанку дров и закинул ее на плечо:

— Я обязательно послушаю ваш рассказ, когда мы все вместе соберемся после Испытания. — Его улыбка была скромной, почти извиняющейся, и вместе с тем — по-домашнему теплой. — А сейчас вам нужен отдых, а не расспросы. Удачи, братья. Берегите себя.

Снаружи Максимуса встретила непрекращающаяся, назойливая морось. Его фигура уже почти растворилась в серой пелене, когда он крикнул ему вслед:

— Брат! Спасибо! И… увидимся на финише!

Максимус обернулся и поднял большой палец вверх. Как только он скрылся за дождем, Рикс с сомнением покосился на друга.

— Ты действительно веришь, что мы дойдем? Мы отстаем от него минимум часов на восемь. А он еще и дрова на себе тащит…

— Не знаю, — с тоской выдохнул он. — Но мы должны сделать все, что в наших силах. — Он лег рядом у ласкового костра, подложив руку под голову. — Сейчас немножко отдохнем… и обязательно догоним Макса… — добавил он едва слышно, и вскоре третий день Испытания растворился для него во сне — под мерный шум дождя и тихое потрескивание угасающего костра.

***

Он видел Луксора. Тот неподвижно стоял на вершине холма, и его мощный силуэт резко выделялся на фоне угасающего солнца. Сердце бешено колотилось, а ноги казались опутанными невидимым грузом: он изо всех сил пытался бежать быстрее, но тело словно тонуло в вязкой смоле. Когда солнце окончательно скрылось за горизонтом, Луксор отвернулся и молча ушел прочь.

— Нет! — отчаянно закричал он. — Не уходи! Я почти успел!..

— Нет!

Он резко сел, словно вынырнув из ледяной глубины. Лицо мгновенно исказилось мукой, а дыхание стало рваным, будто само тело толкало рыдания наружу.

— М-м-м… Что?.. — донесся сонный голос Рикса, свернувшегося калачиком с другой стороны давно потухшего костра.

— Я… я… — Он огляделся: знакомые каменные стены заливал яркий, почти праздничный утренний свет. — Опоздал?..

— Что?.. — переспросил Рикс, но в ответ по пещере разнесся громкий выдох облегчения:

— Ху-у-ух… сон… — Но уже секунду спустя он резко вскочил, раздраженно воскликнув: — Рикс, мы опять проспали! Нам надо срочно выходить!

— Ты все-е-е-гда-а с утра такой беспокойный? — зевая во всю челюсть, спросил Рикс, но друг, метаясь по пещере, продолжал сокрушаться о потерянном времени.

— Неужели мы проспали весь вечер и всю ночь!

— Я бы еще месяц спал… — сонно отозвался напарник, пытаясь помассировать мышцы ног, которые болели так, будто их проткнули гвоздями.

— Максимус, наверное, уже ушел за три горы!

— Максимус крепкий парень... Не то что мы.

— Да кого это волнует! Вставай же, Рикс! Проснешься по дороге!..

От костра, в который Рикс подбросил последние ветки перед сном, осталась лишь горстка пепла, а от бедняжки-змеи ничего не осталось еще вчера, так что о завтраке можно было не беспокоиться. Сделав несколько глотков дождевой воды из каменных углублений, они выбрались наружу и сразу двинулись в путь.

День выдался на редкость ясный, без единого намека на тучи. От редких кучерявых облаков веяло добродушием, но никак не угрозой. Даже река теперь казалась умиротворенной и более спокойно следовала своим курсом.

— Вот бы весь день был таким, — выдохнул Рикс, подставляя лицо ласковым лучам солнца.

— Как ты там обычно говоришь? «Мечтай»? — вяло улыбнулся товарищ. — Кстати, как ты себя чувствуешь после вчерашнего?

— Хм. Как будто сам не знаешь.

— То есть… ломит все тело, голова гудит, и, наверное, температура?

— Точно. Добавить можно, убавить — нет.

— Отлично! — с наигранным облегчением бросил он. — А то я уж разволновался, что у меня что-то серьезное…

Некоторое время они шли молча, слушая, как под подошвами сандалий перекатываются мелкие камешки и шуршит песок. Потом Рикс, вспомнив странное поведение товарища, спросил:

— Тебе приснилось, что мы опоздали?

— Вообще-то, я был один. Но да, приснилось. Терпеть не могу эти сны, где бежишь, а ноги вязнут, как в болоте…

— Угу. Тоже не люблю. Особенно когда снится, что я бегу к еде.

— Надеюсь, хоть сегодня мы обойдемся без особых приключений и пройдем приличное расстояние.

— Мечтай, дружище, мечтай… — устало хмыкнул Рикс.

Спустя почти час блужданий между редкими скалами, перед ними наконец открылась новая картина: густой лес, темно-зеленой волной уходящий к самому горизонту.

— Сначала пустыня, потом скалы, теперь лес, — проворчал Рикс, недоверчиво оглядывая стену деревьев. — Что дальше? Океан переплыть? Или, может, прыгнуть с обрыва?

— Я и представить не мог, что эта часть острова такая огромная, — отозвался он с невольным трепетом. — А лес, наверное… лучше скал. Там уж мы точно найдем и еду, и воду, и место для костра…

Примерно через полчаса они шагнули под сень деревьев. Лес встретил их прохладой и мягким рассеянным светом, который пробивался сквозь густую листву. Воздух, напоенный запахами влажной земли и свежей травы, казался невероятно вкусным после сухого зноя пустыни и каменного плена, а пение птиц звучало почти как приветствие. Они обрадовались, решив, что наконец-то их путь больше не будет таким тяжелым, однако уже очень скоро надежда обернулась

полным разочарованием. Лес словно только и ждал их доверчивых шагов, чтобы показать свою истинную, враждебную суть. И то, что поначалу казалось легкой прогулкой, быстро превратилось в настоящую борьбу.

Здешних тварей было не счесть. Одни норовили ужалить, другие — укусить, а третьи — хотя бы напугать до полусмерти, выскакивая из-под ног в самый неожиданный момент. Несколько раз рой диких пчел обращал их в паническое бегство после неудачной попытки полакомиться медом из дупла; куча сухих листьев, выбранная для отдыха, вдруг ожила сотнями мохнатых пауков, заставив обоих вскочить с дикими воплями, а в одном из оврагов трава под их ногами вдруг зашевелилась, обернувшись десятками змей, сплетенных в живой клубок. Даже муравьи здесь оказались ненормально крупными, кусачими и на редкость приставучими. И все это — вдобавок к стелющимся лианам, путающимся под ногами, торчащим из земли корням и густому, душному туману, оседающему на лицах липкой влагой…

***

— Что?.. — спросил Рикс, заметив, что он замер в нерешительности.

— Это так ужасно — отнять чью-то жизнь… — тихо произнес он, глядя на ящерицу, цепляющуюся маленькими коготками за его сжатый кулак. Ее рот был приоткрыт, словно в беззвучном крике.

— А как же слизни? — пробормотал Рикс.

— Это тоже было ужасно, но… это кажется… ну… не тем…

Рикс вздохнул и положил руку ему на плечо. Его голос, вопреки урчанию в животе, прозвучал на удивление мягко и рассудительно:

— Слушай, нас учили, что отнять жизнь — самый ужасный поступок. Но если выбирать, кто умрет — ящерица или мы от голода… то извини, выбор очевиден. Или ты снова хочешь жевать червей? У меня от них уже живот болит… Хотя, может, это они там ожили и уже бурят меня насквозь?!

Рикс пытался шутить, но в голосе звучала настоящая мука. За все время, проведенное в лесу, их единственным источником пищи были лишь белые личинки, которых они выковыривали из гнилых пней, и молодые побеги крапивы. Несмотря на то что эта пища была богата белком, слизь, внутренности и горьковатый привкус превращали каждый кусок в испытание на силу воли и крепость желудка.

— Ну чего ты ждешь? — почти взмолился Рикс. — Ты же сам постоянно твердишь, что у нас нет времени! Просто… возьми камень и сделай это быстро.

Но он не спешил, глядя на ящерицу, которая даже не пыталась сопротивляться. Он думал о том, что внутри этого маленького существа тоже бьется сердце, что по тонким сосудам пульсирует кровь, и что она, так же как и он, чувствует страх и боль. И вот в его голове возник образ: он кладет ее на поваленный ствол и одним движением обрывает ее жизнь.

Возможно, она даже не успеет понять, что произошло — что вот она была, а вот ее уже нет. Вдруг перед глазами вспыхнуло другое: он сам на месте ящерицы — маленький, беспомощный, сжатый в чьей-то огромной ладони…

Его пальцы разжались. Ящерица упала в траву и мгновенно исчезла, растворившись в зелени быстрее, чем он мог бы моргнуть.

— Зачем ты это сделал?! — воскликнул Рикс почти в панике, глядя на то место, где только что была их надежда на скудную трапезу. — Мы же столько сил потратили, чтобы ее поймать!

Товарищ уже готов был разразиться упреками, но, увидев его с виновато опущенной головой, стиснул зубы и сдержался.

— Ладно… — тяжело выдохнул Рикс. — Пошли — выковыривать личинок…

***

К концу дня они были совершенно измотаны. Пот струился по их лицам солеными ручьями, губы растрескались, а одежда, бесконечно цеплявшаяся за колючие кусты и сучья, превратилась в жалкие лохмотья. Когда сумерки начали сползать с верхушек крон, обвивая землю густыми тенями, они поняли: пора готовиться к ночлегу.

— Как же мне не хочется спать в этом лесу, среди полчищ пауков размером с мою ногу… — простонал Рикс, едва держась на ногах. — Но идти дальше я больше не могу.

Попробуй соорудить шалаш, а я поищу что-нибудь сухое в этом мокром кошмаре. Было бы неплохо обсохнуть у костра, прежде чем эти твари нас сожрут.

Место выбрали неплохое: крошечная поляна, мягко устланная толстым слоем мха. Когда Рикс скрылся в белесом тумане, он принялся за дело, но вскоре понял, что наломать сырых веток у него просто не хватает сил. Тьма тем временем сгущалась, стирая очертания и превращая лес в еще более враждебный мир. Товарищ же все не возвращался.

Подойдя к краю поляны, он крикнул в туман — голос тут же утонул среди мокрых стволов. Чтобы хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей, он сам принялся собирать хворост для костра, но каждая ветка была насквозь пропитана влагой. С досадой отбросив бесполезные палки, он снова позвал:

— Рикс! Ри-икс! Эх, не нужно было его отпускать…

Вдруг кусты на противоположной стороне поляны зашевелились. Тело мгновенно напряглось, готовясь запрыгнуть на ветку, но из тумана вышла знакомая, почти сгорбленная фигура.

— Фух… — выдохнул он с облегчением. — Где же пропадал ты так долго?!

— Повстречал фазана… — едва слышно ответил Рикс. — И тут у меня в желудке разыгралось воображение… Но сколько бы я за ним ни гонялся… в этом тумане… чтоб его… А потом… В общем, хорошо, что я услышал твой го-

лос.

— Ох, да…

— Так что ложимся спать снова голодные… О, как же я устал от этого… дурацкого Испытания!

Он прекрасно понимал друга. Сам чувствовал то же самое: злость, огорчение, уныние и пустоту — и в сердце, и в желудке.

— Не переживай, что не поймал птицу, — сказал он, опуская глаза. — Костра у меня все равно не вышло. Как, впрочем, и шалаша…

— Плохо, но что поделать… — вздохнул Рикс, а потом вдруг попытался изобразить нечто вроде загадочной ухмылки. Получилось жутко. — Идем за мной. Покажу кое-что.

— Куда еще? — удивился он, но Рикс только махнул рукой и растворился в пелене тумана.

Пожав плечами, он последовал за ним и вскоре застыл, не веря своим глазам. Перед ним был куст, усыпанный гроздьями темно-фиолетовой ежевики, чьи влажные ягоды блестели, как самоцветы.

— О, вот это настоящий клад! — обрадовался он, почти благоговейно подходя ближе.

— Ешь, пока не сбежали, — слабо усмехнулся Рикс, первым запуская руку в колючие побеги. — Повкуснее, чем крапива. А потом покажу тебе дерево с красным соком. Помнишь, учитель о таком рассказывал? Им можно обработать раны. Очень кстати, потому что от всей этой влажности и

грязи у меня воспалилась каждая царапина.

— Ну и везение… — пробормотал он, набивая рот сладкими ягодами. — Тогда, будь добр, наполни мне ванну. Только так я смогу обработать свои раны, не потратив на это всю ночь.

Насытившись хоть немного неожиданной роскошью леса и обработав раны пахнущим смолой красным соком, друзья вернулись на поляну. Убедившись, что рядом не притаились никакие гладкобрюхие и мохнатоногие гады, они рухнули на мох, прижавшись спинами друг к другу. Никто из них не произнес ни слова. Кончились жалобы, кончились силы, а вместе с ними — и четвертый день Испытания.

***

Небесные волны света медленно расходились от Предела, мягко озаряя Остров. Их сияние ложилось на широкие окна Дома исцеления, превращая здания в сверкающие серебристо-фиолетовые кристаллы.

На исходе четвертого дня Испытания в одном из складских помещений, где царили прохладная тишина и аромат сушеных трав, послышался стук в дверь. Мгновение спустя в прямоугольное помещение, отделанное серым камнем, вошел мужчина. Его мускулистые плечи обтягивал безрукавный плащ, а с пояса, словно вспышка пламени среди холодного сумрака, свисал бордовый кушак.

У дальней стены стояла женщина в белоснежном медицинском халате, погруженная в чтение развернутого свит-

ка. На столиках вдоль стен располагались фармацевтические инструменты, а на полках ровными рядами поблескивали склянки с разноцветными жидкостями и порошками. Услышав шаги, женщина подняла голову.

— Луксор? — в ее голосе прозвучали удивление и легкая тревога. — Кто-то из мальчиков нуждается в срочной помощи?

— Не волнуйся, Эмилия, — успокаивающе сказал член Совета. — Ядовитые укусы, обезвоживание, перегрев, вывихи и переломы — с этим мы пока справляемся своими силами. Жизни мальчиков вне опасности.

Эмилия облегченно выдохнула, и легкая улыбка коснулась ее губ.

Она была молода и красива, с изящными чертами лица, в которых удивительным образом сочетались нежность и решимость — подобно тихой воде, способной точить камень. Идеально подогнанный халат подчеркивал стройную фигуру, придавая облику профессиональную строгость, но не затмевая женственности. Под ним, добавляя в холодную белизну медицины оттенок человеческого тепла, виднелась рубашка глубокого гранатового оттенка с открытым воротником, и почти черные, слегка зауженные штаны. На шее покоился привычный символ ее ремесла — стетоскоп, частично скрытый под мягкой волной волос цвета лесного ореха.

Но главным в ее облике были глаза — светло-карие, почти медовые, насыщенные и невероятно выразительные, об-

ладавшие, казалось, невозможной силой: наполнять покоем исстрадавшиеся сердца, вселять веру там, где она почти исчезла, и одновременно очаровывать каждого, кто встретится с их взглядом.

— Тогда зачем ты здесь? — спокойно спросила она после короткой паузы.

Луксор промолчал. С усилием он отвел взгляд от пронизывающих глаз Эмилии, подошел к столу и начал доставать из наплечной сумки пустые баночки, выставляя их одну за другой.

— Я пришел за новой порцией лекарств, — наконец ответил он.

Брови Эмилии слегка сошлись на переносице.

— Медикаменты выдавались вам с большим запасом. С какой стати им закончиться так скоро?

— Обстоятельства, — кротко пояснил Луксор, но Эмилия лишь прищурилась сильнее:

— Луксор… Что ты пытаешься скрыть?

Мужчина приоткрыл рот, собираясь что-то сказать.

— И не смей говорить, что это «дела Совета», — быстро добавила она, и Луксор, на секунду задержав дыхание, лишь шумно выдохнул.

Эмилия скрестила руки на груди и пристально заглянула ему в глаза, отчего могучий Защитник Острова ощутил себя мальчишкой под строгим взглядом матери. И все же он не смог сдержать легкой улыбки, ведь даже в ее самом суровом

взгляде было больше очарования, чем угрозы.

— Луксор, — произнесла она без нажима, но настойчиво. — Как одна из тех, кто прошел через Испытание. И как врач, которому жизненно важно знать, чего ждать, — ты обязан рассказать мне, что вы там опять напридумывали.

Понимая, что спорить бессмысленно, Луксор поставил сумку на стол, тяжело опустился на стул неподалеку и склонил голову, упершись локтями в колени. По его напряженным плечам пробежала едва заметная дрожь, и тело, всегда крепкое и собранное, расслабилось — словно он впервые за долгие дни позволил себе почувствовать усталость.

Мгновенно заметив эту перемену, Эмилия быстро нашла нужную склянку, достала пару высушенных листьев и заварила их кипятком из чайника, стоявшего на угольном нагревателе. Когда она протянула Луксору ароматный настой, он поднял голову, сделал глоток и тихо произнес:

— Тебе не нужно объяснять, что значит эта ветвь для всех нас. С самого первого дня ее существования мы искали способ выиграть в борьбе с Энергией. Сначала исключили девочек, затем усложняли маршрут… Но в этот раз Совет решил сделать все, чтобы остались лишь те, кто с наибольшей вероятностью сможет выдержать все тяготы этого пути. До самого конца.

Эмилия села на край стола напротив, не отрывая взгляда от его задумчивого и усталого лица.

— Что же изменилось *на этот раз?* — тихо спросила она

с легкой тревогой в голосе.

Луксор не сразу ответил. Его взгляд был устремлен мимо нее, в одну точку на серой стене, словно там была спрятана правда, которую он не хотел произносить.

— В прошлом году до конца первого Испытания добралась половина участников. Половина из них отсеялась на втором. Пятеро погибли уже в Пределе, а еще пятеро, не выдержав нагрузок, ушли сами. — Он покачал головой, и на губах появилась горькая усмешка. — Сейчас же к концу подходит четвертый день. А половина — уже выбыла. Иногда я спрашиваю себя… дойдет ли до конца хоть один?

Эмилия широко раскрыла глаза от смутной догадки.

— Это значит только одно… Вы сделали их путь не просто трудным… а чудовищно трудным.

Луксор отвел взгляд и медленно кивнул.

— Энергия… — выдохнул он, и слово это прозвучало как признание в тяжком грехе. — Мы применяем Природную Энергию…

Эмилию будто окатило ледяной водой. Она застыла, а губы медленно приоткрылись.

— Бедные мальчики… — наконец прошептала она с такой болью, словно речь шла о ее собственных детях. — Им и без того приходится бороться из последних сил, а теперь вы против них еще и Силу применяете?..

Луксор, уловив в ее взгляде неприкрытый укор, молча поднялся, поставил чашку на стол и продолжил заполнять

сумку лекарствами.

— Я тоже хотел бы, чтобы все было иначе, — наконец угрюмо произнес он. — Но мы не властны над законами вселенной. А в пределах данных нам правил мы делаем все, что можем.

Эмилия тихо вздохнула. Поднявшись, она подошла к Луксору и стала помогать складывать оставшиеся лекарства. Их руки то и дело соприкасались, и в этой молчаливой работе постепенно рождалось примирение.

Когда все было готово, Эмилия мягко коснулась его руки.

— Прости, — произнесла она мягко. — Я хочу, чтобы ты знал: я не осуждаю ни тебя, ни Совет. Жители сами выбрали свой путь. Однако бремя их решения легло исключительно на вас… и я понимаю, насколько оно невыносимо.

Луксор, не глядя на нее, сдержанно кивнул.

— А я понимаю твои материнские чувства и тревогу за ребят. Так что не нужно извиняться. И пусть утешение слабое, но все же… Если раньше мы не вмешивались в Испытание, надеясь на удачу или счастливый исход, то с этого года мы решили исключать участников по своему усмотрению, не дожидаясь тяжелых последствий.

Эмилия ответила ему слабой, но теплой улыбкой:

— Мудрое решение… Благодаря ему больше матерей дождутся своих детей.

— Да. Как и то, что людей с Энергией станет еще меньше. И защита Острова неизбежно ослабнет.

Она опустила глаза, ощущая всю сложность дилеммы. Ее ладонь все еще сжимала его руку, но Луксор мягко высвободился, закинул сумку на плечо и направился к выходу. Взгляд Эмилии следовал за ним, полный сочувствия, пока его фигура не остановилась в дверном проеме.

— Впервые мальчикам приходится бороться не только с дикой природой, но и — пусть косвенно — с нами, — произнес он, не оборачиваясь. — За это они будут злиться на нас. Но однажды — поймут. Те же, кто пройдут этот путь до конца, станут не просто сильными…

…Они — станут великими.

Глава 4. Сила мечты

— Рикс, проснись! — прошептал он, едва сдерживая панику.

— М-м-м… Что?..

— Тс-с-с! Слушай!

Рикс, словно с тяжелым камнем на голове, медленно поднял ее и прислушался. Лес вокруг дышал мраком и гнетущей тишиной. Голова уже начала клониться обратно к мшистому ложу, когда вдруг неподалеку отчетливо хрустнула ветка.

— Что это было?! — резко прошептал Рикс, округлив глаза.

— Точно не птичка! — пробормотал он, не сводя глаз с темных зарослей. В следующую секунду раздалось низкое фырканье, от которого волосы у них встали дыбом.

— У-ходим… Только… медленно, — почти беззвучно выдохнул Рикс.

Они поползли прочь, чувствуя, как каждое движение отдается громким, предательским шорохом. Не прошло и минуты, как странный звук за их спинами, похожий на рычащее чихание, заставил их кинуться бежать.

Ветки хлестали по лицу, корни цепляли ноги, пока они мчались сквозь непроглядную темноту, останавливаясь лишь на мгновение, чтобы перевести дух и убедиться, что за

ними никто не гонится. Однако лес, потревоженный их паническим бегством, будто ожил: совы с возмущением ухали сверху, из кустов доносилось сердитое шипение, а каждый шорох листвы принимался ими за дикого зверя, готового наброситься из засады.

— Я… точно умру… не от зверя… а от собственного сердца! — прохрипел Рикс, спотыкаясь и хватая ртом воздух.

Они неслись, пока дыхание не стало обрывистым и горьким, будто в рот насыпали пепла. Но вдруг деревья расступились — и они вывалились на узкую поляну, разделяющую лес на две половины. Вездесущий туман внезапно рассеялся, будто его и не было, и на востоке, словно первый вздох нового дня, проступила тонкая желтовато-лиловая полоса рассвета.

Рикс рухнул во влажную траву, раскинув руки.

— Еще… один… такой забег… И на Острове станет на одного ученика меньше…

Он молча свалился рядом: у него не было сил произнести и вполовину меньше. Деревья в его слипающихся глазах двоились, а сердце билось где-то в области ушей. В этот момент, посреди враждебного леса, холодный, опустошенный, с пустым желудком и переполненный страхом, он уже не помнил, зачем он здесь.

Чтобы не впасть в уныние и хоть немного прийти в себя, он поднялся на дрожащие, ватные ноги и, слегка шатаясь,

пошел по поляне. Через несколько минут прохладная роса на траве чуть пробудила его чувства — и вдруг, словно подарок судьбы, взгляд его зацепился за что-то неожиданное.

— Рикс! Рикс, скорее! Иди сюда!

Спустя минуту, свесив руки и голову, к нему нехотя приплелся Рикс.

— Зачем ты разбудил меня? — пробормотал напарник. — Я так хорошо спал. И представь, мне снилось… снилось…

— Что? — с нескрываемым волнением спросил он.

— Что мне все приснилось.

Несколько мгновений он молча смотрел на друга.

— В таком случае нам пришлось бы пережить эти четыре дня с самого начала, — наконец заметил он без тени радости.

— В таком случае я бы сто раз подумал, прежде чем сюда идти, — криво усмехнулся Рикс. — Ладно. Что ты хотел мне показать?

Он кивнул туда, где среди травы, в тусклом свете восхода робко светились бело-голубые цветочки, словно пригоршни крохотных звезд, упавших на землю.

— Видишь, — ткнул он в них пальцем. — Кажется, это крокусы.

Рикс взглянул на него с легкой насмешкой и почти театральным изумлением.

— Ну ты и романтик… Даже на Испытании умудряешься любоваться природой, будто на пикнике!

Напарник со вздохом покачал головой и, будто цитируя

учебник, произнес:

— Крокусы очень любят свет, поэтому в них накапливается много энергии. Съедим — полегчает.

Глаза Рикса тут же вспыхнули жадным огоньком.

— Энергия? Это как раз то, чего мне катастрофически не хватает! Давай быстрее найдем, чем их можно раскопать!

Спустя минуту ветки, превращенные в грубые лопатки, заскребли землю. Вскоре из-под нее показались миниатюрные луковички, блестящие от влажной почвы. Осторожно очистив находку, они промыли ее росой и, переглянувшись, сунули в рот.

— Хм… с кислинкой, — задумчиво оценил он, смакуя непривычный вкус.

— А по-моему, пряный… — счел Рикс, чавкнув с преувеличенным видом гурмана.

Вопреки их ожиданиям, стоило им проглотить несколько луковиц, как по телу будто разлилось тепло, наполняя мышцы свежими, забытыми силами.

— Вот теперь я точно смогу пройти еще целый час! — наигранно бодро заявил Рикс, демонстрируя худенькие бицепсы с преувеличенной самоуверенностью.

— Ты уж постарайся… Я себя-то еле тащу, а уж тебя — тем более.

Друг хмыкнул и, посерьезнев, добавил:

— Итак… Где же мы оказались?

Они подняли головы к небу. Солнце пробивалось сквозь

волнистые облака, заливая мир мягким золотым светом.

— Удивительно… — выдохнул Рикс. — Но все это время мы шли в верном направлении.

— Значит, стоит разыскать того медведя и сказать ему спасибо, что он вылез с нужной стороны... — кисло усмехнулся товарищ.

— Медведя? А мне показалось, что это была большая обезьяна…

— Может, и обезьяна. Не разглядел в темноте. Но пусть ей тоже будет спасибо.

***

Впереди тянулся новый лес, поднимающийся по пологому склону. Тумана уже не было, и светлый день рассыпался по земле теплыми солнечными пятнами.

— Не нравится мне этот подъем, — проворчал Рикс, когда над ними уже вовсю сияло полуденное солнце. — Чует мое сердце: в конце нас ждет какая-нибудь скала, с которой придется слазить.

— А мне не нравится… — тихо отозвался спутник, — что все идет как-то слишком гладко.

Утро и правда выдалось на удивление спокойным. Лес в этой части был необыкновенно миролюбив и приветлив. К тому же маленькие цветы наполнили их мышцы силами, благодаря которым путь казался легче.

Однако холм вел их все выше, и вместо мягкой травы на пути все чаще возникали грубые каменные глыбы, будто на-

мекая, что праздник в виде легкой дороги скоро закончится.

Наконец они вышли из леса — и сразу же замерли перед крутым обрывом. Край скалы под тупым углом уходил далеко в стороны, а внизу зияла тридцатиметровая бездна, от которой кружилась голова.

— Ох, Рикс… как жаль, что ты не ошибся, — мрачно произнес он, после чего с разочарованным стоном опустился под ближайшее дерево и прикрыл глаза ладонью. Ему казалось, что весь мир сговорился против него, ставя на пути одно препятствие за другим. Рикс тем временем продолжал стоять на краю утеса, вглядываясь вдаль.

— Есть хорошая и плохая новость, — вдруг сообщил напарник.

— Хорошая? — недоверчиво переспросил он. — Разве здесь вообще могут быть хорошие новости?

— Хех. Тогда у меня для тебя сразу две хорошие новости, — усмехнулся Рикс. — Первая: здесь могут быть хорошие новости, а вторая: если это не мираж, то впереди я вижу реку.

Он рывком встал, подошел к краю и замер, уставившись в ту точку, куда указывал друг. Вдалеке, среди бескрайнего ковра зеленых крон, действительно сверкал кусочек бирюзы, словно драгоценный камень, заключенный в оправу леса. Вдохновленный этим зрелищем, он невольно улыбнулся и с легкой иронией сказал:

— А знаешь, у меня тоже есть для тебя хорошая новость. Хуже этого обрыва в данный момент нет!

— О-о-о! — наигранно протянул Рикс. — Это лучшее, что я слышал за всю жизнь. А вот тебе еще одна: если мы грохнемся, то выспимся гораздо раньше, чем планировали.

— Сколько же поводов для радости… — вздохнул он, а затем, отбросив ребячество, снова посмотрел вниз. Пропасть как будто врезалась в глаза.

— Еще не поздно передумать и вернуться в лоно нормальных людей, — попытался отговорить его Рикс, но он, как будто не услышав, с мрачной решимостью сказал:

— Отдыхаем пять минут, доедаем волшебные цветочки и выдвигаемся. Если останемся живы — впереди нас ждет настоящий отдых.

Рикс разочарованно вздохнул и нехотя кивнул.

После нескольких минут отдыха они поднялись и с трудом начали разминать ноющие от напряжения мышцы. Каждый нерв их тел кричал о том, что нужно остановиться, но разум напоминал: другого пути нет.

— Ну что, готов? — с выдохом спросил Рикс, подходя к краю. Ответом ему были слова, сказанные очень серьезно:

— Неизбежное можно только победить.

— Тогда вперед, философ!

Они встали лицом к лицу, схватились за предплечья и пристально взглянули друг другу в глаза.

— Желаю успеха, брат, — кивнул Рикс.

— И тебе, брат. В любом случае… встретимся внизу.

Немало препятствий преодолели они вместе, протягивая друг другу руку помощи, но здесь, у края бездны, каждый оставался один на один с собственным умением и удачей. Разойдясь в стороны, каждый из них сосредоточился на поиске наименее опасного пути, внимательно осматривая каждый сантиметр скалы. Солнце било в глаза, скала отливала медью, а пропасть внизу, словно насмехаясь, дразнила острыми ощущениями.

Наметив маршрут, он завернул изорванный край туники под пояс, превратив его в грубый кармашек, и положил туда несколько горстей сухой пыли. Затем он глубоко вдохнул и поднял глаза к небу, пытаясь усмирить сердце, бьющееся, как пойманная птица.

«Ну что ж…» — выдохнул он, собравшись с духом, и, повернувшись спиной к пропасти, начал медленно спускаться. Вскоре он ощутил, как сила притяжения стала действовать на него гораздо сильнее.

Он двигался медленно, почти как улитка на стекле, останавливаясь при каждой удобной возможности и позволяя себе короткий выдох-передышку. Пот стекал по спине, щекоча кожу, рот пересыхал от частого дыхания, а руки поочередно ныряли в импровизированный карман, растирая пыль во влажных ладонях. Лишь затем он снова двигался дальше, отдавая себя во власть умения, рефлексов и крепости равнодушного камня.

И вдруг — скала под ногами резко оборвалась. Он застыл, почти вгрызшись пальцами в шероховатую поверхность до боли.

«Что делать?! Что делать?!» — заметалось в голове, и тут память подсказала слова наставника: «Когда страх готов парализовать, сохрани голову холодной: пусть весь жар уйдет в действие, а не в панику».

Стиснув зубы, он сжал волю в кулак и осторожно спустился еще ниже, повиснув на одних только пальцах. Скала в этом месте резко уходила вглубь, как будто кто-то вырвал из нее кусок. Нижняя часть выемки оказалась неровной: сначала круто наклонялась вниз, превращаясь в гладкую горку, а затем снова переходила в вертикальную стену, возвращаясь к исходной линии скалы.

«Ох… пусть мне повезет! Но только не так, как обычно!»

Он глубоко вдохнул, раскачался и нехотя разжал пальцы. Ноги коснулись наклонной поверхности и тут же, не в силах затормозить, понесли его к краю. В последний момент он ухватился за выступ, напоминающий клык, крутанулся в воздухе над самой пропастью и замер, крепко прижавшись к спасительной опоре всем телом.

Когда он осознал, что безумный трюк удался, из груди вырвались сдавленные смешки, в которых звучали и торжество, и нервное потрясение. Но улыбка в ту же секунду сменилась озадаченным выражением: камень под ладонями внезапно завибрировал.

«Землетрясение?!»

Мысль обожгла, как крутой кипяток, и он, не тратя ни секунды, с удвоенной скоростью ринулся вниз, рискуя сорваться. Через пару мгновений сверху посыпались мелкие камни, ударяя по голове и рукам. Он вжался в скалу, почти перестав дышать, и бросил отчаянный взгляд вниз: до земли оставалось не более десяти метров. Испытывая колоссальное напряжение, он спустился еще на пару метров, но в следующий миг скалу тряхануло с такой силой, что пальцы сами выскочили из трещины.

Дыхание застыло, ужас пронзил разум насквозь, но тело, закаленное сотнями тренировочных падений, сработало быстрее мысли. Он рефлекторно развернулся, словно кошка, оттолкнулся ногами от скалы и полетел вперед, протягивая дрожащие ладони к ветке ближайшего дерева. В следующий момент он всем весом оперся на нее грудью и руками, и сердце воспарило от ощущения непобедимости. Но радость обрушилась так же резко, как и сама ветка — и он, не выпуская ее из рук, рухнул вместе с ней.

Удар о землю выбил воздух из легких. Тело взорвалось болью, а мир перед глазами потемнел. Он скорчился в клубах поднявшейся пыли, пытаясь сделать хоть один крошечный вздох под градом сыплющихся сверху камней.

Минуту спустя дрожь наконец стихла. Он втянул в легкие первый жадный, но болезненный вдох и с перекошенным от

боли лицом мысленно прошептал:

«Я же просил… не так, как обычно…»

— Живой? — послышался знакомый голос.

— Жи-вой? — прохрипел он. — Не уверен…

Со стоном приподнявшись на дрожащих руках, он увидел Рикса, который хромал к нему, вытирая ладонью кровь с рассеченного лба.

— Вот ведь напасть… — жалобно запричитал напарник. — Все шло как по маслу, и тут прямо на последнем метре прилетело... Ох, бедная моя черепушка… Да еще грохнулся прямо на камень…

— С целого… метра? — переспросил он с преувеличенным удивлением.

— Ага! — почти гордо заявил Рикс. — Но я сам виноват. Слишком долго подставлял лоб судьбе.

— Зачем же ты так… — пробормотал он, поднимаясь с помощью товарища и опираясь на его шею.

— Да мне показалось… Хотя, галлюцинации, наверное…

— Нет уж, скажи… что ты там увидел?

— Кажется… великана.

Он с подозрением уставился на друга, прижимая ладонь к ноющей груди.

— Великана? Так это была скала… прямо перед твоим носом.

— Да, конечно… — хмыкнул Рикс, тоже забрасывая свою руку ему на шею. — А еще я видел забор из верхушек дере-

вьев и дождь из камней.

— И ветки из глины…

Пошатываясь, как два тяжелобольных, напарники потащили друг друга к реке, мерцающей бирюзой сквозь стройные стволы. Лес вокруг шумел листвой, словно сочувствуя их бедам.

— Так что за великан? — снова спросил он.

Рикс чуть помедлил, а затем с усилием сказал:

— Здоровенный такой, с огромными мышцами. Как будто вырезан из тех же скал…

Он резко замер и обернулся к вершине, с которой только что чудом спустился. Там, конечно же, было пусто.

— Ты Масона имеешь в виду?!

— Его са́мого.

— Следил, чтобы мы не упали?

— Хех… — криво усмехнулся Рикс. — Какой же ты догадливый. Масон… землетрясение… Складываешь?

— Ты… ты что… Хочешь сказать… что это *он* устроил?!

— Ничего я не хочу, — шагнул Рикс дальше, увлекая его за собой. — Я даже не уверен, что видел его…

— Да быть не может. Хотя… когда я видел, как хлещут волны по поверхности плато, тоже говорил себе: «Такого не может быть».

— Вот-вот.

— А еще… — тихо добавил он, — кажется, я видел кого-то в пустыне…

***

После изнурительного спуска товарищи уже в который раз чувствовали себя на грани. Каждый шаг отзывался ноющей болью во всем теле, и если бы не плечо товарища рядом, они давно бы пали от изнеможения. Но, заслышав звонкое журчание воды, ребята невольно ускорили шаг и наконец вышли к краю леса.

Перед ними, словно награда за все мучения, раскинулся песчаный полуостров, омываемый мирной, бирюзовой ре-

кой. По воде неспешно катились легкие волны, искрясь в золотистых лучах предзакатного солнца на фоне стены из темно-зеленых елей. Этот вид, по их безмолвному мнению, был настолько прекрасен, что на их изможденных лицах впервые за долгое время появились довольные улыбки.

— Кто последний… тот второй! — пробормотал Рикс, и они, кривясь от боли, захромали наперегонки, больше похожие на стариков, чем на мальчишек. Но только стоило им броситься в реку, как вся усталость тут же отступила. Прохлада обняла их, смывая пот, грязь и страх, и, забыв на миг об Испытании, друзья счастливо засмеялись.

Вдоволь накупавшись, оба выбрались на берег и рухнули на теплый песок, ощущая, как тела начинают расслабляться, словно струны, освобожденные от напряжения. Лишь когда веки начали сами собой смыкаться, Рикс с неимоверным трудом заставил себя подняться.

— Нужно заняться ужином, иначе я усну до следующего года. И не волнуйся — я поохочусь сам.

Пока товарищ нырял с самодельным гарпуном, он смастерил из веревки пояса вращательный механизм и принялся терпеливо добывать огонь. Лоб покрылся испариной, мышцы в руках свело, но наконец из трута вырвался робкий огонек, которому он был рад, как самому родному существу на свете.

Вскоре Рикс вернулся с крупной рыбой, нанизанной на копье, и с нескрываемым триумфом водрузил свою добычу

рядом с костром.

— Вот то, что поможет тебе не умереть с голоду и добраться до финиша, — произнес товарищ с преувеличенной важностью.

— Когда дойду, — ответил он устало, но с теплотой, — я помяну эту рыбу добрым словом. Как и тебя, мой брат.

Затем они вместе притащили большой плоский камень и установили его над огнем, чтобы он как следует прогрелся, превратившись в подобие сковороды. Рикс снова отправился к реке, а он стал бродить вдоль берега, намереваясь соорудить фильтр для воды. Но, заметив камень необычной формы, похожий на чашу, решил, что это будет гораздо удобнее. Зачерпнув им воды, он поставил камень на край костра, чтобы прокипятить жидкость.

Когда напарник вернулся с еще одной рыбой, на его губах красовалась усталая, но невероятно довольная ухмылка.

— Сегодня будем спать сытые! И завтра, представляешь, не останемся без завтрака!

Вместо ответа напарник с легким волнением поднял взгляд к небу, вытянул руки вперед и расположил ладони между линией горизонта и солнцем, прикидывая время. Рикс, заметив это, проворчал:

— Только не говори, что собираешься еще куда-то идти сегодня.

— До заката еще часа три… — начал он, но Рикс решительно не дал договорить:

— И все это время мы будем готовить и жевать! А потом, с полным животом, тебя сморит такой сон, что ты упадешь и будешь храпеть так, что все рыбы в реке оглохнут. Сам знаешь, как это бывает!

— Знаю… — нехотя признал он. — Но я не могу перестать думать о времени. Осталось два дня. Два, Рикс. А дорога тянется и тянется без конца. Я боюсь… мы не успеем.

Собеседник поджал губы, понимая, что дежурные утешения здесь бесполезны. Но, наблюдая, как стремительно мрачнеет настроение друга, все же попытался найти нужные слова:

— Послушай. Мы с большей вероятностью провалим Испытание не из-за того, что опоздаем, а от того, что свалимся от усталости. А вдруг впереди еще одна скала? Готов снова висеть на пальцах? Раз уж мы наткнулись на это чудное местечко, надо воспользоваться шансом и как следует отдохнуть. Ведь это первый нормальный привал за все пять дней! Да и вообще… мы сегодня полночи бежали!

Не имея аргументов, чтобы возразить, он тихо, будто сдаваясь не только другу, но и собственным сомнениям, признал:

— Да, ты прав… Но тогда следующие два дня мы будем идти без остановок и, если понадобится, даже ночью.

— Идет, — победоносно ухмыльнулся Рикс. — А теперь — пора позаботиться о мягкой постели!

Ночь обещала быть теплой и сухой, а потому тратить силы

на возведение шалаша не имело смысла. Положив рыбу на раскаленный камень, они сгребли под себя побольше мягкого песка и, больше не заботясь ни о чем, стали ждать, когда приготовится их завтрак, обед и ужин.

Огонь танцевал, словно живая река света, в то время как ночь постепенно сгущалась. В костре было все: тепло, уют и ощущение, что мир наконец-то перестал быть препятствием и хоть на миг стал домом. Наблюдая за завораживающими изгибами пламени, его веки начали наливаться тяжестью, и он уже почти погрузился в сон, когда голос Рикса прорвался сквозь манящую дремоту:

— Эй! Ты серьезно собираешься спать без ужина? Все готово, налетай!

Запах жареной рыбы ударил в нос, и желудок отозвался грозным урчанием. Когда от рыб остались только чистые косточки, наступил черед долгожданной воды. Камень-чаша к этому времени успел остыть, и каждый глоток кипяченой влаги был почти блаженством.

— Неплохо мы устроились, — с довольным, сытым видом произнес Рикс, вытянувшись на своей песчаной кровати.

— Да-а-а, — протянул он, поглаживая благодарный живот. — Все благодаря учителю Беарусу. Он, оказывается, нас не только мучил, но и по-настоящему спасал.

— Это точно, — согласился Рикс, и вдруг громко захохотал. — А помнишь, как он притащил высохший слоновий

помет, разломал его пополам и начал выжимать из него воду?!

— Хех! Конечно. Он тогда сказал: «Не очень вкусно, но зато жидкость!»

Оба рассмеялись. Но вдруг, резко притихнув, посмотрели друг на друга с одинаково испуганными глазами.

— Нам ведь… не доведется попробовать такую воду? — спросил он.

— Ты прямо читаешь мои страшные мысли… — поморщился Рикс.

Вскоре над ними разлилось багрово-золотое небо заката. Тени от елей стали длиннее, костер трещал все веселей, а настроение незаметно сместилось в сторону тихой откровенности.

— Ну, например? — спросил Рикс, не отрывая взгляда от красных полос облаков.

— Давай без примеров… — пробормотал он, но друг не отступил:

— Ты сказал, что у тебя сложные отношения с родителями. Но без примера мне сложно понять, что ты имеешь в виду.

Он тяжело вздохнул, словно собираясь прыгнуть в ледяную лужу грязи.

— Ладно… Например… отец заставляет меня убираться и раскладывать вещи по местам. Вечером приходит мама

и начинает ругаться, что ничего не может найти. В поисках нужной вещи она снова все раскидывает, а потом возвращается отец… и снова орет на меня, что я ничего не убрал.

Рикс тихо хмыкнул, но взгляд оставался удивленно-озадаченным.

— Или вот. Отец делает что-то по дому. Но когда появляется мама, она заявляет, что он совсем не учитывает ее мнения. Он отмахивается, говорит, мол, не ее ума дела. Сначала они ругаются, а потом... отец начинает пить свою мерзкую «воду».

— «Воду»? — приподнял бровь Рикс.

— Да. Он сам готовит какую-то вонючую жидкость. Я однажды попробовал… — он с отвращением передернул плечами. — Гадость! Отвратительная.

— И твой отец… ее пьет?

— Постоянно. И после этого становится только хуже…

— Хуже?..

— Да. У него начинает заплетаться язык, и он начинает лезть ко мне сначала с разговорами, а потом — с упреками. Говорит, что я занимаюсь «не теми вещами», что не провожу с ним время. Иногда он с яростью ломает вещи, иногда орет, что все вокруг против него, а иногда… иногда жалуется, что его никто не любит.

Потрескивание костра вдруг стало слишком громким, заполнив повисшее молчание. Пламя металось, словно возмущенное его словами.

— Ты извини… — осторожно сказал Рикс. — Но звучит так, как будто он… сошел с ума.

— Я тоже так думаю, — тихо ответил он, наблюдая за пляской огня. — Но ведь он становится таким, только когда пьет. А до этого… он просто сердит и мрачен.

Рикс молча лежал на спине, разглядывая усыпанное звездами небо. Лицо его было настолько ошарашенным, словно кто-то только что подтвердил ему, что на одной из этих ярких искорок действительно живут зеленые человечки. А он, почувствовав, что наконец нашел того, кто готов выслушать его накопившуюся боль, продолжил:

— Но хуже всего… когда родители начинают ругаться. Кричат друг на друга, оскорбляют… иногда даже... бьют друг друга.

Рикс распахнул глаза еще шире.

— Иногда мне самому хочется кричать на маму из-за ее противоречивости. Сначала она говорит: «Ты должен быть самостоятельным», а как только делаю что-то сам, тут же упрекает: «Почему не спросил меня?!» Но мама, конечно, это вообще отдельная песня.

Он внезапно осекся, словно испугавшись слишком откровенных слов. Рикс молчал, и это навело его на горькую мысль, что он зря выплеснул свои переживания. Несколько томительных мгновений между ними висела пауза, но наконец Рикс заговорил, и в его тихом голосе звучало искреннее, глубокое сочувствие:

— Сурово, друг… Очень сурово… Я даже представить себе такого не мог. Так вот почему ты всегда выдумывал странные отговорки, когда мы с ребятами хотели заглянуть к тебе в гости.

— Ну да… — безрадостно усмехнулся он. — Однажды я привел кое-кого, так отец стал орать на меня прямо при нем. Было так стыдно, что я обещал себе больше никого не приглашать.

— М-да… — вздохнул Рикс, виновато опустив глаза. — Только вот никто из нас этого не знал. Мы обижались. И я… тоже.

— Я заметил… — тихо ответил он. — Никто не хочет общаться со мной.

— Чепуха! Мы перестали тебя звать гулять не поэтому, а потому, что ты все время отказывался и уходил по своим делам!

— Конечно, уходил! Тренироваться! Уж теперь ты должен понимать, почему для меня так важно пройти это Испытание. Ведь только так я смогу вырваться из дома раньше времени.

Под темнеющим небом, где одна за другой загорались новые звезды, снова воцарилась глубокая тишина. И в этой тишине, нарушаемой лишь потрескиванием дров и журчанием реки, Риксу вдруг вспомнились все несправедливые слова, что он когда-то говорил за спиной одноклассника. Ему стало стыдно — мучительно стыдно за то, как легко он судил,

даже не пытаясь заглянуть под маску, за которой пряталась настоящая боль.

— Неужели ты и правда тренируешься каждый день? — наконец спросил товарищ, все еще с трудом переваривая услышанное.

— Каждый. День, — отчеканил он ответ, в котором слышалась усталость многих лет.

— Ясно… — Рикс потер лоб и неловко усмехнулся: — Знаешь, а я ведь всегда думал, что ты просто вредничаешь. Строишь из себя особенного. Прости. Я был неправ.

Он едва заметно улыбнулся, но глаза остались печальными. Затем неожиданно спросил:

— А для тебя?

— Что — для меня?

— Этот путь… что он значит для тебя?

Рикс растерянно уставился в костер, после чего перевел взгляд на звезды, будто надеясь, что они подскажут правильный ответ.

— Хех… ну, это… кажется потрясающим. Обладать Силой… такими способностями… Уметь делать то, что обычным людям даже не снилось.

— Вроде того, как Масон высек пирамиду из глыбы скалы, а Левиан перенес ее на территорию Арете, словно игрушку?

— Да-а, что-то вроде этого! — улыбнулся Рикс с мечтательным огоньком в глазах.

— А помнишь, как в город забрел лев? Луксор тогда носился вокруг него, пока у того не закружилась голова и он не уселся на задние лапы, словно котенок?!

— Ха-ха-ха! Ну как же! Это было одно из самых смешных зрелищ в моей жизни! Мы тогда наблюдали за этим с крыши и потом еще придумывали, какими способностями хотели бы обладать. Я выбрал полет, а ты…

— Пускать паутину из рук.

— Точно! Только я до сих пор не понимаю, зачем тебе это?

— А ты попробуй поймать сбежавшую курицу — сразу поймешь! — отшутился он, и оба рассмеялись.

Но вскоре его лицо снова стало серьезным. Он поднял глаза к небу и с легкой мечтательной улыбкой тихо произнес:

— Я восхищаюсь ими, Рикс… И хочу стать таким же сильным, чтобы помогать людям и оберегать нашу общину, как они. А еще… — продолжил он еще тише, будто боялся, что их могут подслушать, — я хотел бы, чтобы кто-нибудь смотрел на меня с таким же восхищением, с каким я смотрю на них. Ведь они… они… идеальны.

Рикс слегка покривил губами, испытывая смущение от собственных банальных слов и одновременно глубокое уважение к товарищу, который поставил перед собой такую высокую цель.

— Красивая мечта. Но… ты ведь знаешь, как мало тех, кому удается обрести Энергию?

Его сердце кольнуло. Конечно, он знал. На всем Острове лишь немногие владели Внутренней Энергией, а обладателей Природной можно было пересчитать по пальцам.

— Да, я понимаю… Такому слабаку, как я, это не светит.

— Я не то имел в виду… — слегка смутился напарник. — Я хотел сказать, что не знаю никого, кто был бы так одержим этой целью, как ты. Просто… не хочу, чтобы ты в конце разочаровался.

Он неожиданно улыбнулся:

— Знаешь, Рикс… А ведь я никому никогда не рассказывал об этом.

— Ну, тогда спасибо за доверие, — мягко усмехнулся товарищ.

— Нет, это тебе спасибо. Я не думал, что обрету такого друга, как ты... — Его голос становился все тише, все более сонным. — Я давно… ни с кем так не разговаривал…

— Я то-о-о-оже… — зевнул Рикс, зажмурив глаза. — Ох, извини. Да, я тоже рад. Обещаю помогать тебе, чтобы ты… обязательно дошел… до цели…

— Спасибо… брат, — прошептал он одними губами, вырвавшись на миг из зыбкой дремоты.

Через несколько мгновений они оба мирно посапывали. Теплая ночь окутала их мягким покрывалом, и вместе с языками пламени, таявшими в темноте, навсегда канул в вечность пятый день их Испытания.

***

Перед ним стояла тарелка с жареной картошкой — подгоревшей по краям и блестящей от обилия масла.

— Я же просил мятую… — недовольно пробормотал он, отбрасывая вилкой обугленные кусочки. — От всего этого жира у меня изжога.

— А я тебе сказала, хочешь мятую — готовь сам, — отрезала мать, макая ломтик в густой соус.

— У меня была тренировка...

— Твои тренировки мне неинтересны. Ешь, что дают, или готовь сам. Не маленький уже.

Он недовольно проткнул вилкой кусочек картошки и, положив его в рот, изобразил такое отвращение, что позавидовал бы любой профессиональный актер.

— Фу! Ну зачем же столько масла?!

— Мне так больше нравится, — последовал ледяной ответ.

— Буэ-э-э… — протянул он, высунув язык, как будто перед ним был не ужин, а смертельный яд.

— Так! — начала терять терпение мать. — Не хочешь есть — вон из-за стола!

Он отодвинул тарелку от себя и демонстративно скрестил руки на груди.

— Хочу, только не это…

— Ты дашь мне спокойно поесть или нет?!

— Ты же мне не дала!

Веко матери нервно дрогнуло. В следующее мгновение

она схватила его тарелку и швырнула в раковину. Раздался звон — керамика разлетелась на осколки, а масло желтыми брызгами заляпало стену.

— Ты… знаешь… кто? — медленно, с хищным шепотом, проговорила она, наклоняясь к нему через стол. — Урод!

Даже в этот момент еле сдерживаемого гнева его мать оставалась поразительно красивой женщиной. Тридцать пять лет лишь подчеркивали изящество ее лица: утонченные скулы, ровный изгиб ярко-алых губ, густые пепельные волосы, собранные в высокий пучок с выбивавшимися прядями, и те самые глаза цвета дождевого неба, которые могли мгновенно согреть нежным светом — или пронзить ледяным, безжалостным взглядом.

Когда-то он знал ее другой — любящей, ласковой, той, что читала ему вслух перед сном и оставляла записки с добрыми словами на столе. Тогда он постоянно тянулся к ней, покрывая мягкие щеки сотнями поцелуев. Теперь же воспоминания об этом вызывали лишь глухое раздражение, ведь вся прежняя нежность давно уступила место усталой, вечно раздраженной, чужой женщине.

Эти перемены не могли не сказаться на их отношениях. Когда семейные связи начали рушиться по непонятным для него причинам, он был вынужден приспосабливаться и выстраивать новую систему общения. И если с отцом он научился быть тихим и покорным, то рядом с матерью позволял себе испытывать ее терпение на прочность. Из-за этого

почти каждый их разговор превращался в ссору, а порой и в самый настоящий поединок.

— Сама такая! — выпалил он, и воздух на кухне в тот же миг стал тяжелым, как перед сокрушительной грозой.

— ЧТО?!

Глаза матери вспыхнули ярче пламени в печи. Она поднялась из-за стола и двинулась на него с такой угрозой, что он, не выдержав этого натиска, опрокинулся на спину вместе со стулом. Беспомощно махая руками и ногами, как перевернутый жук, он понимал, как жалко выглядит сейчас. Но именно эти хаотичные движения помогали ему отбиваться

от яростных ударов.

Когда мать осознала, что физическая сила не дает результата, она обратилась к своему самому страшному оружию, которое всегда использовала лучше любого удара: словам.

— С отцом ты так не разговариваешь! При нем смиренный, как ягненок!

— Ты тоже! — парировал он.

В ее глазах вспыхнул настоящий гнев. Он понял: оставаться на месте больше небезопасно. Вскочив с неожиданной прытью, он вырвался из кухни, юркнул в темный чулан, схватился за ручку двери и изо всех сил потянул ее на себя. Страх придал ему такую силу, что, как бы мать ни дергала дверь, ей так и не удалось ее открыть.

— Открой дверь, — раздался снаружи ее голос — спокойный, но от этого еще более пугающий.

— Нет!

— Открой. Дверь.

— Нет!

— Ну тогда… сиди тут!

Щелчок защелки прозвучал громче любого крика.

— Не-е-е-т! — завопил он, забарабанив кулаками по древесине. — Не закрывай меня здесь!..

Но тьма уже сомкнулась вокруг него — густая и вязкая, как то самое масло в злополучной картошке, с которой все и началось.

***

— М-м…

Он приоткрыл глаза и затаил дыхание. Вокруг царила тишина. Лишь журчание реки и ровное дыхание Рикса напоминали, что мир все еще живет своей обычной жизнью. Убедившись, что сегодня им ничего не угрожает, он перевел взгляд на тлеющие угли костра, подбросил сухих веток, улегся на спину и устремил глаза в усыпанное звездами небо.

«Ну вот… поговорили… и сразу приснилось», — вздохнул он, вспоминая сон. — *«И почему у меня все не так, как у других? Почему в доме только крики и ссоры?.. Нет… там для меня нет места… Я обязан пройти Испытание. Во что бы то ни стало!»*

Мысль обожгла его так сильно, что он резко сел, охваченный порывом отправиться в путь прямо сейчас. Но, бросив взгляд на мирно спящего друга, неохотно угасил свой пыл. Уйти, не сказав ни слова, — было бы неправильно.

Он уже собирался лечь обратно, как вдруг небосвод прочертила огненная стрела метеора, оставив за собой длинный, сияющий хвост.

«До чего же красиво…» — мелькнула светлая мысль.

Постепенно глухая печаль отступила, растворившись в очаровании ночи. И под величественным небом, усеянным мириадами мерцающих звезд, перед которыми неторопливо проплывали серебристо-аметистовые реки, он вдруг проникся необъяснимой гармонией этого места и вскоре, согретый костром и светом над головой, незаметно снова провалился

в сон.

***

Утро встретило его бодрящей прохладой и ноющей ломотой во всем теле. Небо на востоке наливалось нежным розовым светом, и сиюминутное желание поспать еще немного уступило место более сильному порыву.

— Рикс, вставай, — сонно пробормотал он, слегка толкнув друга в бок.

В ответ раздалось лишь невнятное бурчание:

— Мргх… еще пять минут…

— Вот же счастливчик… — проворчал он с завистью, глядя на безмятежно дрыхнущего товарища. — Спит как камень, а не просыпается от каждого шороха… Ладно, спи. А я пока поймаю завтрак.

Река встретила его блеском утреннего солнца. Вскоре гарпун пробил бок крупного лосося, и вода вокруг взбурлила от отчаянной борьбы. Но, вытащив бьющуюся добычу на плоский камень и замахнувшись другим, он внезапно замер.

Жабры рыбы ритмично вздувались, хватая убийственный воздух, в круглых, немигающих глазах застыл первобытный ужас, а рот беззвучно открывался и закрывался, словно отчаянно моля о пощаде.

— РИКС!!!

Ошарашенный товарищ как ужаленный подскочил на месте, дико озираясь по сторонам в поисках опасности. Но вместо грозного зверя или разъяренной стихии в его полусонные

руки бесцеремонно сунули камень.

— Вот, сделай это. Я... не могу, — подавленно прошептал он и, не сказав больше ни слова, быстро ушел в лес — спрятаться от невыносимого образа живого существа, которому суждено было умереть ради его стремлений.

Когда он вернулся, Рикс уже положил две половинки рыбы на каменную сковороду. Бросив на товарища короткий, виноватый взгляд, он молча присел на корточки и подложил сушняк в костер.

— Все нормально, — мягко сказал Рикс. — Я понимаю. У самого рука дрожит. Но здесь…

— Это необходимо, — пробормотал он, комкая в пальцах сухую ветку и ломая ее на мелкие кусочки. — Я тоже понимаю… но мне это не помогает.

— Поэтому хорошо, что у тебя есть я, — усмехнулся Рикс, переворачивая половинку рыбы. — Я не дам тебе умереть с голоду.

— Это точно. Без тебя я бы и половины пути не прошел.

— Как и я без тебя, — криво улыбнулся Рикс.

Они ели молча, почти не чувствуя вкуса, но жадно, предвкушая грядущие дни голода. Наконец, бросив косточки в догорающий костер, Рикс, глядя на воду, задумчиво сказал:

— Знаешь, я подумал — а ведь река может сократить наш путь.

Он с сомнением покосился на течение.

— Но ведь она течет не на юг…

— А вдруг повернет? Давай потратим час на проверку, и если повезет…

— …сбережем кучу времени и сил, — подхватил он, начиная загораться идеей. — Хм. Недалеко отсюда я видел толстые коряги. Может, нам удастся плыть, держась за них?

— Надо попробовать, — одобрительно кивнул Рикс.

Закончив хлопоты на берегу, они нашли подходящую полую корягу и, пыхтя, дотащили ее до реки. План сработал: зайдя по пояс в прохладную воду, они с радостью убедились, что бревно держится на плаву, и, удерживая его за разные концы для равновесия, позволили течению понести себя вперед.

Движение было легким. Подгоняя опору ногами по серебристой поверхности реки, они быстро скользили, будто по льду. Когда же поток спустя некоторое время вдруг повернул на юго-запад, оба чуть не завопили от радости.

— Видал? Я же говорил! — самодовольно и счастливо ухмыльнулся Рикс.

— Ты просто гений! — воскликнул он, широко улыбаясь другу.

Однако радость оказалась недолгой. Небо впереди стремительно заволакивали тяжелые, свинцовые тучи, чрево которых вот-вот должно было разверзнуться ливнем. Еще немного — и на пути у них стали встречаться обломки скал, от которых им приходилось отчаянно уворачиваться, кру-

тясь на поверхности, будто стрелка сломанных часов.

Внезапно черное небо прорезал зигзаг молнии, вызвав оглушительный раскат грома. Казалось, это был сигнал: туча разинула пасть — и дождь обрушился на них сплошной стеной. Не успели они опомниться, как спокойная река превратилась в бушующий поток.

— Нужно выбираться! Греби к берегу! — перекрикивая яростный шум, закричали они друг другу, однако все их попытки сопротивляться оказались напрасной тратой сил.

Река безжалостно несла их вперед. И вдруг на лицах обоих отразился ужас: впереди, освещаемая вспышками молний, показалась большая скала, вздымающаяся из глубины, словно акулий плавник. В следующий миг их хрупкая опора со страшной силой врезалась в нее и с хрустом ломающихся костей разлетелась на сотни мелких, бесполезных щепок. Лишь после они поняли, что скала в этом месте рассекает реку на два отдельных рукава. И вот, уже во второй раз, поток разделил их — и стремительно унес каждого в свое русло.

— Ри-икс!!!

Отчаянный крик вырвался из груди, но тут же захлебнулся, превратившись в фонтан пузырей. Вода сомкнулась со всех сторон, и он, погрузившись в бездну, закувыркался, потеряв всякое ощущение пространства. Лишь цепочка пузырьков, сорвавшихся с губ, подсказала ему путь к желанной поверхности. Собрав остатки сил, он оттолкнулся от дна и вынырнул, судорожно хватая ртом воздух, — но лишь затем,

чтобы со всего размаху врезаться в скалу на пути. Перед глазами брызнули звезды, и он, обмякнув, вновь погрузился в воду.

В конце концов, словно наигравшись, река выплюнула его на мелководье. Пропахав обессиленным телом об острые камни, он вцепился пальцами в гравийное дно и наконец остановился. Не помня как, он выбрался на берег и рухнул вниз лицом.

***

Когда он открыл глаза, прямо перед ними мелькало что-то огромное и расплывчатое. На миг ему почудилось, что это когти хищника, готовые вонзиться в его лицо, но в следующую секунду понял: это коричневая перчатка.

— Ах!.. — вскрикнул он, когда острая боль пронзила надбровье.

Утерев глаза от влаги, он разглядел Луксора, сидевшего на корточках рядом, с окровавленным куском марли в руках. Мелкие капли дождя отскакивали от них обоих, разлетаясь в стороны, как мириады крошечных искр от костра.

— Не надо, брат Луксор, — прошептал он, с трудом шевеля разбитыми губами. — Тебе… нельзя помогать мне.

Наставник поднял на него яркий гранатовый взгляд, полный усталой печали.

— Это просто царапина. Но вот с рукой — все куда хуже.

Он недоуменно нахмурился и, не двигаясь, поочередно посмотрел на свои руки. Правая была цела и невредима, но

вот левая… левая рука распухла в области предплечья, превратившись в нечто чуждое. Попробовав пошевелить пальцами, он мгновенно ощутил резкую, пронзительную боль.

— Сломана?! — почти выкрикнул он, в ужасе распахнув глаза.

— Да, — подтвердил наставник. — Но я не могу помочь тебе… не прервав Испытания.

В груди мгновенно закружился яростный вихрь. Стиснув зубы, он попытался встать, но стоило перенести вес на левую ногу, как еще одна мучительная боль кольнула прямо в бедро.

— Хс-с-с! — зашипел он, хватаясь здоровой рукой за ногу.

— Частичный разрыв связок, — сообщил Луксор, наблюдая за ним. — И это посерьезнее, чем перелом.

— Чудесно! Просто… чудесно! — с какой-то сдавленной, ироничной интонацией изрек он, хромая к ближайшему валуну. Усевшись, он опустил голову. Казалось, злость, обида и острое чувство собственного бессилия вот-вот разорвут его изнутри.

— Если продолжишь — станет хуже, — тихо, но очень веско произнес наставник.

От этих спокойных слов ему хотелось не просто плакать — хотелось взреветь, как раненый зверь. Сжав кулак здоровой рукой, он изо всех сил постарался не делать этого при Луксоре.

— Этот ураган… ваших рук дело? — вырвалось у него сквозь зубы, больше с упреком, чем с вопросом.

— Наших?

— Рикс видел Масона на скале перед землетрясением, — заявил он, намеренно забыв добавить слово «кажется».

— Нет, — ответил член Совета. — В этот раз мы ни при чем. Но даже если бы были… так нужно.

Не выдержав чистого, пронзительного взгляда наставника, он закрыл глаза, и его сжатый кулак медленно разжался.

— Ну что ж… так даже лучше, — обреченно выдохнул он. — Бороться с природой — естественно. Но бороться с вами… даже честь. Слишком большая для такого, как я.

Брови Луксора едва заметно приподнялись. Когда мальчик вновь поднял глаза, наставник увидел, что в них, несмотря ни на что, горит тот самый огонь упорства, который разжигали в нем несгибаемая воля и целеустремленное сердце. С вызывающей, болезненной улыбкой ученик добавил:

— Можете обрушить на меня хоть сотню бурь… но я все равно не остановлюсь.

На лице Луксора мелькнуло сложное выражение — смесь восхищения, удивления и едва заметной тревоги. Он всегда уважал такой дух в учениках, однако до этого самого момента не подозревал, что у этого тщедушного ребенка напрочь отсутствует всякое чувство меры.

— Значит, ты не пойдешь со мной… — с досадой произнес наставник.

— Прости, брат… нет времени. — Он с трудом поднялся и, придерживая больную руку здоровой, поплелся прочь. — Увидимся у назначенного места, — добавил он, не оборачиваясь.

Луксор остался стоять, словно превратившись в изваяние. Капли дождя скользили по его серьезному лицу, но он этого не замечал. Его взгляд был прикован к удаляющейся, шаткой фигуре мальчишки, который, наперекор всему, продолжал идти, словно пытаясь одолеть не расстояние, а саму судьбу. Каждый его шаг отдавался в Луксоре тяжелым ударом. Он должен был остановить его. Это был его долг — долг наставника. Но что-то глубоко внутри удерживало его на месте.

Ученик вдруг остановился, и на лице Защитника мелькнула слабая надежда. Но тот лишь повернул голову и устало спросил:

— А Мириус жив?

Надежда на лице Луксора угасла, как огонек под дождем.

— Да. С ним все в порядке. Но он больше не участвует в Испытании.

— Понятно… А что с Риксом?

— О нем позаботятся другие.

Он молча кивнул, принимая информацию, и, развернувшись, продолжил свой путь в сторону леса, пахнущего смолой и терпким ароматом елей.

***

Он упрямо двигался вперед, пока не убедился, что за ним

никто не идет. Только тогда он остановился, взглянул на свою левую руку и процедил сквозь зубы:

— Прок-лятье! Ну почему… *почему мне так не везет?!*

Каждый слог отзывался пульсирующей болью в сломанной руке, которую ни одна, даже самая изнурительная тренировка, не «накачивала» так, как этот перелом.

Злобно шипя и с горечью думая о том, как этот день, начавшийся так обнадеживающе, обернулся одиночеством и страданиями, он собрал несколько ровных палочек и кое-как привязал их к предплечью, соорудив жалкое подобие шины. Боль немного притупилась, но не ушла, продолжая настойчиво ныть где-то внутри. И все же он пошел дальше.

Время неумолимо клонилось к полудню. Он шел, пробираясь сквозь лес, утопавший в зарослях папоротника и плюща. Шел долго и упрямо, не позволяя себе даже мысли о привале.

Первыми сдались его сандалии. Не выдержав рек, песков и острых скал, они просто треснули пополам. Но даже тогда он продолжал тащить ноги в их обрывках, пока последние ремешки окончательно не порвались. Тогда он сел на поваленный ствол, угрюмо посмотрел на то, во что превратилась его обувь, и оставил ее на пеньке — словно красноречивый памятник всем, кто идет по нелегкому пути.

Даже вечером, когда ступни распухли и закровоточили, он не остановился. Просто знал: стоит замереть хоть на миг

— и он больше не сможет сдвинуться с места.

Выйдя на широкий луг у подножия холма, он с механической решимостью двинулся к вершине, по дороге к которой встретил и закат, и луну, и переливающиеся волны сияний. Он шел, пока снова не уперся в стену леса. Там, уткнувшись лбом в рассеченный ударом молнии ствол, он понял: если продолжит идти — обязательно заблудится. Тогда он с трудом забрался в пустое нутро дерева и улегся в нем, свернувшись калачиком, будто в тесной колыбели. Глаза мгновенно сомкнулись, ограждая его от кошмарного шестого дня Испытания.

***

Сон был больше похож на борьбу, чем на отдых. Он то и дело просыпался — то от тянущей боли в руке, то от мерзкого щекотания насекомых, ползавших по покрытой испариной коже. И каждый раз ему снилось одно и то же — что он безнадежно опоздал.

В какой-то момент он просто открыл глаза, выбрался из своей жесткой постели и прислонился спиной к стволу. Незнакомый мир вокруг затаил дыхание в предрассветной тишине. По босым ногам полз прохладный туман, и лишь где-то на самой границе слышимости раздавались редкие птичьи трели, приветствуя наступление нового дня. Последнего дня Испытания.

«Я не смогу…»

Никогда прежде он не чувствовал себя настолько ужасно.

Сломанная рука распухла сильнее, став похожей на обрубок бревна. Тело кричало от чудовищной усталости, жара и истощения, но больше — от озноба, пронизывающего до самого мозга костей. Апатия вязко растекалась по затуманенному сознанию, и лишь изредка, словно эхо из чужих миров, на поверхность всплывали тяжелые, мрачные мысли.

«Я не смогу… Мне не дано… Я не способен… Что, если впереди опять скала? Или пропасть… Нет… я слишком слаб…»

И вдруг, откуда-то из самой глубины его естества, прорвался яростный голос, будто сама воля взревела изнутри:

«Да заткнись ты уже. Просто иди… ИДИ!»

И он, стряхнув с листа росу в пересохшее горло, просто побрел дальше.

Спустя несколько бесконечных часов впереди показалась граница леса. К этому времени его тело вдруг откликнулось слабым, но таким необходимым вторым дыханием. И все же сердце сжималось от гнетущего предчувствия: за последним рядом деревьев он ожидал увидеть очередной опасный участок.

Однако когда он вышел из леса — он не поверил своим глазам. Перед ним не было ни песчаных дюн, ни гор, ни отвесных обрывов — лишь золотисто-желтое море травы саванны, колыхавшейся под жарким дыханием ветра. Вдалеке мирно паслись бесчисленные стада антилоп и газелей; вере-

ница слонов неторопливо тянулась к водопою, где, уже склонив полосатые морды, пили зебры, а высокие жирафы ощипывали сочные верхушки акаций. И за всем этим пестрым великолепием, с плоских валунов, словно величественные скульптуры, украшающие вход в храмы знаний, наблюдали большие кошки.

— Вот это да… — забыв на миг обо всех своих бедах, выдохнул он, затем поднял глаза выше — и наконец увидел *его*.

Почти у горизонта, там, где край острова сужался и бесследно растворялся в бескрайних водах океана, на фоне слепящего дневного света выделялся узкий мыс — «Маяк надежды». Его цель.

Сердце сжалось от невыразимого восторга, а затем тут же забилось с удвоенной силой.

«Поверить не могу… Неужели все скоро закончится?.. Ну давай же — иди, иди! У меня получится... Я — СМОГУ!»

С этими мыслями он осторожно двинулся в путь, стараясь не привлекать внимания: то прячась в высокой траве, то крадучись, словно осторожный зверек.

К полудню солнце будто превратило воздух в прозрачный огонь: земля под израненными ногами напоминала раскаленный металл, пот солеными ручьями стекал по вискам, а глаза щипало от жара. Решив передохнуть хотя бы мгновение, он укрылся в тени огромного, поваленного дерева. Но едва успел насладиться передышкой, как в темноте пустого

ствола вспыхнула пара янтарных глаз.

«Ой-ей… только не это…»

Не моргая, он попятился назад. И вдруг наружу, с рычащим мяуканьем, высыпали пятнистые малыши гепарда, начав весело носиться вокруг него, играть с обрывками одежды и мягкими лапами пытаться повалить «добычу» на землю.

— Ху-ух… — облегченно выдохнул он, присаживаясь на корточки, чтобы погладить одного из них. — Привет, малыши… Я люблю кисонек.

Мгновение спустя его детская улыбка сменилась настороженностью: он замер и нервно окинул взглядом заросли по сторонам.

— А где ваша мама?.. Она ведь любит мальчиков? Надеюсь… не только на вкус…

Он сглотнул, затем быстро, но ласково почесал за ушком каждого котенка и поспешил прочь, чувствуя за спиной тихое, вопросительное мяуканье.

Спустя время он остановился под низкорослым, корявым деревцем с раскидистой кроной, дававшей хоть какую-то тень. Легкий ветер шелестел листвой, солнце стояло в зените, а равнина простиралась перед ним как безмятежный золотистый океан. Улыбнувшись сквозь усталость, он вдруг подумал, что если бы не травмы, этот день оказался бы самым легким из всех.

И тут что-то тугое, как стальной канат, внезапно стиснуло его шею.

Он дернулся вперед всем телом, но неумолимая сила рывком приподняла его в воздух. Пальцы метнулись к горлу, но натолкнулись на гладкую, чешуйчатую поверхность. Он с ужасом поднял глаза и увидел змею, свисающую с ветки.

Ее узорчатое тело извивалось, будто река, на плоской голове торчали крошечные рожки, а желтые глаза с вертикальными зрачками гипнотически впивались прямо в него. Змея не была настолько большой, чтобы переломить ему кости, однако этот недостаток компенсировался чудовищным терпением: ее тело медленно, но неумолимо сжималось, и с каждым движением дыхание давалось ему все труднее.

Его взгляд в панике заметался, пока не наткнулся на кончик змеиного хвоста. Он вцепился в него, словно в спасительную веревку, и изо всех сил потянул вниз. Но хватка лишь крепла, становясь все невыносимее. В ушах зазвенело, перед глазами поплыл туман — и сознание начало медленно погружаться во тьму.

И вдруг пространство перед ним вспыхнуло бордовым огнем, и из этого пламени возник Луксор. Наставник решительно шагнул вперед, но он, не желая быть спасенным ценой провала, сделал первое, что пришло на ум: сунул хвост змеи себе в рот и впился в него зубами. Луксор замер: глаза ученика уже налились кровью, тонкие сети вен вздулись на лице, но он продолжал сжимать челюсти, словно зверь, вцепившийся в кость.

Во рту разлился вязкий вкус крови — не то своей, не то

змеиной — но хватка хищницы ослабла. Наконец ему удалось просунуть руку между горлом и плотным кольцом и сорвать петлю со своей шеи.

Истошный, почти нечеловеческий вздох разнесся по саванне, едва он рухнул на колени. Луксор мгновенно оказался рядом.

— К счастью, горло не повреждено, — произнес наставник с нескрываемым облегчением, ощупав его шею.

Он продолжал жадно хватать ртом воздух, будто заново учился дышать. Внутри все кипело от злости — на себя, на свою глупость, на непростительную беспечность. И вдруг прямо над ним прозвучали слова, от которых дыхание замерло сильнее, чем от мускулов змеи:

— Твое Испытание окончено.

Он резко поднял голову, умоляя вселенную, чтобы это оказалось лишь обманом слуха. Но в глазах Луксора не было ничего, кроме стальной решимости.

Жгучая боль пронзила горло, стоило лишь попытаться возразить. Тогда он, придерживая шею, молча поднялся и, глотая слезы, побрел в сторону Маяка — лишь бросив мрачный взгляд на дерево, в ветвях которого скрывалась тварь, едва не похоронившая и мечту, и его самого.

Внезапно, словно сама судьба решила встать на пути, дорогу ему преградила высокая фигура в белом.

— Ты идешь со мной, — медленно, не терпящим возражений тоном произнес Луксор.

— Н-не… Нет! — с трудом прохрипел он.

— Это не просьба.

Он вытянул израненную шею, сглотнул через режущую боль и выдавил:

— Я… могу… Есть время!

Луксор посмотрел на него твердым, немного отчужденным взглядом:

— Уже нет. Тебе — не успеть…

Он застыл, не в силах поверить в услышанное.

— Прости, — чуть мягче добавил наставник. — Но это правда.

Широко раскрытые глаза ученика наполнились беспросветным ужасом. Он знал: Луксор не способен солгать. И эта правда оказалась острее любых клыков, разрывая сердце в клочья.

— Пойдем, — протянул руку наставник.

— Нет…

— Ну же.

— НЕТ!

— Подумай. Подумай, как взрослый! Ты все равно не успеешь. Только сделаешь себе еще хуже!

— Пусть! Мне все равно, что со мной будет, если я не попаду в Предел!

Взгляд Луксора потемнел, став тяжелым, как туча.

— Это зашло слишком далеко. Я не позволю тебе замучить себя до смерти из-за бессмысленного упрямства.

Он сжал кулаки, задрожав всем телом. А когда поднял голову — его глаза полыхали яростным огнем.

— Прошу… пропусти меня…

Но вместо ответа перед ним вспыхнула бордовая вспышка, и могучая фигура Луксора будто стала еще выше и шире: его мышцы налились пугающей мощью, плащ взметнулся, а глаза полыхнули *настоящим* огнем.

Он отпрянул, но не от страха, а от леденящего ужаса осознания: еще миг — и наставник унесет его прочь, перечеркнув всю боль и страдания, которые он пережил за эти семь дней. И тогда, в отчаянии, он стиснул зубы и прохрипел:

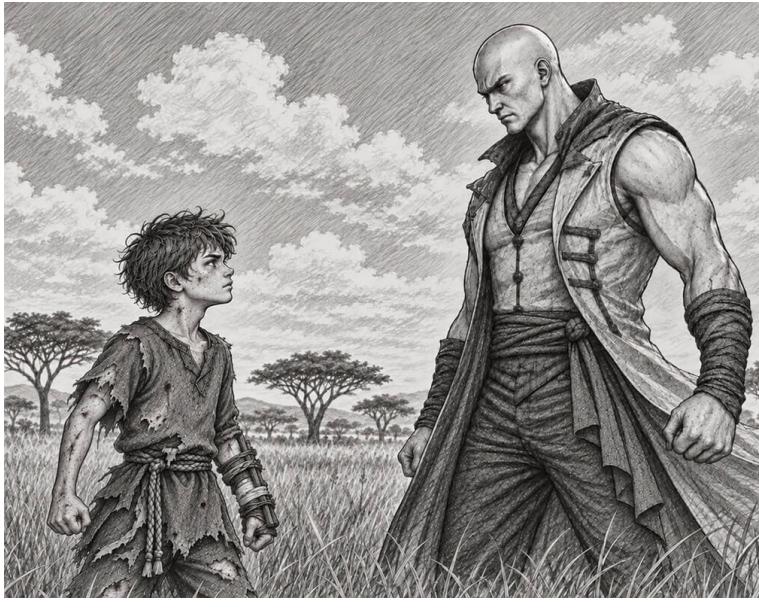
— Если ты заберешь меня… я буду возвращаться сюда снова и снова… пока не дойду *до конца!*

Луксор строго прищурился, но не шелохнулся. Эти слова не звучали как пустая угроза — они звучали как клятва, брошенная наперекор всему.

Минуту они стояли глаза в глаза — могучий, непоколебимый Защитник и маленький, отчаянный ученик. Непримиримый долг и всесокрушающая воля. Два одинаково упрямых сердца посреди колышущегося океана травы.

Наконец он медленно двинулся вбок, обходя наставника дугой, словно зверек, крадущийся вокруг опасного костра. В каждом его шаге читались и страх, и дерзость, и трепетная вера в собственную правоту. Когда несколько минут спустя он осмелился обернуться, Луксор, полыхая аурой, все еще стоял на месте, не сводя с него пронзительного взгляда. В

этот момент он понял: Испытание продолжается. Для них обоих.

***

Он отчаянно хотел, чтобы время остановилось, но оно, словно назло, неслось все быстрее. Шея горела от боли, но дыхание постепенно выравнивалось. Высокие травы заметно редели, уступая место редким пучкам, а огромное облако на небе распадалось на клочья — словно зеркальное отражение его собственного пути: тяжелого, изнуряющего, но все еще

ведущего к мечте.

Вскоре ему посчастливилось наткнуться на растение, увешанное гроздьями спелых бананов. Он сорвал несколько штук и жадно впился в них прямо на ходу, словно подбрасывая в умирающий костер воли последние угли.

Солнце беспощадно клонилось к западу, и одна только мысль о том, что через каких-то несколько часов оно исчезнет за горизонтом, жгла сильнее, чем все его израненное тело. Мыс маячил впереди, дразня, словно желанная, но недосягаемая приманка, однако равнина все никак не кончалась. И тогда, несмотря на боль в каждом суставе, он перешел на рваный, упрямый бег.

Минуты растягивались в часы, а часы, казалось, в мучительные годы. Но он все бежал и бежал. Бежал и бежал. Бежал, не отрывая лихорадочного взгляда от небесного холста, с которого медленно сходили сочные краски дня. В какой-то момент ему даже показалось, что он уже проживал этот момент, уже бежал по точно таким же багровым сумеркам, уже гнался за этим же самым ускользающим равнодушным солнцем. Сердце тревожно дрогнуло — не сон ли все это? Или, быть может, сама реальность давно уже превратилась в кошмарный сон, из которого невозможно проснуться?

Наконец, не веря своим глазам, он замер и уставился вниз — вниз! — с очередного обрыва.

«Нет… Нет-нет-нет-нет-нет… ТОЛЬКО НЕ ЭТО!!!»

Совсем недалеко, всего в каких-то двух-трех километрах,

раскинулась узкая полоса земли, омываемая океаном. Там развевалось огромное, кроваво-красное пламя костра, рядом с которым виднелись крошечные фигурки тех, кто уже прошел свое Испытание. Но между ним и заветным огнем зияла непреодолимая преграда — отвесный обрыв, уходящий вниз на головокружительную высоту.

Лихорадочно метнув взгляд по сторонам, он заметил длинный, пологий склон слева — единственный путь вниз. Но солнце уже таяло на глазах, словно огарок свечи, что вот-вот погаснет навсегда.

В памяти, как удар молнии, мгновенно всплыли пророческие слова Луксора: «Тебе — не успеть». А вслед за ними — все его ошибки, каждый, даже самый короткий момент непростительной слабости, каждая лишняя секунда отдыха, когда нужно было бежать быстрее. Даже друг, с которым они прошли почти весь путь, в этот миг казался соучастником его неизбежного провала.

Грудь тяжело ходила ходуном. Бросая полный паники взгляд то на стремительно темнеющее небо, то на пламя впереди, он задыхался от нарастающего волнения.

«Да что тут думать? Все и так ясно… Это — конец. Здесь и сейчас, когда от цели меня отделяет всего один шаг…»

В порыве отчаяния он перегнулся через край и заглянул вниз. Красно-охряные скалы уходили вниз почти вертикально, и где-то далеко-далеко, у самого основания этой камен-

ной стены, лежало изумрудное озеро, к которому с востока тянулась нить впадающей реки. Тишина здесь стояла гнетущая — только легкий ветерок, едва шевеливший его волосы, и пустота внизу. Казалось, сама пропасть не терпит лишних звуков, и если что-то упадет туда, то пролетит целую вечность, прежде чем коснется тихой, зеленой глади.

«Как же страшно!.. Но…» — Он поднял глаза к небу, где умирало солнце: *«Другого пути нет!»*

Он попытался собраться с духом, но чем дольше смотрел вниз, тем сильнее дрожали ноги. Наконец, давящая высота ударила по нему, как невидимый кулак: он в ужасе отшатнулся назад, обреченно осел на землю, и глаза его защипало от горьких слез.

— Это безумие… Я не смогу… Это слишком… Это… мой предел.

И снова, как ослепительная вспышка, в памяти всплыл образ скалы, где жили те, кем он восхищался. Одна только мысль о них заставила его подняться.

— Я должен. ДОЛЖЕН!

Губы дрожали, но слова прозвучали твердо, как приказ. Он сделал решительный шаг к краю — но животный страх снова парализовал его до глубины костей. И тогда, будто внутри него пробудился жестокий двойник, он заметался вдоль обрыва, ведя с собой жаркий, презрительный монолог:

— Проклятье! Ты хочешь успеть или нет?! Тогда прыгай!.. Не можешь? Значит, шагай обратно! Домой, к родите-

лям! Им не терпится сказать: «Что, требовалось довести себя до полусмерти, чтобы понять, что это не твое? А ВЕДЬ МЫ ГОВОРИЛИ!!!»

Он издал горький, хриплый смешок, снова заглянул в бездну — и снова отступил, чувствуя, как от бессилия и злости рвутся наружу слезы.

— Жалкий трус! — выкрикнул он, с яростью сжав кулак перед перекошенным лицом. — Завтра все узнают, как ты стоял здесь и дрожал от страха — в шаге от мечты!

Он прорычал, стиснул челюсть и принял стойку, готовясь прыгнуть. Но в последний момент обмяк, словно марионетка, у которой оборвали нити.

— Кого я пытаюсь обмануть… — прошептал он, закрыв лицо рукой. — Я не смогу. Я просто жалкий трус… *«и останусь им до конца жизни».*

Глаза были крепко зажмурены, но в темноте вдруг все взорвалось ярким огнем воспоминаний: наставники с сочувственными улыбками, следящие за его тщетными стараниями. Товарищи, утешающие, что прийти последним к финишу вовсе не позор. Родители, твердящие, что этот путь не для него… И члены Совета — недосягаемые, как далекие звезды.

«Сколько раз я клялся себе, что изменю все это… Но каждый раз лишь упираюсь в стену… Каждый. Раз. Всю. Свою. Жизнь».

— Р-р-р-р-р!!!

Он напрягся всем телом, пытаясь сдержать рвущиеся наружу слезы — но их было не остановить. В беспомощном отчаянии его зубы впились в руку, а пальцы стиснули сломанную кость — лишь бы превратить невыносимую внутреннюю муку в тупую физическую боль. Но все было тщетно. Мысли, воспоминания, обиды и слепая ярость смешались в единый огненный шторм, который захлестнул его целиком. И вскоре он окончательно утратил над собой какой-либо контроль.

— Я НЕ ХОЧУ быть трусом! — неистово крикнул он, запрокидывая голову к багровому небу. — Я НЕ ХОЧУ быть слабым и жалким! И Я НЕ ХОЧУ жить, зная, что не способен изменить себя!

Он рывком вскочил на ноги, издал яростный, полный невыразимой муки крик и, отдавшись во власть последнего импульса, рванул вперед — и прыгнул. Прежде чем сжать глаза от страха, он успел уловить расплывшиеся краски, исказившийся до неузнаваемости мир, и озерную гладь, к которой он несся, словно камень, брошенный с обрыва.

«Глупец...» — только и успела промелькнуть последняя мысль.

Удара, которого он ожидал всем своим существом, так и не наступило. Вместо этого его словно коснулись нежные руки самой воды, приняв в свои объятия. Безболезненный удар о поверхность, стремительное погружение на глубину, ощущение мощной силы, подхватившей его и понесшей прочь,

— все это он осознал позже, когда уже лежал на берегу.

Хрипло откашливая воду, он вдавил пальцы в мокрый песок, пытаясь подняться, но сломанная рука отозвалась такой пронзительной болью, что он вскрикнул, перекатился на спину и застыл с болезненной гримасой на лице. Когда глаза открылись, взгляд мгновенно устремился к вершине — туда, где он стоял всего мгновение назад. Словно молния, в голове промелькнула ошарашивающая мысль:

«Неужели я действительно прыгнул? С такой высоты?.. Я точно сошел с ума…»

Он перевел потрясенный взгляд на озеро. Вода, минуту назад спокойная и безмятежная, теперь неистово бушевала, словно возмущенная его дерзким поступком: высокие волны бешено гнались одна за другой, с яростью сталкивались и взрывались, выбрасывая на берег ошметки пены. Но все стихло так же внезапно, как началось, и, едва последние брызги улеглись, в его широко распахнутых глазах отразилась прекрасная радуга, раскинувшаяся над озером от края до края. Неожиданно ее линии закружились, слились в пестрый калейдоскоп — и голова его бессильно упала на мокрый песок.

«Ляг. Закрой глаза. Расслабься…» — умоляла каждая клетка его тела, выжатая до последней капли. Но где-то внутри, где боль тесно смыкалась с упрямством, вдруг вспыхнул протест:

«Я прыгал не для того, чтобы уснуть у самого финиша…

Если опоздаю — никогда себя не прощу!»

С невероятным усилием, словно взвалив на плечи горный хребет, он уже в который раз заставил себя подняться. Мир перед глазами плыл и качался. Но он пошел вперед — шаг за шагом, несмотря ни на что.

***

Не более пятнадцати человек из нескольких десятков тех, кто стоял рядом с ним в начале Испытания, были сейчас здесь. Кто-то сидел, обессиленно привалившись спиной к одинокой скале, кто-то лежал, безвольно распластавшись на траве, а другие, собравшись в небольшие группки, о чем-то устало переговаривались между собой.

Но вдруг все разговоры резко стихли, оборвавшись на полуслове, и взгляды всех без исключения обратились к нему. Каждый, кто дошел до конца, выглядел изможденным — но никто не выглядел так, как он.

Каждый его шаг оставлял за собой кровавый след. Тело было исполосовано ранами, будто когтями зверей. Шея опухла, превратившись в сплошной синяк. Глаза, налитые кровью, пугающе выделялись на бледном лице, а сломанная рука нелепо болталась вдоль тела, раздутая, словно бревно.

Присутствующие молча раскрыли рты, забывая моргать и дышать. Но для него весь мир в это мгновение сузился до одного лишь заветного каменного возвышения впереди. На его вершине победно полыхало огромное красное пламя, внутри которого, словно дивное видение из прекрасного сна, от-

четливо проступали очертания могучего дуба с невероятно густой, раскидистой кроной.

Последние шаги оказались самыми тяжелыми из всех семи дней. Лишь безумное упорство, выжатое из самых глубин, все еще толкало его вперед.

Шаг. Шаг.

«Если успею… вернусь домой совсем другим. Новым…»

Он поднял дрожащую руку перед собой.

«Стану лучше… силь…нее…»

Шаг.

«А если нет… тогда…»

Шаг.

Его ладонь коснулась выпуклого камня пьедестала. Подняв взгляд к горизонту, он заметил, что солнце уже скрылось за его краем.

«Неужели… опоздал?»

И вдруг, словно в ответ на его отчаяние, раздался гул. Сначала робкие, а затем все более громкие хлопки, сиплые возгласы, усталые голоса — это все остальные собрали последние остатки сил, чтобы поздравить его с завершением Испытания. Горячие, благодарные слезы сами выступили у него на глазах, затмевая яркий свет костра, и в этот момент позади раздался голос, полный искреннего сочувствия, но и глубокого уважения:

— Все кончено, брат. Присядь.

Тяжелая капля дождя шлепнулась ему прямо на лоб. Он открыл глаза и вдруг осознал, что уже сидит, прислонившись спиной к возвышению. Сквозь полуприкрытые веки виднелись низкие серые тучи, из которых рождались первые капли дождя, а рядом, на фоне последних отблесков заката, угадывался чей-то силуэт.

— Ри-и-икс… — почти со стоном выдохнул он, чувствуя, как трещат ребра.

На усталом лице друга заиграла вымученная, но все же ухмылка.

— Какой же ты…

— Сильный?

— …потрепанный! На тебя без слез не взглянешь! Но… я должен извиниться… Я до последнего думал, что ты — галлюцинация.

— Ничего… — отозвался он едва слышно. — Я сам не верю… что дошел.

Рикс, скривившись, окинул взглядом его раздутую шею и руку.

— Да что же с тобой произошло? — недоуменно и с явным любопытством спросил напарник.

— Много чего… Как-нибудь… потом. А ты… как тут оказался?

— По реке, конечно. — Рикс вновь криво усмехнулся, приподнял штанину и показал разодранную в кровь ногу. — Она хорошо потрепала меня на своих порогах, но я, как ви-

дишь, каким-то чудом остался жив.

— Да при чем тут чудо… — ответил он, глядя на друга с кривой улыбкой. — Нет, Рикс. Ты просто везучий. Как всегда…

***

— Бедные мои друзья… Сердце мое разрывается от того, что с вами стало.

Едва с возвышения раздался голос Старейшины, все присутствующие подняли к нему глаза. Лишь ему одному не хватило сил, чтобы подняться, и он мог только слушать, оставаясь в тени.

— Знаю, как сильно вы измучены, — продолжил Старейшина с искренним сочувствием. — Каждый ваш шаг был суровым испытанием, требующим не только напряжения всех физических сил, но и истинной силы духа. Кто из вас хоть раз не усомнился — в себе, в своем успехе, а порой даже в самом смысле этого Испытания? Но знайте: все это было не напрасно.

Он сделал короткую паузу, оглядывая израненные лица.

— Посмотрите, как мало вас осталось. Но это значит, что тем, кто не дошел, больше уже ничего не угрожает. *Угрожает…* — повторил он, и слово это прозвучало так, будто само несло в себе тьму. — Теперь вы знаете, что оно значит. Вы испили горькую чашу страха и боли, прошли сквозь сомнения и отчаяние. И теперь понимаете гораздо лучше, с чем вам придется сталкиваться, оставаясь на этом пути. И хо-

тя мы больше не собираемся подвергать вас столь жестоким испытаниям, путь ваш от этого не станет легче… А теперь, прежде чем мы займемся вашими ранами и наконец отправим вас домой, позвольте коротко разъяснить — ради чего существует эта ветвь.

На одно короткое мгновение взгляд старца словно отрешился от всего окружающего, устремившись куда-то в далекое эхо прошлого.

— Когда-то… — произнес он, и слова его прозвучали как начало древнего предания, — наш мир стоял на краю гибели. И только Сила удержала его от падения. Когда угроза миновала, многие искренне мечтали разорвать всякую связь с таким опасным явлением, как Энергия. Однако этому желанию не суждено было сбыться. Совсем скоро над нами нависла новая беда, и вновь, лишь благодаря Энергии наша община смогла выстоять. С тех пор она стала неотъемлемой частью нашей судьбы — и главным залогом выживания.

Старейшина сделал паузу, давая словам осесть в сердцах собравшихся. Когда он продолжил, его голос стал тверже:

— Теперь, после всего, что вам довелось пережить, вы не должны забывать: Сила — это не фокусы и не чудеса. Сила — это боль. Это страдание и жертва. Это терпение и ответственность. А значит — тяжкое бремя.

Он величественно поднял руку и указал на древо, которое пылало ярким пламенем прямо за его спиной. Живой огонь играл в густой листве красными языками, излучая по всей

округе мощное тепло.

— Вот он — наш Маяк. Маяк надежды, который зажгла когда-то Сила одного из нас. С тех пор он не угас — ни под проливными ливнями, ни под яростью штормов. Добравшись сюда, вы доказали: ваш дух пылает так же ярко, как это вечное пламя. Так пусть же и он никогда не погаснет в ваших сердцах. Пусть согревает тех, кто замерзает в отчаянии. Пусть освещает путь тем несчастным, кто заблудился во тьме. И пусть всегда дарит надежду. Надежду — на светлое, счастливое, мирное будущее.

Слова Старейшины не звучали громко, но они были пропитаны глубокой верой и надеждой, которые, словно свечи, коснулись сердец собравшихся и наполнили их новым живительным огнем. Лица учеников озарились трепетным благоговением, и свет в их глазах, исходивший от одинокого древа, засиял еще ярче. Даже он, чьи силы были на исходе, тяжело поднялся, чтобы еще раз взглянуть на это величественное, пылающее чудо.

Когда его фигура появилась в поле зрения, Старейшина, все наставники и члены Совета посмотрели на него, словно на тень, невозможным образом восставшую из пепла. Не обращая внимания на их почти потрясенные взгляды, он отыскал глазами Луксора, который, возможно, смотрел на него еще более изумленно, чем остальные, криво усмехнулся и тихо произнес:

— И все-таки я, как всегда… последний.

Глава 5. Последний лист

В круглом Зале Совета, венчающем вершину Предела, с самого рассвета царила напряженная атмосфера. Повод для собрания был более чем серьезен: предстояло подвести итоги минувшего Испытания и изучить тех немногих, кто заслужил право вступить на ветвь Энергии.

Сам Зал поражал масштабом и величием. Часть его, вырубленная в недрах скалы, сохраняла вековую прохладу, с которой едва справлялись пламя массивного камина и пламя жаровен, расположенных по всему пространству. Другая половина Зала выступала наружу, откуда сквозь высокие стрельчатые окна-витражи внутрь врывался последний свет уходящего дня, окрашивая каменные плиты в причудливые цвета.

Слева от входа колонны полукругом поддерживали второй ярус, с перил которого ниспадали водопады серебряных тканей, расшитых узорами. На отполированных стенах, испещренных резьбой, в отблесках огня то и дело мелькали тени человеческих силуэтов, а высоко под сводами, в непроглядной черноте, скрывался огромный купол, заставляя каждого присутствующего ощущать себя частью чего-то большего.

Но сегодня все внимание было сосредоточено на одном месте — массивном столе в форме полумесяца из черного

мрамора, стоящем по правую руку от входа. За ним, на каменных тронах, восседал Совет.

Во главе стола неподвижно сидел Старейшина. В своих жилистых руках он держал склонившийся под собственной тяжестью лист. Лицо его, покрытое сетью морщин, хранило выражение глубокой сосредоточенности, словно за сухими строчками он пытался разглядеть живое человеческое сердце. Но вот, перо в его руке плавно вывело несколько строк, бумага с очередной судьбой легла в аккуратную стопку рядом, и перед ним остался лишь один-единственный, последний лист.

Старейшина задержал на нем взгляд, и в его ярко-золотых глазах, в которых мудрость, доброта и тихая печаль десятилетиями сплетались в единый узор, отразился портрет. На нем был изображен мальчик с худым лицом, волнистыми, непослушными волосами и большими глазами, в которых угадывалась странная смесь настороженности, тоски и решимости.

— Что ж, — негромко произнес старец, и голос его, нарушив тишину, наполнил собой каждый уголок Зала. — Списки почти готовы. Лишь один кандидат остается под вопросом. Весьма необычный молодой человек, чей результат… оказался далек от наших прогнозов настолько, насколько это вообще возможно. Но прежде чем приступить к обсуждению, позвольте зачитать характеристику.

Старейшина привычным жестом, начав с усов, пригладил

серебристые пряди бороды. Затем его жилистые пальцы коснулись края листа, и, глубоко вздохнув, он неторопливо начал читать:

— Физические данные: худощавый, мышечная масса развивается с трудом, силой и выносливостью не выделяется. Далее идут результаты тестов по общефизической подготовке, показатели которых — одни из самых низких. Что касается умственных способностей: интеллект оценивается как средний. Несмотря на универсальный склад ума и широту интересов, успеваемость в учебе оставляет желать лучшего. Причина — хроническая отвлеченность и погруженность в собственные мысли.

Старец чуть отодвинул лист, и Зал наполнился мягким шелестом бумаги.

— Характер: застенчивый, склонен к замкнутости и уединению. Самооценка критически занижена, усугубляется избыточной самокритикой. На уроках проявляет пассивность, но в физических упражнениях целеустремлен… Так, что тут у нас… ага, свежее примечание от Луксора: «Обладает поразительной, исступленной, местами одержимой, саморазрушительной силой воли». М-да.

Старейшина с едва слышным вздохом покачал головой.

— Рекомендации педагогического совета Арете: имеющийся интеллектуальный потенциал теоретически позволяет освоить как точные, так и гуманитарные дисциплины. Тем не менее отсутствие интереса к систематической учебе дела-

ет более естественным выбор в пользу творческих ремесел или несложного искусства. Примечание: несмотря на то что ученик не является самым слабым среди сверстников, приведенные показатели свидетельствуют о его полной непригодности для ветви Энергии. Однако…

Старейшина поднял лист, поворачивая его к Совету так, чтобы каждый мог увидеть последние строки, написанные крупными, кричащими буквами, и с легкой ироничной улыбкой произнес:

— «ГРЕЗИТ ТОЛЬКО ПУТЕМ СИЛЫ».

Он аккуратно отложил лист и откинулся на спинку трона.

— Такова краткая оценка учителей за три года его обучения. Картина, скажем прямо, удручающая. Черты, развившиеся в нем, не просто нежелательны — они опасны. И я понимаю, откуда все это берет начало. Ведь, если не ошибаюсь, это он живет в Сером Лесу с нашей «особой» семьей? М-да. Надежды не оправдались, а опасения лишь укрепились. Впрочем, это тема отдельного разговора.

Старец на мгновение замолчал, собираясь с мыслями.

— Итак… Опираясь на изложенное, мы должны согласиться: путь Энергии для него — верная гибель. Однако есть одно «но» — такое же огромное, как и купол над нашими головами. Несмотря на все созданные нами препятствия, призванные отсеять неподготовленных, именно этому «непригодному», «худощавому», «замкнутому» мальчику удалось не только пройти труднейший путь Испытания, но и завер-

шить его в срок. — Он глубоко вздохнул, несколько раз постучал указательным пальцем по столу, и на его лице проступила тень глубокой задумчивости, смешанной с неподдельным удивлением. — Признаюсь, впервые за долгие годы я испытываю сомнения относительно дальнейшей судьбы ученика. Бумага говорит одно, жизнь — совершенно другое. Возможно, ваши доводы помогут нам сделать правильный выбор.

Старейшина перевел взгляд на остальных членов Совета.

— Так что вы скажете? Стоит ли спасать его от себя самого — или же позволить его мечте, какой бы саморазрушительной она ни казалась, стать его судьбой?

Мгновение все молчали, обдумывая сказанное. И вдруг с противоположной стороны стола раздался уверенный, полный страсти голос:

— Я скажу так: я отдам свой голос за то, чтобы этот парень имел возможность встать на путь Силы.

Со своего места поднялся мужчина со светлой кожей, копной черных вьющихся волос и аккуратными усами. Это был Левиан.

— Надеюсь, братья, вы не станете возражать, если я первым выскажу свою позицию, — сказал он, обводя присутствующих взглядом своих ярко-пепельных глаз. — А сказать я хочу вот что: давно мне не доводилось слышать столь нелестной характеристики. Но она предельно точно отражает всю суть мальчика: хилый, обессиленный, вечно плету-

щийся в хвосте. Когда я увидел его среди испытуемых, то решил, что это какая-то чудовищная ошибка! Но думаю, тогда мы все были уверены, что он не протянет в пустыне и нескольких часов…

Левиан вдруг оперся обеими руками о черную столешницу и слегка склонил голову. В этом движении ощущалась тяжесть внутреннего бремени, не дающего ему покоя.

— Должен признаться… — продолжил он, и голос его упал до нот глубокого раскаяния, — я был несправедлив. Нет, даже хуже: я был жесток. Через несколько часов после начала Испытания я увидел его, бредущего словно мертвец. Мне стало жаль его. И я… обрушил бурю прямо на него.

Несколько Защитников, словно понимая, о чем говорит товарищ, молча опустили глаза.

— Когда он рухнул лицом в песок, я уже был готов вмешаться и вернуть его назад. Но прямо у меня на глазах он восстал из засыпающего его песка, словно феникс из пепла — и это впечатлило меня. Я оставил его, уверенный, что ночь положит конец его бессмысленным мучениям. Однако спустя сутки я увидел: он выдержал и ее.

Левиан поднял голову, взглянул в золотые глаза старца и негромко, но проникновенно добавил:

— А увидев его у Маяка, я понял: да, в учебных залах он слаб. Но Испытание обнажило его истинный потенциал — ту силу духа, которую не измерят никакие тесты. Посмотрите сами: многие из тех, кто прежде обгонял его на занятиях, не

выдержали этот путь. А он — не просто выстоял. Он преодолел самое тяжелое Испытание за всю его историю. И теперь я задаюсь вопросом: кто же он? Всего лишь погрешность, аномалия? Или же уникальный талант, который позволила рассмотреть наша новая программа? Считаю, мы обязаны выяснить это. Возможно, если позволить встать ему на этот путь, мы станем свидетелями чего-то невероятного.

Левиан воодушевленно выпрямился, затем чуть поклонился и опустился на место.

Зал затих, как будто сами стены затаили дыхание, поддерживая эту пылкую речь. Однако не успели слова раствориться под сводами, когда рядом вдруг грянул голос, подобный мощному раскату грома:

— А я вот считаю, что парню следует подыскать другое занятие! Такое, где он сможет быть гордым мужчиной, а не изможденным трупом!

Воздух в Зале ощутимо дрогнул. Даже пламя свечей тревожно качнулось, словно от внезапного порыва ветра. Это означало одно: слово взял Масон.

Настоящий гигант ростом под два с лишним метра, чей массивный трон занимал почти четверть стола и все равно казался тесным для такой внушительной фигуры, он возвышался над всеми, как старший брат над младшими. В отличие от остальных, он не носил плаща, вероятно полагая, что его могучим плечам будет тесно в подобном одеянии. Вместо него мощный торс перехватывала коричневая ткань, стя-

нутая кушаком цвета горького кофе.

Лицо Масона было под стать его фигуре — грубым, рельефным, словно высеченным из скалы, с несколькими заметными колеями шрамов. Даже когда губы складывались в подобие улыбки, она не смягчала сурового облика, а тонула в серовато-пшеничной коротко подстриженной бороде, напоминавшей гриву матерого льва. Лишь нижняя губа оставалась видимой и иногда дрожала, выдавая прямодушные эмоции, которые Масон не умел и не пытался скрывать. Виски его были выбриты, а оставшиеся волосы, зачесанные назад и собранные в хвост, спадали на мощную шею.

Несмотря на свои сорок с лишним лет — как и многим в Зале — в своих ярко-карих глазах он сохранял живой огонь, полный энергии и жизни. И хотя один лишь его грозный вид мог внушить трепет, за каменными мышцами груди скрывалось большое, доброе сердце, совершенно не склонное к жестокости — во что, на первый взгляд, было почти невозможно поверить.

— Считаю, — пробасил Масон, опираясь о край стола своей массивной рукой, — пока не поздно, нужно пресечь иллюзии юноши! И уж точно не способствовать их дальнейшему раздуванию! Вы видели, как он выглядел в конце? Живое воплощение безрассудства! А что до физических данных — я видел девочек крепче его! О какой Силе может идти речь?! Да если он окажется в Пределе, то раньше Энергии его угробят сами тренировки! Его тело их просто не выдержит!

Слова гремели по Залу, словно удары молота по наковальне. Несколько членов Совета обменялись взглядами, а откуда-то послышался тихий вздох. Чтобы хоть как-то умалить эффектную речь, Луксор, сидевший по правую руку от Масона, спокойно возразил:

— Мы сами поставили участников в такие условия. Будь у мальчика больше времени, он бы берег себя лучше.

Масон медленно повернул к нему свое суровое лицо. Его яркие глаза сузились под густыми бровями, а голос стал жестче:

— О чем ты только думал, брат, когда вписывал его имя в список участников? Ты ведь прекрасно знаешь, что́ бывает с теми, кто идет по этой ветви, не будучи готов!

Челюсть Луксора напряглась, а рубиновые глаза померкли, словно сознание скользнуло в давний кошмар, который он предпочел бы забыть. Но уже через мгновение, нисколько не сердясь на прямодушного друга, он произнес тем же спокойным голосом, в котором, однако, теперь отчетливо звенела сталь, не оставляющая сомнений:

— Я не скрываю, что этот мальчик вызывает у меня симпатию. Но если кто-то всерьез думает, что она способна повлиять на мои решения, — он сильно заблуждается.

Масон, откинувшись на спинку трона, недовольно буркнул:

— Если он тебе так нравится, тогда защити его по-настоящему. А не отправляй на путь, с которого не возвращаются.

— Я скажу свое слово, — ответил Луксор, скрестив руки на груди. — Но после того, как выскажутся остальные.

Остальные, однако, не спешили прерывать молчаливых дум, и Зал погрузился в напряженную тишину. Пришлось Старейшине самому нарушить затянувшееся безмолвие, обратившись к тому, чей голос еще не звучал:

— Брат Зоркий, твой взор редко что-то упускает. Поделись же с нами результатами своих наблюдений.

Словно пробуждаясь из глубокого транса, смуглый мужчина медленно приоткрыл веки — и в то же мгновение его удивительные, почти нечеловеческие зрачки вспыхнули ярко-желтым светом Силы. Лицо при этом оставалось сосредоточенным и слегка нахмуренным, словно он продолжал всматриваться в нечто, сокрытое где-то вдали.

Молочно-белые волосы, зачесанные назад, своей формой и цветом напоминали гребень гордого орлана. Перья этой же птицы украшали кончики прядей и повязку на лбу. Плащ цвета темной выжженной охры был расшит замысловатыми узорами, а на груди и рукавах при каждом движении колыхалась бахрома.

Зоркий, как его называли все на Острове, получил свое прозвище не случайно. Его зрение, сплетенное с самой Энергией, давно стало легендой, передаваемой из уст в уста. Говорили, что однажды он невооруженным глазом наблюдал затмение спутников далекой планеты. С тех пор астрономы наперебой старались заручиться его участием в своих наблю-

дениях, ибо то, что видел он, не могли разглядеть даже самые мощные линзы.

— Я видел, как тренируется этот мальчик, — заговорил он ровным, почти бесстрастным голосом. — Его лицо искажают боль, мука и злость. Злость, направленная на самого себя.

Он замолчал, словно сказал все, что считал нужным. Луксор слегка нахмурился: от того, кто славился не только острым зрением, но и умением проникать в суть вещей, он ожидал более весомых слов. Но прежде чем он успел задать вопрос, смуглые губы Зоркого дрогнули вновь.

— Но я видел и другое — его глаза. Когда этот мальчик смотрит на нас, становится ясно: мы для него не просто мастера, владеющие Силой. Мы — его кумиры. Именно поэтому он доводит себя до изнеможения, ошибочно полагая, что Защитник — это прежде всего стальные мускулы и способность терпеть боль.

Он медленно повернул голову к Старейшине. Свеча, стоявшая рядом с Зорким, уже догорела, и лицо его частично скрывала густая тень. Однако удивительные глаза по-прежнему прорезали мрак, словно два солнца, не подвластные тьме.

— Однажды, — продолжил он, — я увидел его на одном из утесов плато. Было раннее утро, шторм только отступил, занятия в Арете отменили… но он уже тренировался. С тех пор я часто обращаю взгляд в ту сторону. И почти каждый день, в любую погоду и в любом состоянии, я неизменно ви-

жу его там.

— Значит, ты полагаешь, мы должны допустить этого ученика к участию во втором Испытании? — уточнил Старейшина, внимательно вглядываясь в лицо Зоркого.

Тот выждал паузу, словно прислушиваясь к чему-то незримому, и прежде чем вновь опустить веки, произнес, как приговор:

— Поддержать его на этом пути — означает поддержать саму смерть.

По Залу пробежало едва уловимое движение: Луксор и Левиан напрягли челюсти, а Масон коротко кивнул.

— Но, — неожиданно добавил Зоркий, уже закрыв глаза, — верно и обратное. Запрет — лишь иллюзия безопасности. И не для него, а для нас. Мы можем не позволить ему идти дальше, но запретить стремиться к мечте — не в нашей власти. А значит, лишив его помощи, мы лишь приблизим миг, когда он совершит неизбежную ошибку. Полагаю, под нашим присмотром он протянет чуть дольше.

Слова Зоркого, полные парадоксальной мудрости, тяжело повисли в воздухе, словно аккорд, который еще долго отзывался тревожным эхом в звенящей тишине. Луксор, внимательно вслушиваясь в них, упрекнул себя за краткий миг сомнения: Зоркий, как всегда, видел намного дальше, чем кто-либо другой.

Старейшина кивнул:

— Спасибо, Зоркий. Твоя наблюдательность дала всем

нам много пищи для размышлений.

Затем он перевел взгляд влево, туда, где по правую руку от Луксора, небрежно опираясь подбородком на сжатый кулак, сидел молодой человек в небесно-голубом плаще. Пламя свечей отражалось в его задумчивых, почти отрешенных глазах, устремленных куда-то далеко за стены Зала.

— Брат Кристиан, — обратился к нему Старейшина, — каково твое мнение по этому непростому вопросу?

Кристиан моргнул, с видимым трудом выныривая из глубины собственных мыслей. Несколько секунд он продолжал молчать, будто все еще пытаясь до конца понять, на чьей стороне его сердце, но потом уголки его губ тронула легкая, слегка насмешливая улыбка, а глаза обрели привычную уверенность.

— Я разделяю мнение Зоркого и Левиана, — наконец сказал он. — Дать мальчику шанс — это лучшее, что мы можем сделать.

— Действительно? — прищурился Старейшина, словно испытывая его убеждение на прочность. — Даже несмотря на колоссальный риск для его жизни?

Усмешка Кристиана стала чуть шире, не утратив своей природной мягкости:

— Если не Энергия, то он сам себя погубит. Прошедшее Испытание показало — этот парень ради цели готов ринуться даже в бездну. Так пусть лучше мы будем рядом, чтобы вовремя подхватить его за воротник.

Старец, удовлетворившись ответом, кивнул.

— Что ж… Раз все желающие высказались…

И тут, совершенно неожиданно, с правого конца стола раздался чудовищно хриплый, надрывный голос:

— Не. Все.

Там, где оба изогнутых края черного мрамора сходились в одну точку, сидел человек, чье молчание стало привычной тенью Совета. Его звали Игниус, и для всего подрастающего поколения Острова он являлся настоящей загадкой, о которой шептались за спиной с тем же трепетом, с каким рассказывают страшные истории у ночного костра. Никто из них не мог сказать, сколько ему лет и как он выглядит на самом деле. Все, что было доступно взглядам окружающих, — лишь его длинный, темно-алый плащ, словно сотканный из языков пламени, тело, скрытое под слоями бинтов, и один лишь левый глаз цвета раскаленной лавы, который светился из тени глубокого капюшона, как живущий собственной жизнью уголек, который нельзя погасить.

— Прошу, мой мальчик, — мягко подбодрил Старейшина, и Игниус, с трудом, будто каждое слово причиняло ему боль, проговорил:

— Время. Тратим. Вывод… Очевиден.

Члены Совета, привыкшие к его рубленому ритму, сразу уловили суть сказанного. Луксор уважительно возразил:

— Брат, ты видел этого мальчика всего пару раз — в начале и конце Испытания. Ты совершенно не знаешь его.

— Да. Видел мало. Но умею слышать. Слабый. Хилый. Воля? Хорошо. Но на пути. Нужна предрасположенность. Как понял… Бездарен?

Молчание стало ответом. Тогда Игниус, поигрывая перебинтованными пальцами с огоньком свечи, пламя которого опасливо сжималось, когда он подносил руку, и послушно вытягивалось, когда он ее отдалял, продолжил:

— Даже одаренные… Погибли. Он тоже. Обречен. Не боится смерти? Что ж. Есть хуже. Как ему… Мой пример?

Он сжал ладонь в кулак, и пламя свечи, вспыхнув на долю секунды, тут же погасло, оставив после себя тонкую струйку дыма.

— Поддерживаю! — вдруг грохнул кулаком по столу Масон. Подсвечники как по команде подскочили, а ровная стопка бумаг накренилась, словно покосившаяся башня. Вердикт его был прост и суров: — Мечты есть у всех, но большинство из них рано или поздно разбиваются о реальность! Если вы боитесь ранить нежные чувства этого ребенка, я сам объясню ему, что к чему!

На губах Кристиана медленно растянулась ироничная усмешка. Атмосфера серьезности, царившая в Зале с самого начала заседания, ему порядком поднадоела.

— Вот поэтому, мой брат Масон, тебя и не подпускают к детям. Это тебе не толстокожие флегматики, которых ты привык тренировать. Этот ребенок — другой, его психика устроена иначе. Тут нельзя просто ткнуть своим здоровен-

ным пальцем в тонкое стекло и ожидать, что оно не треснет.

— Когда рушат мечту, психология у всех одна! — возразил Масон, скрещивая руки на груди, словно могучий дуб, укоренившийся в своем упрямстве. — Конечно, это известие разобьет его крохотное сердечко, но разочарования только закалят его характер — чего не случится, если вы будете нянчиться с ним, как с фарфоровой куклой!

Кристиан почти театрально возложил руку на грудь:

— О, Масон, великий крушитель сердец. Прошу, не разбивай мое — своим невежеством.

— Что?! — сильнее нахмурился Масон, и тут же, передразнивая, пробасил: — «Дать ему шанс — лучшее, что мы можем…» Шанс на что? Умереть у нас на руках?!

— Он прав! — прохрипел Игниус, сверкая раскаленным глазом. — Наша задача… Жизнь!

Зоркий, не открывая глаз, негромко произнес, словно между делом:

— «Лишиться цели — значит лишиться всего».

Эта фраза разнеслась по залу тихой волной, потушив на миг жаркое пламя споров. Игниус застыл, словно кто-то ударил его в самое сердце.

— Тогда… — проговорил он, сжимая кулаки и впиваясь глазом в брата. — Не был! Ребенком!

— Не был, — спокойно подтвердил Зоркий. — Ты был молодым человеком. Таким же упрямым, как этот мальчик.

— Именно! — прорычал Игниус, и в тот же миг свечи на

столе вспыхнули ярче. — Слеп той же слепотой! Но если бы. Он прозрел… Как я в тот день! Угрозами не затащить. На этот путь!

— Увы, ты не желал тогда слушать. И в этом вы с ним тоже похожи. Мы не сможем остановить его, не привязав к кровати.

Игниус замер. Некоторое время он не двигался, а затем, не имея, что сказать, опустил голову и молча откинулся в спасительную тень своего трона. Масон, осознав, что остался в меньшинстве, ошарашенно моргнул:

— Не верю… — пробормотал он, оглядываясь по сторонам. — Вы действительно собираетесь обречь мальчишку на верную смерть?!

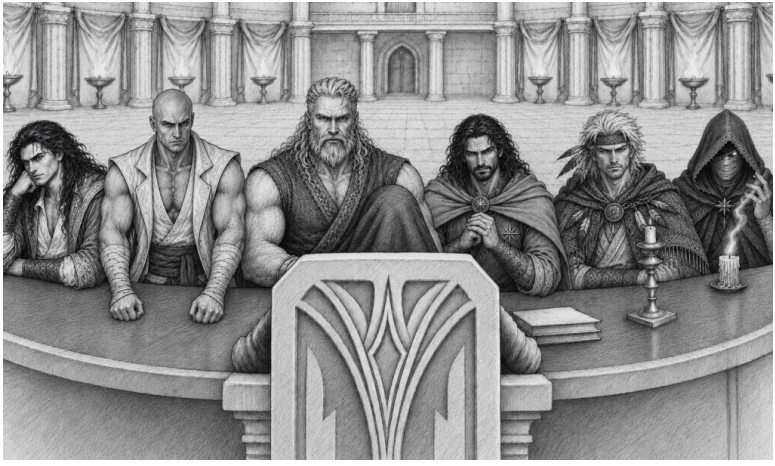
— От судьбы не уйдешь, — тихо, но твердо сказал Левиан, опираясь локтями на стол. — Особенно от судьбы упрямца, готового идти до конца. Но в одном я согласен с Игниусом: нам нет смысла обсуждать это. Ученик выполнил поставленную перед ним задачу. Будет подло сообщить ему, что все усилия были напрасны.

— Но иначе… — с негодованием добавил Масон, — … мы его убьем!

— Пожалуй, хватит… — Старейшина, чьи глаза заметно потяжелели от грусти, поднял ладонь, призывая закончить дискуссию. — Похоже, нам снова предстоит выбирать из двух зол. Луксор — ты знаешь этого ученика лучше всех присутствующих. Так скажи, какой из вариантов принесет

ему наименьший вред?

Луксор, чье время высказаться наконец настало, медленно поднялся. Его костяшки пальцев легли на край стола, и отполированная до зеркального блеска поверхность отразила его сосредоточенное лицо — лицо человека, со всей тяжестью осознающего, что на его плечах лежит чужая судьба.

— Скажем прямо, — начал он. — Перед нами — самый неподходящий кандидат для этой ветви за всю историю. Если позволить ему идти этим путем, его шансы выжить равны нулю. И все же некоторые из вас поняли то же, что понял я: он не остановится. И дело не в амбициях, гордости или упрямстве — все гораздо сложнее. Я знаю, что за стенами

его дома нет ни тепла, ни поддержки. Знаю, что он чувствует себя чужим среди остальных. И знаю: вся его жизнь держится на мечте — стать таким, как мы. Если сейчас мы закроем для него эту дверь, он не смирится с этим. Как справедливо заметил Зоркий, он будет тренироваться сам, наперекор всему.

Левиан нахмурился, словно сталкиваясь с неожиданной правдой, о которой раньше не подозревал:

— Если все так, как ты говоришь, то для общины этот ребенок, можно сказать, уже потерян. Может, Энергия и не убьет его прямо сейчас, но когда он поймет, что без нашей помощи его мечта недостижима, его внутренний огонь угаснет навсегда.

— Верно, брат, — согласился Луксор. — Как верно и то, что, добравшись до конца Испытания, он бросил вызов самой судьбе и тем самым вышел за границы нашего влияния. А это означает только одно: решать за него мы больше не вправе.

На суровом лице Масона отразилось что-то похожее на удивление.

— Чего же ты хочешь?.. — сказал он с долей горького сарказма. — Чтобы он решал сам за себя?

Луксор поднял на него свой прямой, пронзительный взгляд. В его гранатовых глазах горела тяжелая, обретенная ценой многих жизней, решимость.

— Я хочу, — медленно произнес он, — чтобы этот путь

не привел мальчика в пропасть — ни в ту, где ломается тело, ни в ту, где гаснет огонь. Я хочу, чтобы он расстался со своей мечтой, как выздоравливающий расстается с болезнью. Но это должно быть его решение. Его собственная воля.

На одно короткое мгновение тишина в Зале стала почти ощутимой. Кристиан, чьи легкие нотки веселья тут же исчезли, с долей недоверия спросил:

— Ты серьезно хочешь, чтобы он сам сложил оружие — и при этом был уверен, что победил?

— Да, брат мой, — не колеблясь, подтвердил Луксор. — Я больше не желаю видеть, как по дороге к несбыточному погибает еще хоть кто-то. Мечты — это прекрасно, но Масон прав: мы не можем позволить ему жертвовать ради них жизнью.

— Что же получается? Мы должны смотреть, как он терпит неудачу за неудачей, и ждать, пока звезда, в которую он так самозабвенно верит, не погаснет?

— Не ждать, но действовать. Каждый раз, когда его тело будет ломить от боли, а попытка закончится провалом, мы должны быть рядом, чтобы ненавязчиво показать, что жизнь предлагает не только путь Энергии, но и иные звезды — более близкие и реальные. Если мы сможем убедить его в этом, он сохранит не только жизнь, но и чувство собственного достоинства.

В огромном Зале вновь наступила тишина — уже не такая напряженная, но все еще полная невысказанных вопросов.

— Ого… — выдохнул Масон с наигранным удивлением. — Выходит, я все это время был прав?.. Но ведь ты сам сказал, что он не отступит!

— Именно поэтому, — ответил Луксор, — нам нужен хорошо продуманный план.

Великан на мгновение прищурился, напрягая старые шрамы, и тут же с простотой предложил:

— Хочешь — я могу выстроить вокруг Серого Леса неприступную стену.

Луксор впервые за весь этот долгий день невольно улыбнулся.

— Порой кажется, что только это и может остановить его, — тихо произнес он. — И все же нужно что-то более деликатное, чем твои стены, брат.

Левиан задумчиво поскреб щеку и, словно перебирая в уме множество вариантов, пробормотал:

— Задача непростая. Арете открывает перед учениками множество дорог... Если даже там его ничем не смогли заинтересовать, то что можем предложить мы?

Луксор на мгновение замер, словно прислушиваясь к той особенной тишине, что царила в величественном Зале. Затем взгляд его скользнул к товарищу с закрытыми глазами:

— Зоркий, подскажи, какой детали нам недостает?

Нахмуренное лицо Зоркого не дрогнуло. Но через мгновение ответ был дан — точный, как всегда:

— Поговорить с кем-то из нас — вот что принесет маль-

чику радость.

— Верно, — кивнул Луксор, хватаясь за спасительную мысль. — Большую часть времени он общался исключительно с наставниками Арете. Возможно, наши слова он воспримет более серьезно.

— Может, и так, — с сомнением согласился Левиан. — Но если мы, те, кого он так превозносит, явимся к нему с проповедью о вреде Энергии, мы вызовем у него не прозрение, а только горькую обиду. К тому же, что мы можем сказать ему такого, чего он еще не слышал?

Луксор, не найдя готового ответа, опустился на свое место, откинулся на массивную спинку трона и, приложив пальцы к губам, задумался. В этот момент Кристиан, легкий на язык, внезапно предложил:

— Можно сказать, что в Пределе кормят только тушеной капустой. Дети обычно не в восторге от такого.

Напряжение в Зале ощутимо ослабло, разрядившись легкими улыбками. Но шутка не решила проблемы, и прежняя сосредоточенная серьезность вскоре вновь отразилась на лицах.

— А знаете, мысль о выборе имеет потенциал, — неожиданно произнес Левиан, будто сам удивляясь собственному озарению. — Мы могли бы превратить ее во что-то большее.

— Какой еще выбор?! — рыкнул Масон, недовольно сдвинув брови. — Я же это не всерьез! Хотите создать прецедент? Да и какой толк давать ему выбор, если исход очевиден?!

— Это был бы хороший повод нанести ему личный визит, — словно размышляя вслух, ответил Луксор. Мгновение спустя он поднял взгляд и обратил его ко всем: — Но мне нужно, чтобы вы все поддержали эту идею. Ну, что скажете, братья, согласны ли вы сделать исключение для этого ученика?

Первым отозвался Зоркий, и в его неизменно спокойном голосе отчетливо зазвучали нотки уважения:

— Твой замысел, Луксор, — проявление истинного сострадания и мудрости. Я не могу не поддержать его.

Левиан согласно кивнул и уверенно произнес:

— Я многое почерпнул из твоего рассказа, брат. Мы должны стать для мальчика той опорой, которой у него нет. Так что я безусловно с тобой.

— Братья, — тихо вмешался в разговор Кристиан. — Ваше благородство достойно уважения. Но мне кажется, вы совсем не задумываетесь о том, что будет, если мальчику вдруг удастся пройти и второе Испытание?

Вопрос, словно камень, брошенный в воду, вызвал короткие, но единодушные круги ответов:

— Кто знает… — пожал плечами Левиан.

— Маловероятно, — ровно ответил Зоркий.

— Исключено! — с непоколебимой уверенностью заявил Масон.

— Невозможно, — прохрипел Игниус, по-прежнему оставаясь в тени.

Кристиан перевел взгляд на Луксора. Тот сидел, как безмолвный обелиск, словно стыдясь признаться в том, что думает. Лишь несколько долгих мгновений спустя, не глядя ни на кого, он тихо произнес:

— Для него будет лучше, если он все-таки сумеет остановиться.

Кристиан, попытавшись узнать мнение Старейшины, натолкнулся лишь на его отсутствующий, задумчивый взгляд. Казалось, старец уже давно не слышит разговора.

— Что ж, — произнес Кристиан, и в глубине его ясных глаз отразилось скептическое любопытство. — Когда-то я слышал от одного мудрого человека, что иногда милосердие заключается в том, чтобы позволить человеку самому дойти до рокового края. Честно говоря, лично я сомневаюсь, что твой план увенчается успехом. Но возражать не стану, ведь другого выхода, похоже, просто нет. Заодно все мы увидим, что он сделает, оказавшись перед этим самым краем.

Теперь, когда большинство одобрило предложение Луксора, взгляды всех обратились к Масону, который, словно неприступная башня, огородился от всего мира за скрещенными на груди могучими руками. Тот выдержал гордую паузу, а затем, сдержанно и чуть отстраненно, сказал:

— Мое мнение не изменилось. Я по-прежнему считаю, что, разрешив ему идти по этому пути, мы лишь усложним жизнь не только ему, но заодно и самим себе. А вся эта затея с выбором — пустое предприятие для наивных. Но… —

он шумно выдохнул, будто великодушно уступая младшим братьям с их полными искр глазами, — если вы все так жаждете проблем — я со своим невежеством мешать не стану.

Луксор благодарно положил ладонь на его плечо, огромное, словно голова быка, и повернулся к брату, скрытому в тени.

— Игниус? Что скажешь?

— За, — прохрипел тот. — Попытаемся спасти. От себя.

Кивнув, Луксор тихо, но с твердостью, подвел окончательный итог:

— Тогда решено. Кем бы он ни считал себя на словах, глубоко внутри он верит в свой успех.

— Как и многие до него, — с тихой болью в голосе вставил Левиан. — Но в конце концов от их веры не остается и следа.

— Да. И рано или поздно с ним случится то же. Но его вера и мечта не должны исчезнуть в одночасье. Нет, братья, — чуть громче произнес Луксор. — Не для того мы строим новый мир, чтобы лишать в нем людей права на счастье. И пусть пока я не могу найти нужных слов и верных действий, знаю одно: времени у нас до второго Испытания — один год.

— Отлично, — проворчал Масон. — Целых триста шестьдесят пять дней заседаний, чтобы решить, как уговорить мальчишку и заманить его на другую ветвь…

В Зале Совета повисло молчание, нарушаемое лишь мерным потрескиванием огня в жаровнях. Затем раздалось несколько осторожных предложений, каждое из которых с

легкостью разбивалось о доводы в пользу мальчика. Разговор затягивался, мысль теряла остроту, пока Игниус, с трудом сдержав зевок, не пробурчал с усталым вздохом:

— Может… Чем-то напугать?

— Чем? — усмехнулся Кристиан. — Дом ему поджечь?

И вдруг раздался спокойный голос, полный неожиданного одобрения:

— Хм. А ведь это — разумная мысль.

Зал мгновенно стих, и взгляды всех устремились к Старейшине. Тот, сцепив пальцы перед собой, наблюдал за ними с привычной теплотой в золотых глазах.

— Я, разумеется, не имею в виду поджог, — уточнил он, заметив их удивленные лица.

— Вы нашли решение? — с надеждой в голосе спросил Луксор.

— Возможно, — с едва заметной улыбкой ответил мудрец. — После долгих размышлений мне, кажется, удалось нащупать несколько стоящих идей. Однако я хотел бы доработать их более детально. А пока… думаю, что в мысли Игниуса есть здравое зерно.

— Серьезно? — спросил Игниус, удивленный сильнее всех присутствующих.

— О да, мой мальчик. И раз уж мы всерьез заговорили о плане, то именно тебя я попрошу стать его первой буквой. Ты прав: юношу ведет слепая мечта. Именно поэтому ему жизненно необходимо услышать историю прозрения… ска-

жем так — из первых уст.

— Я? Воспитывать? — не поверил Игниус. — Не смогу. Нагрублю… Или… Напугаю. До смерти!

Старейшина медленно кивнул:

— Страх — это не наш метод. Но порой в нем скрыто больше силы, чем в тысяче речей. Именно эту силу ты и должен передать.

Единственный глаз Игниуса заметался по Залу, выискивая хоть какую-то спасительную поддержку. Однако в каждом лице, на которое падал его отчаянный взгляд, он встречал лишь молчаливое одобрение.

— Нет, — коротко отрезал он, сильнее вжимаясь в спинку трона. Его тяжелый капюшон сполз ниже, и густая тень окончательно поглотила его лицо, оставив видимым лишь одинокое пламя лавового глаза.

— Сын мой, — мягко, но настойчиво произнес старец. — Я предложил ввести тебя в Совет, потому что больше не мог смотреть, как твое собственное горе разъедает тебя изнутри. Я верю: помогая другим, ты найдешь исцеление и для себя. Но пока… — он чуть строже всмотрелся в Игниуса, будто тьма, что его окружала, не была ему помехой, — пока я не вижу в тебе ни стремления, ни попыток что-то изменить.

— Предупреждал. Не выйдет… — глухо отозвался Игниус, но Старейшина, словно не замечая его слов, почти торжественно произнес:

— Вот тебе первое поручение от Совета. Прояви состра-

дание к мальчику и поговори с ним. Не как наставник, а как человек, который, как никто другой, знает, что значит не отступать. Да, это нелегко. Но приносить пользу обществу никогда не было легким делом.

— Ты справишься, брат, — уверенно поддержал Луксор с усталой, но искренней улыбкой.

— Да, пожалей парня… — добавил Масон, расправляя плечи и хрустя суставами, будто грозясь лично взяться за дело. — Иначе я пойду к нему сам.

— Я просто… Не знаю... Что сказать… — растерянно признался Игниус, опуская обмотанную бинтами голову.

— Уверен, ты сможешь сказать… — многозначительно произнес Старейшина, — или даже *показать* ему нечто такое, отчего его будет угрозами не затащить на этот путь.

Ответа не последовало. Свечи на столе догорали одна за другой, словно устав ждать, но Игниус все медлил. Наконец он тяжело, обреченно вздохнул и, будто выдавливая каждое слово, пробормотал:

— Ладно. Постараюсь. Вежливо. И без огня…

— Да будет так, — произнес Старейшина, словно ставя печать на решении в конце долгого, тяжелого дня.

Но Игниус вдруг поднял голову, и в голосе его вновь прорезался жар:

— А что, если… Несмотря на все. Выкажет упрямство?

— Тогда будем следовать плану, — безрадостно отозвался Луксор, опустив глаза.

— Что если. Не свернет?

— Тогда дадим шанс проявить себя на втором Испытании, — спокойно промолвил Левиан.

— Что если. Чудом пройдет и его?

— Тогда я съем свой кушак на завтрак, — невозмутимо буркнул Масон.

Игниус медленно опустил взгляд, и в голосе его прозвучала беспросветная обреченность:

— Ну а что если. Продержится пару лет… А потом… Все равно помрет?

В Зале снова, в который уже раз за этот бесконечный вечер повисла долгая, гнетущая тишина. Пламя последней свечи дрогнуло, отбросив зыбкие тени на застывшие лица Совета, и в этот момент яркие глаза Зоркого вспыхнули сквозь полутьму.

— Тогда, — пугающе спокойным голосом ответил он, — Дух мальчика обретет то, чего не мог обрести при жизни. Покой.

Глава 6. Призрак будущего

— Молодой человек… кхе-кхе… молодой человек!

Голос долетал будто сквозь толщу воды. Он жалобно простонал и, даже не думая открывать глаз, попытался снова погрузиться в дрему, притупляющую боль.

— Прошу вас, проснитесь на минуту. Мне нужно вас осмотреть, — повторил голос чуть настойчивее, но все с той же заботой.

Он с огромным трудом приоткрыл веки и увидел врача — высокого, худощавого мужчину средних лет в светлой рубашке с закатанными до локтей рукавами и в круглых очках, в стеклах которых отражался тусклый свет настольной лампы. Его взгляд, внимательный и полный добродушия, казался почти неуместным в этой серой, угрюмой комнате.

— Можешь не вставать, — сказал врач, придвигая к кровати табурет и усаживаясь на него. — Я только хочу убедиться, что ваше легендарное Испытание не оставило после себя ничего лишнего.

Мужчина бегло скользнул профессиональным взглядом по пациенту. Тот выглядел так, словно его вытащили из-под завалов рухнувшего дома: левая рука, туго закованная в гипс, покоилась на груди, а почти все остальное исхудалое тело, до самого подбородка, было обмотано бесчисленными слоями бинтов и повязок.

Послышался сочувственный вздох, и доктор принялся за осмотр. Его длинные пальцы осторожно касались мышц и суставов, будто настраивая бесценный, но сильно поврежденный музыкальный инструмент. Его лицо при этом комично менялось: то выглядело глубоко встревоженным, то нарочито серьезным, а то и вовсе с преувеличенным ужасом. Мальчик, наблюдая за этой немой пантомимой, несмотря на разлитую по всему телу боль и чудовищную усталость, не смог сдержать улыбку. Закончив, доктор с легкой, ободряющей усмешкой произнес:

— Ну что ж, дорогой, рецепт прост: отдых, еда и сон. И не забывай про мази.

Мальчик выдавил тихое «угу». Затем, будто пробиваясь из глубины его упрямства, наружу вырвался шепот:

— А когда я смогу вернуться к тренировкам?

Доктор изумленно приподнял брови, откинулся назад, держась руками за колено, и протянул:

— О-о-о… Об этом, дружочек, тебе пока рано думать. Твоя бедная рука и без того натерпелась. И не только она.

— И все же... когда?

На лице мужчины появилась едва заметная, чуть натянутая улыбка.

— Этого не скажут даже звезды. Ушибы заживут за пару недель, кость срастется за месяц, может, чуть дольше. А вот связки капризны. На их полное восстановление может уйти от трех месяцев до полугода.

— Значит, все лето пропало… — выдохнул он с такой горечью, что доктор театрально всплеснул руками и хлопнул себя по коленкам.

— Ах, ну что за мрачные мысли! Гуляй, отдыхай, набирайся сил — никуда твои тренировки не денутся! И помни: отдых нужен не только телу, но и уму. — Он мягко коснулся кончиком пальца его лба, словно ставя точку в разговоре, затем прихватил свою сумку и направился к двери. — Ну все, мне пора. Поправляйся как можно скорее.

— Спасибо… — едва слышно выдохнул он, провожая фигуру мужчины усталым, благодарным и очень огорченным взглядом.

***

Поскрипывая половицами лестницы, доктор спустился в просторную прихожую, где его уже ждала мама мальчика. Прямая осанка, чуть приподнятый подбородок выдавали в ней привычку держать себя в руках, и все же ее глаза цвета пасмурного неба не могли скрыть тревогу. Едва она собралась задать вопрос о здоровье сына, как вдруг раздался робкий, неровный стук в парадную дверь. Хозяйка, не ожидавшая гостей, чуть помедлила, извиняюще улыбнулась врачу и только затем направилась к входу.

На пороге, освещенный скудным утренним светом, стоял человек в темно-алом плаще, лицо которого полностью скрывали бинты и капюшон. Незнакомец вежливо поклонился. Хозяйка ответила сдержанной взаимностью и, без ма-

лейших признаков радушия, словно по привычной протокольной формуле, произнесла:

— Кто ты и с какой целью пожаловал в мой дом?

— Простите, — произнес гость хриплым, неприятным голосом. — Игниус. Сестра Лаура?

Женщина провела взглядом по темно-алому, слегка запыленному плащу.

— Да, это я. Игниус… припоминаю. Ты ведь недавно стал новым членом малого Совета, что курирует ветвь… Энергии.

Последнее слово прозвучало с едва сдержанной неприязнью. В воздухе мгновенно повисло напряжение, и Игниус, словно стараясь не дать ему перерасти в нечто большее, перевел глаз на стоящего поодаль врача:

— Как. Мальчик?

Доктор спустился с последних ступенек лестницы, поправил пальцем очки и заговорил спокойным, профессионально-ровным голосом:

— Глубокое нервное и физическое истощение. Его организм за эти дни перенес колоссальную нагрузку. В настоящий момент он не способен ни к какому физическому усилию. Но — и это самое главное — он жив, и никаких критических повреждений обнаружено не было.

— Помотало, — коротко подытожил Игниус.

Доктор кивнул и с удовлетворением добавил:

— Очень рад, что в этом году никто не погиб. Надеюсь, так будет и впредь. А теперь, если вопросов ко мне больше нет, мне пора к другим пациентам. Будьте здоровы.

— Благодарю, — сдержанно, но искренне улыбнулась Лаура.

Миновав ее и Игниуса, доктор вышел за дверь. Когда его быстрые шаги стихли, Лаура повернулась к незваному гостю и демонстративно скрестила руки на груди.

— Игниус, — холодно и настороженно произнесла она. — Так для чего ты здесь?

— Сообщить решение. Совета, — ответил он, без малей-

шего энтузиазма.

— И ты пришел сообщить его решение лично? — с сомнением нахмурилась Лаура. — Разве вы не оповещаете об этом письмом?

— Сегодня — лично.

Пальцы Лауры едва заметно сжали ткань строгого платья-рубахи. Ее голос стал тише, но прозвучал как последнее слово матери, заслоняющей свое дитя от смертельной опасности:

— Что ж. В таком случае, передай Совету, что я выслушала его решение. И передай мое: сын не будет включен в эту проклятую ветвь.

Слова повисли в воздухе прихожей, и Игниус в ту же секунду вспомнил предупреждение Луксора о том, что родители мальчика относятся к ветви Силы с глубокой неприязнью. Однако он не ожидал, что ему придется столкнуться с такой неприкрытой враждебностью.

— Этот путь. Необходим, — прохрипел он то, что знал с самого детства, и тут же столкнулся с презрительным взглядом Лауры.

— Мне нет дела до вашей «необходимости», — сдавленно проговорила она. — Меня волнует только жизнь моего сына. Ты слышал, что сказал доктор: у него слабое здоровье. Он не выдержит ваших «игр в героев»!

Игниус попытался вложить в свои слова утешение и признание силы духа мальчика, однако сломанный голос, ли-

шенный живых интонаций, не всегда позволял придавать ему нужную окраску. И вместо поддержки и понимания прозвучала лишь бездушная отрешенность:

— Он выдержал. Более сильные — нет.

Глаза Лауры вспыхнули так, что даже огонь в глазу Игниуса показался ему жалкой искрой:

— Вы приходите в дома, забираете детей, учите их тому, что рано или поздно приведет к гибели — и называете это «путем»?!

— Не так, — попытался оправдаться Игниус, но голос вновь подвел его, прозвучав слишком резко и грубо. — Совет пытался прекратить. Жители решили иначе.

— Если они готовы жертвовать своими детьми — это их дело! Но я не позволю сделать то же с моим сыном!

Игниус почувствовал, как этот разговор превращается в пропасть, в которую можно только упасть, и поспешно произнес:

— Я пришел… Не забрать. Отговорить.

Лаура замерла, и на ее лице проступило растерянное удивление. Игниус, пользуясь замешательством, шагнул к лестнице, ведущей на второй этаж.

— Но… подожди, — опомнившись, окликнула его Лаура. — Что значит «отговорить»? Разве решения принимает не Совет?

Игниус, положив руку на деревянные перила, остановился и повернул голову. В полумраке его зрачок сверкнул той

самой искрой, что пугала людей, после чего он, не разделяя сказанного, произнес — на этот раз намеренно бесстрастно:

— Совет решил. Мальчику — самому выбирать. Свой путь.

Не дожидаясь ответа, он зашагал вверх, ощущая на своей спине давление абсолютного, безмолвного презрения.

***

Дверь тихо скрипнула, и он, очнувшись, приоткрыл глаза. Сначала ему почудилось, что за образовавшейся щелью парит огненный круг, но когда дверь раскрылась шире, в комнату шагнул человек в плаще, цвет которого напоминал запекшуюся кровь. В тусклом, сероватом свете мансарды, где день всегда походил на сумерки, незваный гость выглядел самым настоящим порождением детского кошмара.

Остановившись посреди комнаты, капюшон «кошмара» плавно повернулся: сначала влево, потом вправо, словно отмечая каждую деталь. Вдоль левой стены стояла одноместная кровать, которая упиралась в шкаф, из распахнутой дверцы которого небрежная куча одежды чуть ли не вываливалась на пол. Под центральным окном, выходящим на стволы деревьев, стоял крепкий сундук, а под правым — письменный стол с наклоненной столешницей, над которой на полке в полнейшем беспорядке громоздились книги.

На столе Игниус задержал взгляд чуть дольше. Среди листков, разрисованных неумелой детской рукой, угадывались очертания Предела и разноцветные плащи членов Со-

вета. На одном из рисунков ребенок, улыбка которого была натянута до ушей, стоял рядом с яйцеголовой фигурой в белом плаще.

Из груди вырвался тихий, почти недовольный выдох: Игниус вдруг понял, что его задача внезапно стала еще тяжелее. Затем его красный глаз медленно скользнул к ребенку, затаившемуся от страха.

— Подражаешь? — попытался пошутить Игниус, кивнув на бинты и повязки, но хриплый голос прозвучал почти как угроза. — Я бы улыбнулся… Но ты не заметишь. Приветствую, брат. Я — Игниус.

— И… Игниус? — робко, почти шепотом, переспросил он.

— Присяду? — спросил гость.

Он не ответил — лишь молча таращился во все глаза, разглядывая члена Совета, с которым не был знаком лично. Игниуса можно было заметить в городе среди братьев, но лишь изредка и исключительно на важных мероприятиях. Несмотря на его нелюдимость, жители относились к нему с уважением, а дети — то ли дрожали от страха, то ли тайно восхищались, видя в нем живую загадку, вышедшую из страшных сказок. И вот теперь этот почти мифический человек оказался здесь, в его захламленной комнатушке, окутанный ореолом зловещей тайны, от которой по коже невольно пробегал холодок.

Поняв, что ответа не дождаться, Игниус подобрал края плаща и присел на кровать, прислонившись затылком к стене. Не глядя на ученика, он сразу перешел к делу:

— Поздравляю. Ты выжил.

— Это было… легко, — выдохнул ученик, чувствуя, как волнение постепенно отпускает хватку.

— Совет отметил упорство. И волю. Но беспокоит здоровье. Дальше — сложнее.

Лицо мальчика, и без того бледное и изнуренное, исказилось гримасой почти страдальческой боли. В ту же секунду ему стало ясно, зачем пришел Игниус — чтобы вынести приговор, который навсегда лишит его единственной мечты.

Сердце болезненно сжалось, но неожиданно раздалось короткое, резкое:

— Решай. Сам.

Он недоуменно замер.

— Что?.. То есть… ЧТО-О-О?!

— Я за ответом. Но сперва…

— Да! Конечно, да! — выкрикнул он, мгновенно позабыв о всякой боли. — Я только об этом и мечтаю!

— Но… — хрипло осадил его Игниус. — Сперва — послушаешь. Внимательно.

В комнате повисла тишина. Игниус сделал паузу, давая юноше прочувствовать серьезность момента, а затем, глубоко вобрав воздух в легкие, начал:

— Значит так. Выбор серьезный. Вопрос жизни и…

Он повернул скрытую капюшоном голову — и осекся: мальчик, весь сияя изнутри, едва сдерживал распирающий его щенячий восторг.

Игниус раздраженно, с хрипом, выдохнул:

— Кажется. Совсем не осознаешь.

— У меня есть мечта! И я давно все решил! — не сдержавшись, воскликнул он, но член Совета коротким, властным движением поднял ладонь перед его лицом. Широкий рукав плаща соскользнул вниз, обнажив перебинтованную кисть, на которой два пальца были заметно короче, чем им полагалось от природы. Одного взгляда на этот жуткий, молчаливый аргумент хватило, чтобы радость мгновенно засты-

ла где-то в горле.

— Мечтаешь. Но не думаешь, — произнес Игниус и тут же ткнул двумя пальцами прямо ему в лоб. — Не перебивай.

Он поджал губы, но возражать не стал. Добившись наконец нужного настроя, Игниус снова прислонился головой к стене и медленно заговорил, выцеживая слова, будто каждое давалось ему с трудом — и не только из-за поврежденных связок:

— Жизнь сложна. Сперва кажется, мы хозяева. Но это не так. Мы — пленники. Своих тел. Обстоятельств. Своей… Природы. — Член Совета поднял глаз к потолку, словно видел там нечто, недоступное большинству. — И если. Ты противишься своей судьбе. Наказание не заставит ждать. Как ни старайся. Как ни мечтай…

Услышав эти мрачные, безнадежные слова, он демонстративно отвернулся к окну, скрестив руки на груди. Игниус заметил это, но продолжил:

— Я тоже когда-то мечтал. Тоже верил, что смогу все. Но жизнь объяснила главное. Нужно знать свой предел. И тебе. Лучше понять это прямо сейчас.

— Понять?.. — фыркнул он. — Знаю я, что я должен «понять». Что я слабак, что мне ничего не дано и что мой выбор не соответствует… «природе»! Можешь не продолжать… Я слышу это каждый день — от своих родителей!

Игниус не шелохнулся. Его единственный глаз был устремлен на мальчика, в голосе которого сквозила обида,

бессилие и недовольство — чувства, слишком хорошо знакомые ему самому.

— Ты враждебен. Но я хочу помочь. Знаешь, цель Аретe... Найти предрасположенность, задатки. Тело — из органов. Каждый со своей функцией. Так и общество. Когда человек не на своем месте. Начинается хаос. Во всем. — Он с усилием сглотнул и, чуть тише, но весомее добавил: — Поэтому, ради блага. Своего и всех. Задумайся. Ощущаешь ли ты. Что путь Энергии — твое предназначение?

Игниус замолчал, позволяя ученику ответить. Но тишина затягивалась — тот лишь сидел, сжав кулак и крепко стиснув губы.

— Предназначение?.. — наконец выдавил он сквозь зубы. — Нет у меня никакого предназначения! Как и способностей. Природа ничего мне не дала. — Он тяжело вздохнул. Взгляд его стал жестче, а голос — тише. — Тебе легко говорить… Судьба, предназначение… Но что ты знаешь о *моей* судьбе?! Ты не представляешь, каково это — жаждать чего-то всем сердцем и понимать, что у тебя нет ни капли таланта! Каково это — подниматься снова и снова… и каждый раз падать лицом в грязь!

Он умолк, не в силах продолжать: вся горечь и унижение последних лет застряли комом в горле. Комната погрузилась в вязкую, почти осязаемую тишину. Серый свет, пробивавшийся из окна, касался медленно кружащихся пылинок — будто единственных живых существ в мертвом про-

странстве.

Он сидел, обхватив колени, словно пытаясь хоть как-то согреться в этом равнодушном мире. Игниус же опустил голову так низко, что со стороны походил на безликий плащ, забытый кем-то на ржавом крючке. Вдруг член Совета нерешительно поднял руку и засунул ее под капюшон. Его движения стали странными, будто он массировал себе лицо, стараясь унять усталость или боль.

— Сказал же… — донесся наконец глухой голос из-под плотной ткани. — Я знаю. Мечта и неправильный выбор… Игра с огнем.

На мгновение Игниус замер, словно в последний раз колеблясь перед неизбежным. А затем одним резким, решительным движением скинул капюшон с головы. Мальчик вскинул на него глаза — и сердце его мгновенно застыло в ледяных оковах ужаса.

То, что открылось взгляду, уже невозможно было назвать человеческим лицом. Там, где должны были быть губы, торчали рваные обрывки коричневой плоти, уродливо очерчивавшие линию рта. Носа не было вовсе. Лишь два узких отверстия придавали лицу сходство с костяной маской, обтянутой грязно-серым, обугленным слоем кожи. Ресницы и брови отсутствовали, а вся область правой глазницы была наглухо затянута пленкой омертвевшей ткани. Все, что уцелело на его лице, — лишь левый глаз, радужка которого пылала ярко-огненным кольцом.

Он инстинктивно отклонился назад, уткнувшись головой в стену, но все равно не мог оторвать взгляда от того, во что его превратила Сила. Желудок сжался в тугой, тошнотворный узел, и это тотчас отразилось на его побелевшем лице гримасой отвращения.

Когда Игниус снова натянул капюшон, скрыв обожженную плоть и жалкие остатки волос, тишина так и осталась ненарушенной. Страх сделал свое дело, намертво впечатавшись в память мальчика.

— П-п-при чем тут в-выбор? — едва выдавил он, приходя в себя после потрясения.

Игниус снова прислонил голову к стене. Его хриплый, но отчетливый голос прорезал воздух, словно скрип ржавых петель, вплетенный в ткань его жутких воспоминаний:

— Раньше… все иначе. Я не о лице. О пути. Знаний мало, но я был неплох. Всего лишь… лучшим. Не боялся показывать зубы судьбе. Хотел быть первым. Самым молодым, кто обретет Природу. Жизнь стала гонкой. Даже когда заметил, что аура жжет… Не остановился.

Игниус ненадолго прервался, устремив взор в окно, за которым ветер трепал серые листья. Затем сунул руку во внутренний карман плаща, достал потертый коробок и извлек длинную спичку.

— Говорят: Сила — отражение человека.

Член Совета чиркнул спичкой, и серость комнаты на миг

вздрогнула от рыжего света. Игниус медленно поднял свободную руку, и язычок огня, послушный, словно дрессированный зверек, скользнул к его пальцам.

Он, несмотря на пережитый ужас, при виде чуда испытал благоговейный трепет. Но Игниус, тем же хриплым, тоскливым голосом, продолжил:

— Когда заметили ожоги. Запретили практиковаться. Думаешь, послушал? Упрямец, как ты. И поплатился… Помню тот день. Мой первый раз... Собрались братья, сестры. Захотел блеснуть. Показать, чего достиг. Сперва — восторг, эйфория. Солнце в руках… Потом жар. Прожигающий кости.

Плечи Игниуса опустились, словно под тяжестью жестокой судьбы. Взмахом руки он затушил спичку, затем зажег новую — и огонь снова ожил на тонкой древесине между его пальцами.

— Когда очнулся. Бинты и страшная боль. Рядом сидел член Совета. Пришел, как я к тебе. С одним отличием. Тебя — предупредить. Меня — поставить перед фактом. — Он пристально уставился на огонь — не как на источник света, а как на самого заклятого врага всей своей жизни. — Левиан не смог. Сказать без слез. Что я — сгорел… Как спичка. И что если хочу жить… Больше нельзя пытаться.

Игниус резко сжал ладонь в кулак — пламя вспыхнуло и тут же погасло, бесследно сожрав деревяшку дотла. Затем бессильно опустил руки вдоль тела и с болью прошептал:

— Вот только… Такая жизнь. Мне была не нужна…

— Ну что… Знаю ли. Какого́ не достичь мечты? Или, в одно мгновение. Лишиться всего?

Игниус перевел взгляд на мальчика, замершего в оцепенении. И он, едва встретившись с глазом, полным мрачного, выстраданного знания, словно увидел все сам: пламя, дым, крики и опаленную жизнь. Осознав, как глубоко заблуждался, он виновато опустил голову, пряча глаза.

— Урок для тебя, — глухо произнес брат, будто подводя черту под выжженной страницей. — Для всех. Не играй с огнем. Не обожжешься.

Игниус видел, что он все еще не может прийти в себя — и понял: настало время добавить в эту чашу последнюю, самую горькую каплю.

— Жизнь без Энергии проще. Не становись, как я. Ты ведь понимаешь… Шансов нет. Будешь пытаться — погибнешь. Или останешься… наполовину мертвым.

Сердце мальчика сжалось от невыносимой боли.

— Нет… — выдохнул он едва слышно. — Должен быть другой вариант… хороший…

Игниус, услышав эту отчаянную мольбу, медленно кивнул.

— Он есть. Другой путь. Другая ветвь. Там будешь. На своем месте.

Но он лишь покачал головой, словно не в силах поверить ни единому слову.

— Если все будет так, как ты говоришь… почему Совет не вынес решение сам? Зачем оставлять выбор мне?

— Потому что знаем. Ты не послушаешь. Будешь учиться втайне.

— Так и будет! — вдруг с жаром выпалил он. — И у меня все получится!

Игниус посмотрел на него тяжелым взглядом, в котором смешались усталость и едва сдерживаемая ярость.

— Хорошо слушал? Хочешь стать новым примером? Ходить к упрямым в паре со мной?!

Он опустил глаза. Внутри все невыносимо кипело. Ему было противно. Противно, что Игниус, как и эта серая, душная комната, будто давит на грудь, не давая дышать. Противно, что страх сковывал его по рукам и ногам, как липкая паутина. Но сильнее всего было противно от унизительной мысли, что он — единственный на всем Острове, кому говорят такое.

И все же, собрав в кулак остатки воли, он глубоко вдохнул и с какой-то твердой, обреченной решимостью произнес:

— Я не могу отказаться. Мое место — в Пределе.

Обожженные обрывки губ Игниуса дрогнули в бессильной злости. Его глаз, казалось, раскалился еще сильнее:

— Слова ребенка, — бросил он, сжимая кулаки. — Пройдут годы, и ты забудешь. Поймешь, как был глуп. Говоря такое!

— Ничего я не забуду! — с обидой огрызнулся он. —

Только там у меня есть шанс что-то изменить!

— Жизнь в Пределе — это мука! — прорычал Игниус, надрывая связки. — Кровь и пот, день за днем! Ты можешь быть кем угодно! Ученым. Художником. Мастером любого дела!

— Но я не хочу быть ни тем, ни другим! Я хочу быть, как Луксор!

Воздух в комнате вдруг накалился. В следующий момент Игниус, сжигаемый яростью от упрямства юнца, не выдержал и взорвался:

— Глупец! Упрямец! Что нужно, чтобы ПОНЯЛ?!

На одно короткое мгновение в комнате воцарилась тишина. Он медленно поднял на Игниуса глаза, в которых горела возмущенная искра.

— Ну а ты… — процедил он, едва дыша. — Самый злой человек — на всем острове!

Их взгляды скрестились, как два непримиримых пламени — одно яркое и упрямое, другое уставшее, но все еще живое. Казалось, что воздух между ними вот-вот вспыхнет, но Игниус вдруг тяжело выдохнул и отвернулся к окну. Он же сжал здоровую руку на плече, словно пытаясь удержать мечту, которую никому не позволит отнять.

Тишина тянулась бесконечно, как вязкий туман. Наконец, словно обессилев в этой бессмысленной борьбе, Игниус уныло произнес:

— Имел в виду… Как я. Глупец… Как я.

Он упорно молчал, но взгляд его медленно скользнул по комнате и снова, вопреки воле, устремился на члена Совета. Кожа на лице Игниуса, насколько ее можно было разглядеть из-под капюшона, как-то странно напряглась — будто он пытался изобразить на своем изуродованном лице подобие улыбки. Зрелище это все так же навевало тошноту, но он, сам того не замечая, уже научился не обращать на это внимания.

Осознав нелепость собственного жеста, Игниус резко отвернулся — и вдруг услышал тихий шепот:

— Злой… имел в виду… Злой, как я…

Игниус коротко выдохнул. Некоторое время он молчал, а потом глухо, но уже заметно мягче, произнес:

— Дело в предках? Вот почему… Не можешь отступить? Но даю слово. Подниму вопрос. Мы заберем. Найдем другой...

— Это неважно, — вдруг тихо перебил он. Морщась от боли, он медленно сел на край кровати, и голова его низко склонилась, словно ветви ивы под дождем. — Вы можете забрать меня отсюда, но вы не сможете забрать мои мысли, не сможете изменить мою слабость и не сможете подарить мне силу… Где бы я ни был — я все равно останусь собой. Слабым. Немощным... Другим. И я не смогу жить, если не изменю этого. Если не прикоснусь к мечте хотя бы кончиком пальца. Поэтому, можно сказать…

…у меня нет выбора.

Игниус не сводил с него пристального взгляда. Лицо оставалось мрачным и неподвижным, но в глубине глаза промелькнуло что-то человеческое.

— Готов потерять жизнь? — почти с сожалением спросил член Совета, уже без прежнего давления.

Ответа не последовало, но молчание было красноречивее слов.

— А внешность?

Он крепко зажмурился, будто пытаясь укрыться от призрака возможного будущего. Но тот все равно стоял перед внутренним взором.

— Я сделаю все, что смогу, — наконец выдохнул он. — Ведь тому, кто идет к своей мечте, остается только пытаться. И никогда не сдаваться.

— Что ж… — тихо сказал Игниус. — Если я не смог. Сможет только судьба… Не угрожаю — предупреждаю. Готовься к худшему, брат.

Он хотел что-то ответить, но сил уже не осталось. И вдруг почувствовал, как на плечо осторожно легла рука — легкая, худая, но с ощутимой силой принятия и поддержки. Он медленно поднял голову и встретился с лицом Игниуса. За обожженной кожей, за выжженными следами судьбы, за искривленными чертами проступал глаз — усталый, но полыхающий тихим, сдержанным светом. И тогда он отчетливо понял: ничто не роднит людей сильнее, чем общая, выстраданн-

ная боль.

— Спасибо, брат… — прошептал он с горькой, но светлой улыбкой. — Спасибо, что попытался.

Игниус чуть заметно кивнул и больше не проронил ни слова. В этом больше не было нужды.

Глава 7. Между небом и землей

— Жуть… просто жуть… — пробормотал Рикс, морщась так, будто сам только что сунул пальцы в раскаленные угли. — Я сразу понял, что у него что-то с лицом, но чтобы настолько…

Спустя пару дней, когда боль немного отпустила, они с Риксом наконец-то выбрались из своих постелей на свежий воздух. Сейчас ребята неторопливо спускались по пологому склону к городу, наслаждаясь долгожданными минутами отдыха после тяжелого Испытания. Мышцы еще ныли, ноги гудели, но на фоне ясного неба, теплого ветра и запаха соли, смешанного с ароматом степных трав это казалось уже неважным.

— До его рассказа я думал, что все эти истории про опасности Энергии — просто страшилки для первогодок, — признался он, глядя на гладь бухты, где по воде скользили парусные лодки и катамараны, казавшиеся с холма игрушечными. — Но слышать об этом и увидеть перед собой живой пример — совсем не одно и то же.

— И все же, несмотря на это, ты сделал выбор в пользу этого пути, — усмехнулся Рикс.

— Я говорил: у меня нет другого выхода. Свой дом получу еще не скоро, а к тому моменту мои родители уже сведут меня с ума!

— Ах да, кстати. Как они отреагировали на эту новость?

— О-о-о, еще как! Такое мне устроили… даже вспоминать не хочу…

Рикс сочувственно улыбнулся:

— Ну, по крайней мере, ты жив — уже неплохо. Ладно, не будем о грустном. Теперь у тебя есть еще одна возможность доказать, что ты пригоден.

Слова попали в точку: его глаза вспыхнули, будто в них зажгли факел.

— До сих пор не могу поверить, что мы прошли! — воскликнул он воодушевленно. — Теперь внутри такая легкость! Рикс, ты только представь: я стал на шаг ближе к ветви Энергии!

— Меня больше поражает то, — хмыкнул Рикс, — что ты сам себя туда зачислил! Немыслимо — ученику дали возможность выбирать!

Эти слова упали на раскаленную радость холодным дождем.

«Опять у меня все не так, как у других…» — с горечью подумал он. — *«Ведь выбор дали не в награду… а из жалости».*

Он тихо вздохнул, понурив плечи, но едва прошло мгновение — снова выпрямился и улыбнулся:

— Ну и ладно! Главное, что я получил свой шанс — пусть и особенный, но шанс. И я буду тренироваться в сто раз усерднее, чтобы его не упустить!

Рикс взглянул на него, усмехнулся и хлопнул по спине со словами:

— С таким упорством, брат, ты либо станешь легендой… либо обуглишься, как Игниус.

Он криво улыбнулся, а затем, понизив голос, вдруг сказал:

— Знаешь… я все семь дней хотел тебя поблагодарить. Да только пытаясь выжить и сберечь хоть каплю сил, так и не успел. — Рикс удивленно прищурился, и он продолжил, чуть смущенно: — Я ведь не такой крепкий, как, например, Максимус. Он-то все Испытание прошел один. А я… если честно… справился только потому, что мы держались вместе. Если бы не ты, я бы так и остался в той расщелине с водоворотом.

— Да брось, — отмахнулся Рикс, кисло усмехнувшись, словно стесняясь того, что и его силы были далеки от геройских. — Я в той же степени благодарен и тебе.

— И еще… несмотря на все травмы, нам с тобой невероятно повезло.

— О, несомненно… — с преувеличенной серьезностью сказал Рикс. — Только помоги мне вспомнить хоть один случай, когда нам, по-твоему, «повезло».

— Ну как же… — почесал он макушку, бегая глазами по траве. — Взять хотя бы ту ночь в лесу, когда нас кто-то разбудил…

— Ты хотел сказать — *не сожрал.*

— Неважно. Главное, что если бы не это, к пляжу мы до-

брались бы слишком рано. Тогда бы мы не смогли нормально отдохнуть, да еще пришлось бы идти в ночь… Проклятье! — выпалил он свою «коронную», как считали сверстники, фразу, смысл которой не понимал даже он сам. — Я еле успел!

Рикс беззвучно рассмеялся, глядя на друга, распаленного собственным монологом, хотя при одном воспоминании о тех днях по спине пробегали холодные мурашки.

— Пожалуй, ты прав. Без удачи не обошлось… Но не забывай: через год нас ждет второе Испытание. Если не пройдем, нас распределят по другим ветвям, и тогда все, что мы выстрадали за эти семь дней, пойдет псу под хвост.

— Именно! Поэтому мы должны тренироваться еще усерднее!

— Удачи, — с сарказмом отозвался Рикс. — А я лучше буду еще усерднее *отдыхать*. Для баланса, понимаешь ли.

Он бросил на друга хмурый взгляд:

— То есть… ты решил покинуть эту ветвь?

Рикс не ответил сразу. Улыбка все еще играла на его губах, но в глазах отразилось сомнение.

— Знаешь, ты получил самое страшное предупреждение, какое только можно получить. Я уже понял, что ты решил его проигнорировать, но вот мне моя жизнь все-таки дорога. Да и, честно говоря, не вижу смысла напрягаться. Второе Испытание я все равно не осилю.

— М-м… жаль… — тихо ответил он с искренним сожалением.

— И все же, — хитро прищурился Рикс, — я пока в деле!

— Что?.. Если ты знаешь, что у тебя не получится, зачем тратить целый год на тренировки, где тебя будут гонять до седьмого пота?

— Есть пара причин… — загадочно произнес товарищ. — Очень веских, мой друг.

— Дай-ка угадаю… хотя нет, не угадаю. Вряд ли, чтобы просто поддержать меня.

— Эх ты, совсем жизни не знаешь! — рассмеялся Рикс. Он вдруг шагнул ближе, закинул руку ему на плечо и с лукавой усмешкой сказал: — Ты ведь понимаешь, что не только ты восхищаешься ветвью Силы?

— Конечно… Она всем нравится…

— Вот именно! Но меня интересует лишь *часть* этих всех.

— Да… да о чем ты говоришь?! Какая еще часть?..

Рикс выдержал драматическую паузу, прищурился и торжественно изрек:

— Девчонки, мой друг! Девчонки! Не знаю почему, но они с ума сходят, когда видят парней с этого пути!

Он моргнул, не веря своим ушам, и вдруг рассмеялся. Но, взглянув в мечтательные глаза друга, смех оборвался.

— Подожди… Ты серьезно?..

Так, перебрасываясь то глубокими, то шутливыми фразами, они добрались до города. Широкая восточная улица тянулась между домами с резными ставнями и ароматными

кустами роз, гудевшими от пчелиного труда. На центральной площади их встретил звон воды: посреди каменных плит возвышался фонтан в форме звезды — шедевр талантливого мастера, имя которого знал каждый на острове.

Площадь, как и всегда, жила своим привычным ритмом. Жители спешили по делам, неся корзины, инструменты, книги; старики увлеченно читали газеты, сидя на скамьях; беззаботные дети плескались у фонтана, а студенты с ветви Искусства, то и дело вскидывая взгляды на изящные фасады зданий, быстрыми штрихами запечатлевали их облики в альбомах. И, конечно же, над всем этим шумным великолепием витала музыка, в чью силу возвышать дух, наполнять сердце радостью и превращать рутину в удовольствие островитяне верили безоговорочно. Поэтому на каждой улице можно было слышать голоса гуслей, гитар, флейт и барабанов, переплетавшихся в единый пленительный поток.

Они тоже остановились перед группой бардов у фонтана, чтобы зарядиться веселой мелодией. Поглядывая, как дети с разноцветными лентами кружатся в танце, Рикс хлопал в ладоши, а он, покачиваясь в такт, отбивал ритм ногой. Когда солнце заставило их вытереть пот со лба, они, не сговариваясь, шагнули к фонтану и окунули руки в прохладу.

— Пекло… — протянул Рикс, проводя мокрой ладонью по шее. — Пойдем, раздобудем что-нибудь освежающее.

Через минуту они свернули на улицу Урожая, где прилавки ломились от изобилия: румяной выпечки, гор свежих ово-

щей, пучков душистых трав и пряностей. Вывески менялись одна за другой, пока их внимание не привлекла деревянная табличка с ярко раскрашенными фруктами. Приблизившись к прилавку первого этажа, за которым приземистый, чуть полноватый мужчина с начинающейся лысиной раскладывал аппетитные ряды спелых груш, яблок и персиков, они в два голоса произнесли:

— Здравствуйте, брат Мартел!

— Здравствуйте, мои дорогие! — расплываясь в радушной улыбке, ответил мужчина. — Как поживаете?

— Хорошо, просто гуляем, — сказал Рикс, не отрывая взгляда от огромных дынь, источавших медовый аромат.

— Жара сегодня знатная, — выдохнул Мартел, вытирая со лба капли пота белым фартуком. — Может, угостить вас чем-нибудь прохладным? Освежающим коктейлем из цитрусов или, может… — лавочник хитро прищурился, — замороженными ягодами?

Глаза ребят вспыхнули, словно у голодных котят, впервые увидевших миску парного молока.

— А у вас есть?! — хором воскликнули они.

— Охо-хо-хо, — расхохотался лавочник, глядя на их до смешного нетерпеливые лица. — Да, есть! Всего час назад привезли повозку с горным льдом. Так что выбирайте: какое пюре вам по вкусу?

— С бананом можно? А с малиной есть? — перебивая друг друга, произнес каждый.

— Можно, есть, сейчас принесу! — ответил Мартел и скрылся за люком, ведущим в прохладный подвал.

Друзья обменялись довольными взглядами, полными предвкушения. Когда хозяин вернулся, в каждой его руке сверкали по чашечке нежно-желтого и ярко-розового пюре, перемешанного с хрустящим снегом. Ребята издали радостный вопль, вызывая улыбки у прохожих, и сразу накинулись на угощение, едва дав ему коснуться прилавка.

— Вот это да… — закатив глаза от удовольствия, пробормотал он с ложкой во рту. — Вот о чем я мечтал в этой раскаленной пустыне…

— Это точно! — промычал Рикс с полным ртом, и по его подбородку медленно скользнула капля розового сока.

Мартел удивленно нахмурился:

— А что это вы, ребятки, делали в пустыне? И… откуда у вас столько синяков? И что случилось с твоей рукой?

Он перестал жевать и, слегка смутившись, ответил:

— Мы недавно участвовали в первом Испытании. Было трудно. Мы шли через пустыню, карабкались по скалам, почти ничего не ели, бежали, плыли… прыгали…

Хозяин лавки, слушая его, сложил руки на фартуке и негромко, натянуто рассмеялся.

— Значит, вы тоже принимали участие в Испытании… И каков же ваш результат?

— Мы оба прошли! — с радостью и гордостью воскликнул он.

Мартел вдруг тяжело, протяжно выдохнул и посмотрел на ребят так, словно видел перед собой не победителей, а обреченных. Руки его, только что твердые и уверенные, вдруг едва заметно задрожали, а на лбу выступили крупные капли пота.

— Вот как… Трудный же путь вас ждет, мальчики мои… Очень трудный… — через силу пытаясь изобразить на лице подобие прежней радушной улыбки, проговорил лавочник, а затем резко отвернулся к своим ящикам, делая вид, что занят. — А теперь, ступайте… Очень много дел… Хорошего вам дня…

Озадаченные столь резкой переменой, ребята поставили опустевшие чашечки на прилавок, растерянно поблагодарили и ушли. Когда они скрылись за поворотом, Мартел медленно опустился на табурет, спрятал лицо в ладонях и тихо всхлипнул:

— Ох, мальчики… Пусть вам повезет больше, нежели моему несчастному сыночку…

***

Вскоре друзья позабыли о странном поведении Мартела и, вновь поддавшись очарованию дня, просто пошли туда, куда вела дорога. Дома позади постепенно редели, и за арочными вратами города перед ними открылись широкие просторы: ровные золотящиеся поля, душистые фруктовые сады и пастбища с животными. Все вокруг дышало всеобъемлющим теплом и покоем, словно сам остров отдыхал вместе с

ними после долгого труда.

Поднявшись на холм, поросший сочной, изумрудной травой, они устроились в тени могучего дуба, чтобы перевести дух и насладиться видами с высоты. Рикс лениво покусывал травинку и смотрел вдаль — на аккуратный, будто вычерченный линейкой город, на золотые квадраты пшеницы и небесно-голубые прямоугольники льняных полей. Он же смотрел туда, где над всем этим великолепием величественно возвышалась громадная скала, в самой сердцевине которой был высечен Предел. И в его живом воображении рождались картины — одна заманчивее другой: как он стоит там, среди Совета, постигает тайны Энергии и с ее помощью укрощает смерчи, останавливает наводнения и, конечно же, спасает жителей, оказавшихся в беде.

Так, под тихий шелест луговых цветов и в сладких фантазиях, время незаметно перевалило за полдень, и в животах у обоих недвусмысленно заурчало.

— Ну что, возвращаемся подкрепиться? — предложил он, повернувшись к Риксу. Тот лениво пожал плечами и хитро усмехнулся:

— Ну не зна-аю… Можем по старой привычке нарыть червяков или отыскать парочку аппетитных слизняков в ближайшей луже.

— А-а, понятно, — с наигранно серьезным видом, но с предательски дрогнувшими уголками губ, кивнул он. — Ну давай-давай… подшучивай теперь надо мной до конца жиз-

ни.

— А что такого? — весело продолжил Рикс. — Разве не для этого мы ввязались в это Испытание? Чтобы выжить, а потом подкалывать друг друга до самой старости.

— До самой старости, — повторил он, не сумев сдержать улыбку.

***

К обеду большинство жителей направлялось в Зал Трапез — длинное приземистое здание из темных бревен с остроконечной крышей. Едва переступив порог, их окутал густой, теплый и почти осязаемый аромат пищи.

В дальнем конце Зала возвышалась огромная печь, в чьем жарком чреве одновременно жарились, пеклись и томились десятки, если не сотни разнообразнейших блюд. Пламя отражалось в бронзовых кастрюлях; на стенах, словно в причудливом танце, плясали тени от жаровен, и по всему пространству Зала, не смолкая, разливался человеческий смех. Сквозь широкие окна щедро врывался солнечный свет, приоткрытые створки под потолком впускали свежий ветер с побережья, а между длинных столов, уставленных яствами, в нарядных одеждах прохаживались девушки и юноши, расставляя чистую посуду, подливая напитки и даря каждому гостю свою теплую улыбку.

С самого заселения острова местные жители, следуя идеалам ненасилия, питались исключительно дарами леса и земли, никогда не причиняя вреда живым существам. Живот-

ные были для них не источниками пищи, а друзьями и помощниками. Козы давали молоко, кур разводили ради яиц, овец — ради шерсти, голубей использовали для передачи сообщений, лошади и буйволы помогали в земледелии, а кошки и собаки приносили радость общения. А еще жители очень любили мед, поэтому дружили с пчелами. Всего этого вместе с искусным мастерством поваров островитянам было достаточно, чтобы чувствовать себя сильными, здоровыми и наслаждаться жизнью до глубокой старости.

Длинные скамьи в Зале стремительно заполнялись. Люди оживленно общались и обменивались новостями, накладывая себе в миски золотистые лепешки с медом и корицей, дымящиеся похлебки из грибов, фруктовые салаты всех оттенков, творог с курагой и многое другое. Воздух, и без того густой, дрожал от запахов еды и голосов, но он — стоял скованно, чувствуя себя чужим в этом бурлящем потоке. Слишком много взглядов, пусть даже дружелюбных, слишком много простых вопросов, на которые он не знал, что ответить. Даже безобидное «Как дела?» заставляло его теряться. Ведь что он мог ответить на это? Что в груди сидит комок сомнений, что прошлые бесчисленные неудачи не дают покоя, а главный страх — не достичь мечты — давит каждую минуту?

Нет, он знал: словами делу не поможешь — они лишь вызовут сочувствие. А привычные фразы вроде «слабых нет»

или «каждому дано свое» совсем не утешали. Поэтому, когда группа ребят за дальним столом замахала им руками, приглашая присоединиться, он невольно сжался и оробел, зная, что зовут они, конечно же, Рикса, который мог найти общий язык с кем угодно.

За квадратным столом сидели шестеро юношей разных возрастов. Когда он и Рикс подошли ближе, самый высокий из них, с длинными русыми волосами, собранными в хвост, произнес:

— Привет, братья! Рад видеть вас после отдыха.

— Отдыха? — усмехнулся Рикс, садясь на свободное место. — Скорее болезненного отлеживания с кучей синяков и судорогами.

Он тоже тихо опустился рядом с другом — и вдруг заметил знакомое лицо.

— Мириус! Как ты? У тебя все в порядке?

Мириус, все еще с заметной тенью недосыпа под глазами, смущенно улыбнулся и сказал:

— Да. Все нормально.

— Мириус как раз собирался поведать нам свою эпопею о прохождении Испытания, — добавил длинноволосый парень. — Все говорят, в этом году было тяжелее обычного.

— Сравнить не с чем, но хотелось бы полегче, — хмыкнул Рикс, зачерпывая из общей миски рассыпчатой каши и обильно поливая ее медом.

— Мой отец сказал, что в этом году до финала дошло за-

метно меньше людей, чем в прошлом, — присоединился к разговору белокурый парень в тунике, испачканной пятнами краски.

— И неудивительно. Совет совсем нас не жалел!

Рикс, как всегда, говорил легко и непринужденно. Он же сидел тихо, почти прячась за миской. Ложка его неторопливо мешала остывающую кашу, а взгляд осторожно блуждал по лицам собеседников — уверенным, открытым, свободным от сомнений и тревог.

— Может, это и к лучшему, — задумчиво произнес длинноволосый юноша. — Многие потом все равно сходят с этого пути. Не каждый выдержит жизнь в Пределе, травмы и вечные тренировки. Кстати, на каком дне пути остановились вы?

Глаза Рикса хитро блеснули. Выдержав паузу, он с притворной скромностью, но с явным удовольствием, небрежно протянул:

— Ну, как бы… мы… всего лишь оба… Дошли до конца.

Ложки замерли на полпути к открытым ртам. Широко раскрыв глаза, все невольно покосились на него — слишком щуплого, слишком неподходящего для ветви, по которой могли следовать только самые сильные.

Он, почувствовав на себе эти оценивающие, скептические взгляды, тут же смутился и поспешно уткнулся взглядом в миску, словно каша внезапно стала самым интересным предметом на свете.

«Зачем, ну зачем он это сказал? Наверняка они сейчас ломают головы, пытаясь понять, не пошутил ли Рикс…»

— Ух ты… — первым нарушил затянувшееся молчание белокурый парень.

— Да… Вот это… да… — подхватили остальные, сначала нерешительно, а затем с искренним восторгом. — Невероятно! Поздравляем вас!

Длинноволосый, самый старший, всматривался в него особенно пристально. Потом вдруг поднялся, протянул ему раскрытую ладонь и с торжественной серьезностью, в которой слышалось искреннее уважение, произнес:

— Брат, в тебе, должно быть, заложен огромный потенциал. Желаю тебе раскрыть его на благо всех.

Ошеломленный неожиданными словами, он выронил ложку и машинально протянул ладонь навстречу. В следующее мгновение все, кто сидел за столом, один за другим, пожали ее, одобрительно кивая и желая удачи. И тогда случилось нечто: скованность, сжимавшая его изнутри, растворилась под напором стремительной, почти головокружительной волны тепла. Он вдохнул полной грудью и с удивлением почувствовал, как сама собой распрямляется спина.

«Так вот оно какое — признание…» — промелькнуло с волнующим изумлением. — *«Теперь я понимаю, ради чего Рикс готов терпеть то, что ему совсем не нравится».*

Мгновение спустя из глубины трапезной донесся нежный звук флейты, и плавная, спокойная мелодия мягко наполни-

ла Зал тихим умиротворением. Разговоры постепенно стихли, и вскоре слышались лишь тихие переливы музыки, потрескивание огня и постукивание ложек о деревянные миски.

Закончив трапезу, их небольшая компания вышла на улицу, зажмурившись от ослепительного света ласкового дня.

— Какие планы на сегодня? — спросил Рикс, сладко потягиваясь, словно готовый взмыть в небо, чтобы вздремнуть на белоснежных, пушистых облаках.

Старший юноша задумчиво почесал затылок:

— Так… нужно помочь вдове Кейти с дровами, потом принести воды для нескольких огородов и прибраться в доме у бабушки Марии. Но сперва, думаю, займемся колодцем для новой семьи.

— Может, помочь? — предложил он, чувствуя странное желание быть частью их простых, но таких нужных забот.

— Спасибо. Но вам сейчас лучше отдыхать. И береги руку. Она тебе еще пригодится.

— Ну да, ты прав… — смущенно пробормотал он, взглянув на свою беспомощную руку в гипсе, подвешенную на груди.

— Но вы можете пойти с нами, если хотите, — вмешался в разговор один из ребят. — Я бы с удовольствием послушал о ваших приключениях, пока буду копать.

Такая идея понравилась всем. Рикс, чьи глаза заблестели явным желанием оказаться в центре внимания, вопроситель-

но и с надеждой взглянул на друга.

— Пойдем, — согласился он, радуясь, что сегодня у него наконец-то есть что-то хорошее, чем можно поделиться с другими.

***

Час спустя дружная команда уже копала колодец возле одного из строящихся домов, в то время как он и Рикс удобно расположились на штабелях досок. В стороне перекликались строители, стучали молотки, звенели пилы, а воздух наполнялся сладким запахом сосны и влажной земли.

Работа двигалась куда медленнее, чем планировалось — и виной всему был Рикс, чей увлекательный рассказ не раз заставлял руки замирать, а глаза слушателей расширяться от восторга и удивления. Друг с преувеличенной важностью пересказывал события пережитых ими дней, почти виртуозно избегая неудобных подробностей и щедро приукрашивая самые эпичные моменты, особенно те, в которых они с напарником уже разминулись, и тот не мог знать, как все обстояло на самом деле.

Мириус вскоре тоже присоединился к рассказу и поведал о своих первых днях, а также о том, как закончилось для него Испытание:

— …Поток нес меня прямо к обрыву. Я уже прощался с жизнью, но вдруг вода передо мной поднялась стеной и остановила меня! И тут я увидел брата Кристиана! Эх… если бы не он…

— Ничего себе… — сказал один из ребят, вытирая лоб. — Как же хорошо, что он был рядом.

— И как же хорошо, что я не пошел на Испытание, — с облегчением пробормотал другой, опираясь подбородком на черенок лопаты.

Он все это время молчал, не смея тягаться с Риксом в красноречии, и лишь изредка, когда друг замолкал, чтобы перевести дух, робко добавлял пару слов. Однако когда Рикс завершил свою победоносную одиссею, остальные дружно потребовали продолжения уже его истории. Он растерялся, но начал. Сначала слова спотыкались, словно опасаясь вырываться на свет, но, заметив искренний интерес в глазах слушателей, неожиданно для себя увлекся. Тогда история заструилась сама собой, рисуя перед ними картины дюн, блестящих в свете небесных волн, километровых скал, бешеных водопадов, блистающего царства животных — и, наконец, того самого безумного прыжка.

И вот тут — даже Рикс перестал ухмыляться.

— Да брось, — тихо шепнул товарищ, наклоняясь к самому уху. — Это ты уже переборщил.

— В каком смысле? — удивился он.

Рикс замялся, затем вновь прошептал:

— В это никто не поверит.

— Но… но я говорю правду! — возмутился он тихо, но с огнем. — Как, по-твоему, я бы успел иначе?!

Рикс замолчал и отвел взгляд в сторону — точно так же,

как и все остальные, которые внезапно с удвоенным, показным усердием принялись за рытье колодца. Однако неловкая тишина только подлила масла в огонь его обиды.

— Я *правда* спрыгнул! — твердо заявил он, нарочно громко, чтобы слышали все.

Рикс снисходительно вздохнул и неохотно произнес:

— Я приплыл к тому озеру по реке и видел, какая там высота. Если бы ты прыгнул, то…

— То что?! — с вызовом перебил он, засовывая здоровую руку под гипс.

Товарищ снова вздохнул:

— То ты бы сейчас здесь не сидел.

— Чего? В смысле? Там же внизу была вода!

Рикс, с видом человека, которому приходится объяснять законы природы младенцу, покачал головой. Остальные, продолжая кидать землю, делали вид, что разговор их не касается.

— В том смысле, — ровно и без интереса продолжил Рикс, — что прыжок с такой высоты, пусть даже в воду, ничем не отличается от удара о скалу.

— Шутишь! — с облегченным, немного натянутым смехом воскликнул он. — Где такое услышал, брат? В сказках или, может, на уроках?!

— Представляешь, именно *там* я это и услышал, — с недовольством в голосе сказал Рикс. — Наставник Беарус предупреждал.

Он растерянно замер. Затем его улыбка плавно сменилась нахмуренностью, и он, уже не так уверенно, взглянул на остальных. Те многозначительно переглянулись и виновато кивнули.

— А… а я тогда почему этого не помню? — пробормотал он, словно сам уже не вполне уверенный в своем прыжке.

Некоторое время вокруг слышалось лишь глухое чавканье лопат, врезающихся в сырую землю, отрывистые удары молотков и далекий гул океанских волн. Наконец Мириус, пытаясь сгладить повисшую в воздухе неловкость, осторожно произнес:

— Может, ему просто повезло? Я ему верю…

— Вот именно! — оживился он, ухватившись за слова, как за спасательный круг. — Чем еще объяснить тот факт, что я не разбился?!

Рикс молча пожал плечами, давая понять, что не намерен продолжать разговор. Этого оказалось достаточно. Он резко вскочил с досок и, не обращая внимания на обеспокоенные оклики за спиной, решительно зашагал прочь.

***

«И зачем я только рассказал?!» — раздраженно думал он, быстрым шагом удаляясь от шумного города в сторону безлюдных лугов. — *«Знал же, что не нужно было с ними идти! Ну и пусть не верят — мне все равно!»*

Но лицо его, искаженное гримасой обиды, не выражало равнодушия. Внутри все клокотало, и сомнения, смешива-

ясь с нарастающей злостью, скручивались в болезненный узел.

«И зачем я только ушел? Мог бы просто сказать: «Хотите — верьте, хотите — нет», или просто отшутиться… Все и так смотрят на меня, как на странного, а я веду себя… как странный! Ох, ну зачем я сбежал… зачем снова все испортил…»

Он замедлил шаг и остановился, сокрушенно уткнув взгляд в траву. Только когда легкий ветерок растрепал его волосы, словно чья-то добрая, заботливая рука, он поднял глаза к бескрайнему, удивительно чистому, ярко-синему небу, которое он так любил.

«Эх, ладно…» — вздохнул он с тоской. — *«Я могу понять братьев — ведь их там не было. Но вот чего я никак не могу понять… Когда тебя не понимает собственная, родная семья…»*

Его глаза невольно сомкнулись, и память, словно река, унесла его в недавнее прошлое.

***

— Проклятье, какой же ты все-таки дурак… Еле живой, а все равно согласился на эту чертову ветвь… Сколько раз я тебе говорила...

Он снова сидел за дубовым столом на кухне, неподвижно глядя поверх нетронутой тарелки с овощами и ощущая, как внутренняя пустота заполняет его сильнее любого ужина. Мать стояла к нему спиной, почти с остервенением на-

мыливая грязные тарелки и раздраженно цедя сквозь зубы упреки — без крика, но с тем самым тоном, от которого сердце разрывалось на части.

— Вот именно! — не выдержал он, резко ударив кулаком по столу. — Ты говорила, что я загнусь в первый же день! А я не загнулся целых семь! Семь! Разве я не доказал, что я могу?!

Мать так же резко поставила глиняную миску на стол — и звук от удара прокатился по комнате, словно предупреждающий гром.

— Не знаю и знать не хочу, как ты там умудрился продержаться, — сдавленно выговорила она. — Но знаю, что теперь ты угробишь свою жизнь, гоняясь за сказкой, вместо того чтобы заняться нормальными делами. Идиот.

Он стиснул кулак, напрягаясь всем телом, будто только это могло не дать ему заорать во весь голос.

— Какими еще делами?! Ты всегда была против любых моих дел! Когда я мечтал стать актером — ты сказала, что у меня нет таланта! Когда захотел быть астрономом — сказала, что плохо учусь! Когда решил стать строителем — ты называла меня слабаком, который надорвется! А когда я решил изменить эту слабость тренировками, ты только отмахнулась! И теперь, когда я наконец доказал свою силу, ты снова недовольна! Тебе все не так!

Слова вырывались из него вместе с криком, словно он до сих пор верил, что чем громче он скажет, тем лучше его

услышат. Но с каждой секундой становилось все более очевидно: перед ним сейчас не мать, а какая-то чуждая, колючая сущность, способная лишь жалить.

— О-о, с таким поведением тебе прямая дорога в Предел. Там как раз ждут таких — неуравновешенных!

— Да при чем тут это?! Разговор о другом! О том, что вы всегда придираетесь! *ВСЕГДА!* Я не понимаю — почему?! Моих друзей ты хвалишь, ставишь в пример… даже Рикса, КОТОРЫЙ ИДЕТ ПУТЕМ СИЛЫ! А меня — собственного сына — ты не ставишь НИ ВО ЧТО!!!

Мать наконец обернулась. В ее взгляде не было гнева. Там горело нечто более страшное — холодное, тяжелое презрение, граничащее с отвращением.

— Потому что Рикс не орет, как истеричка, на собственную мать!

— А-а-а! — взвыл он, в отчаянии хватаясь за голову, словно та раскалывалась от ее слов. — С тобой невозможно разговаривать! Ты сводишь меня с ума!

— Нет, это ТЫ сводишь с ума МЕНЯ!

Лаура яростно швырнула тряпку в дальний угол кухни. Маска ее спокойствия треснула, и за ней показалось уставшее, измученное лицо женщины, у которой давно не осталось опоры. Она закрыла лицо руками, и сквозь пальцы прорвались глухие всхлипы, от которых у него защемило в груди. Но даже в этом подавленном состоянии она продолжала обвинять и колоть.

— Эгоист!.. Я тебя растила… не спала ночами!.. А тебе лишь бы довести меня до слез! Чтобы я слегла в могилу раньше срока!

Она замолчала, прерывисто дыша. Но гнетущая тишина оказалась лишь передышкой перед еще более страшной бурей.

Хлопок входной двери разнесся по дому, словно обух топора по шкафу — и он в ту же секунду застыл, жалея, что не спрятался в своей комнате раньше. Напряженное мгновение спустя в кухню ввалился отец, в серой клетчатой рубашке, с апатичным выражением лица и бутылкой в руке. По его мутному, плавающему взгляду было ясно: пил он отнюдь не тыквенный сок.

— Че вы так орете? — едва ворочая языком пробормотал мужчина. — На весь лес слышно… Ну? Че обсуждаете? А? Я не слышу…

— То, что ты, алкаш, совсем не занимаешься сыном, — с презрением процедила Лаура, и сын, предчувствуя недоброе, сглотнул.

Лицо отца исказила гримаса едва сдерживаемого гнева.

— И это говорит мне баба, которой сутками не бывает дома?!

— Я *работаю!* — вспыхнула Лаура, и тут же отвернулась, словно сам вид его был ей противен. — В отличие от некоторых, я не валяюсь пьяной в канаве! А когда прихожу домой, еще должна прислуживать вам, бездельникам!

— Что ты кудахчешь, бестолковая курица?! Тебе лишь бы шляться неизвестно где, а не семьей заниматься! — рявкнул отец, и вскоре кухня захлебнулась от привычного потока взаимных обвинений, оскорблений и колючих слов. Когда же он попытался незаметно улизнуть, злой, как у волка, взгляд отца пригвоздил к месту.

— А ты че, щенок, не в состоянии жратву за собой убрать?!

Он вздрогнул, испуганно бросил взгляд на отца, но тут же, словно обжегшись, уронил глаза в пол.

— Я пока… рука еще… болит…

Отец шагнул ближе, наклонился к его лицу и проорал:

— ТОГДА ЗАКАНЧИВАЙ СО СВОИМИ ПРОКЛЯТЫМИ ТРЕНИРОВКАМИ, РАЗ ТЫ ТАКОЙ КАЛЕКА! ВЫЗДОРОВЕЕШЬ — С КУХНИ У МЕНЯ НЕ ВЫЛЕЗЕШЬ!

От хлынувшей кислой вонищи, вырывающейся с каждым словом отца, мальчика чуть не стошнило. Пахло, как от общественного туалета, который не мыли уже целую вечность. Как бы ни пытался, он не мог понять, что заставляет отца глотать дрянь, которая превращает взрослого человека то в безвольный, маринованный огурец, болтающийся без цели в мутной банке, то в агрессивную самку кабана, готовую растерзать даже собственных детей.

— ТЫ ПОНЯЛ?! — повторил отец, обдавая его новой, чудовищной волной перегара.

Он задрожал всем телом, не в силах совладать с бурей

чувств, что разрывала его на части. Страх, злость, обида, ненависть — все это смешалось в один невыносимый комок. И вдруг он услышал голос, прозвучавший словно со стороны:

— Понял.

Мертвая, звенящая тишина рухнула на кухню, будто многотонная каменная глыба. И только спустя мгновение он осознал: этот голос, в котором слились все чувства сразу, — принадлежал ему самому.

Бам!

Удар в грудь, тяжелый и тупой, заставил его попятиться назад. Он рухнул на стул, и в ту же секунду почувствовал на своей шее грубые пальцы.

— Ты как со мной разговариваешь, щенок?! — угрожающе прорычал отец. — Я тебе что, подружка?!

Из глаз потекли слезы. Шея еще помнила беспощадное кольцо змеи, но в этот раз это была не схватка с кем-то чужим — сейчас его душила рука родного отца. И боль была вовсе не от физического давления на горло, а от той горькой мысли, что страдания ему причиняют те, кто по всем законам природы должны были любить, беречь и защищать.

А отец все повторял, будто одержимый:

— Я научу тебя уважению! Понял?! Ты понял?!

Избавление пришло от руки матери, которая с неистовым криком хлестнула мужа по спине:

— УБЕРИ ОТ НЕГО СВОИ РУКИ! НЕ СМЕЙ ТРОГАТЬ ЕГО!

Рука отца разжалась — и он, едва почувствовав свободу, молнией влетел наверх, в свою комнату, и со всего размаха захлопнул за собой дверь. На ней не было ни замка, ни ручки — все они давно были вырваны отцом во время подобных скандалов. Поэтому он с усилием перегородил проход шкафом, прислонился к стене и медленно сполз на пол, крепко зажав уши руками.

Но даже это не спасло его от криков двух самых близких голосов, каждый из которых, словно ядовитый острый шип, вонзался в его сердце, оставляя после себя незаживающие, вечно кровоточащие раны.

***

«Проклятье… Я не хочу это вспоминать…»

Когда он открыл глаза, небо над головой было по-прежнему ярким, но в груди зияла дыра, словно часть его так и осталась в той комнате, где мать и отец беспощадно убивали друг друга словами. И вдруг его пронзила пугающая мысль:

«А что, если когда-нибудь я тоже стану, как они?»

Он тут же невольно вспомнил, как вчера, в приступе слепой злости, швырнул кружку об стену в своей комнате. Как иногда, встречая на улице веселую компанию одноклассников, бессознательно прятался за углом чужого дома.

— Нет уж! — отрезал он, отбрасывая эту уродливую мысль. — Никогда!

Он быстро зашагал по густой траве, будто пытаясь оторваться от прошлого. Но оно не отпускало.

«Неужели так будет всегда? Неужели мы больше никогда не станем нормальной семьей? Ведь я же помню… когда-то все было иначе…»

Картины снова нахлынули сами собой: мама, смеющаяся над его детскими каракулями; отец, подбрасывающий его на руках; медленный, нежный танец родителей при свечах…

«Ну хватит! К чему все это?! Я не раз пытался что-то изменить. Но, видимо, то время ушло навсегда…»

Он ускорил шаг, почти побежал, несмотря на боль в ноге. Солнце, еще недавно такое ласковое, больше не грело, а цветы, яркие и живые, теперь стояли тусклыми, как тени. Внутри царила пустота, но разум оставался ясным, осознавая цель, как никогда.

«Все, что мне остается, — попасть в Предел! И когда я стану сильным, когда обрету Энергию, я вернусь к ним… и за все прощу! И тогда они поймут, как сильно ошибались!»

Когда боль стала нестерпимой, он был вынужден сбавить шаг. Каждый камень, что попадался на пути, отлетал в сторону после короткого, злого пинка. Он шел, не разбирая дороги, глотая горькую обиду, пока не оказался у тихой аллеи, где прежде не бывал. Ветви стройных берез перешептывались над головой, а белки, словно рыжие искры, мелькали среди изумрудной листвы.

Почти не раздумывая, он пошел за ними по тропе, и вскоре она вывела его к деревянному мостику, перекинутому через пруд. Облокотившись на нагретые солнцем перила, он

позволил себе замереть и попытаться раствориться в этом маленьком спокойном мирке.

Перед ним, во всей своей безмятежной красе, раскинулась гладкая, чуть подрагивающая от легкого ветерка водная гладь. Два белоснежных лебедя, слившись гибкими шеями в изящный узор, медленно скользили посередине пруда. Рядом, идеальной шеренгой, за мамой плыли пухлые утята, а под мостом весело резвилась стайка пестрых рыб. Картина была настолько совершенной и гармоничной, что его сердце, еще недавно готовое разорваться от боли и гнева, стало, наконец, понемногу остывать.

«Надо приходить сюда почаще, когда совсем невмоготу», — подумал он, отстраняясь от перил и медленно направляясь дальше.

Через несколько минут, пройдя сквозь небольшую, ажурную калитку, он оказался в большом саду, утопающем в буйстве ярких красок. Он прошел немного вглубь, вдыхая аромат цветов, и вдруг до него донеслись шум голосов и легкий смех. Он повернул голову на звук, и в следующее же мгновение из его груди вырвалось неожиданное, почти испуганное:

— Упс…

Среди цветущих клумб и кустарников жасминов группа девочек и девушек увлеченно занималась уходом за растениями. Заметив, как он смущенно замер, несколько из них тихо хихикнули, прикрыв ладошками рот.

«Бежать! Немедленно!» — мелькнула в голове паническая мысль, но прежде чем он успел развернуться и скрыться, рядом раздался женский голос — слегка строгий, но не злой:

— Здравствуйте, молодой человек.

Он резко обернулся. Возле ближайшей клумбы, скрестив руки на груди, стояла элегантная, стройная дама в безупречно белой блузке, заправленной в длинную черную юбку, с ажурной шалью на плечах, похожей на паутину. Ее серебристые волосы были аккуратно заколоты, а острый, но совсем не холодный взгляд устремлен на него с явным беспокойством и тревогой.

— Силы небесные… что с вами? — произнесла она, осматривая его забинтованные руки и все еще покрытое царапинами лицо.

— Это… — смущенно начал он, чувствуя на себе десятки любопытных взглядов. — Это от Испытания.

— Испытания? — глаза женщины расширились еще сильнее. — Вы участвовали в Испытании на пути Энергии?!

Он тяжело вздохнул: *«И она туда же…»*

— Да… — коротко, без особой гордости, подтвердил он. — И, представьте, я прошел.

— Прошли?!

Девушки вокруг переглянулись, а наставница вдруг подошла совсем близко и, чуть улыбнувшись, ласково провела ладонью по его растрепанным волосам, словно пытаясь од-

новременно приободрить, похвалить и утешить.

— Тогда примите мое поздравление, — сказала она тихо, но проникновенно. — Это серьезная стезя, и выдержать ее под силу не каждому. Вы очень смелый и сильный юноша.

От ее теплого, материнского прикосновения мир будто стал светлее. Губы его сами сложились в широкую улыбку, и будь он котенком — непременно бы замурчал.

— Спаси-ибо! — выдохнул он, растягивая слово с таким довольным, почти комичным придыханием, что девушки за спиной дружно выдохнули длинное, умиленное: «О-о-о».

И вдруг его рассеянный взгляд замер на одной из девочек. В серой тунике, пригнувшись к круглому каменному фонтанчику, чтобы напиться, она придерживала рукой невероятно длинные, густые волосы — темные, как полночное небо без звезд. Когда она подняла голову, их взгляды случайно встретились, и ее пленительные миндалевидные темно-карие глаза лишили его возможности двигаться, дышать и соображать. Все вокруг словно растворилось в ослепительном солнечном мареве — остались лишь она и гул собственного сердца, бешено колотящегося в груди.

Он резко выпрямился, расправил плечи и выставил напоказ свои лучшие раны, стараясь всем видом казаться старше, сильнее и мужественнее. Но вместо желанного восхищения или хотя бы малейшего проблеска интереса в глазах девочки отразилась лишь тихая жалость.

— Желаем скорейшего выздоровления… и берегите себя, — вернул его к реальности голос наставницы.

Он моргнул, словно пробуждаясь из глубокого сна. Женщина кивнула своим подопечным, и те послушно склонились над клумбами, будто ничего не произошло. Он же

остался стоять, растерянный и охваченный каким-то новым, необъяснимым чувством — смесью смущения, трепета, волнения и легкой приятной боли, словно прямо из сердца медленно вырастали невидимые крылья, расправляясь за спиной.

***

Куда бы он теперь ни шел, мысли неизменно возвращались к ней — прекрасной незнакомке у фонтана. Он не мог понять, почему за все эти годы ни разу не видел ее в Арете? Ведь невозможно было пройти мимо такой, не обратив внимания… Но стоило ему мысленно вернуться к ее жалостливому взгляду, как в груди кольнула грусть.

«Конечно… чем я мог ее зацепить? Своими бинтами и синяками?.. Вот если бы у меня были мышцы, как у Луксора — она бы точно влюбилась в меня…»

Тоска вспыхнула, как искра, но тут же разрослась в яркое, всепоглощающее пламя стальной решимости. Он сжал кулак, и нестерпимое желание тренироваться прямо здесь и сейчас захлестнуло его с головой. Но едва он осознал, что это невозможно, внутри разлилось тяжелое ощущение утраты, оставившее за собой горький след бессилия.

Оставшийся вечер он бесцельно бродил по острову, разговаривая с собой… и с ней, как будто она шла рядом. Он представлял, как они встречаются вновь и как она, увидев его обретенную Энергию, смотрит на него уже с восхищением. Когда же закатное солнце окрасило небо в огненные узо-

ры, он остановился и с неохотой посмотрел в сторону ненавистного Серого Леса. Ему не хотелось возвращаться домой, и ни урчание пустого желудка, ни усталость не в силах были заставить его двинуться с места. Только слепая надежда — хрупкая, как свеча на ветру, — наконец подтолкнула его вперед.

«Ладно…» — подумал он, криво улыбнувшись. — *«День был не таким уж и плохим. Мороженое поел, братья похвалили, хоть я и повел себя потом глупо… Но главное — я встретил ее… Так, может, и дома сегодня обойдется без ссор?..»*

Холодная дверная ручка неприятно кольнула ладонь. Он вздохнул, словно предчувствуя беду, и медленно повернул ее. Прихожая встретила его глухой тишиной и полумраком. Он снял обувь и, стараясь не дышать, на цыпочках прокрался к лестнице.

«Хоть бы спал… а лучше — вообще не пришел…» — молил он про себя, но надежда, как всегда, лишь усмехнулась ему в ответ: из боковой комнаты донесся тяжелый, сонный голос:

— Иди-ка сюда…

Словно увязнув в болоте, он замер на ходу, а затем, как кукла, ведомая чужой жестокой рукой, медленно направился на зов.

В обшарпанном кресле, тускло освещенном призрачным

светом из окна, сидел отец. На полу у его ног валялись пустые бутылки, а воздух был наполнен удушливым кислым смрадом. Мгновение казалось, что время, сжалившись, замерло. Но вот мужчина поднял затуманенный взгляд, и его голос прорвался через глухую тишину:

— Ну… рассказывай, где шлялся...

***

Настоящее…

«С тех пор я поклялся, что больше никогда не позволю себе быть слабым. Но…»

Он медленно приоткрыл глаза, и в зрачках отразились волны небесных сияний, наполнявших мир неземным волшебством. Тело казалось чужим, словно его придавила многовековая плита усталости, а сознание вязло в густой, беспросветной безысходности. Но, несмотря ни на что, он заставил себя подняться.

«…Почти год прошел с тех пор… А в моей жизни не изменилось ничего. Ни мышц, ни Энергии… Какой же я все-таки слабак…»

С трудом переставляя ноги, он подошел к краю утеса и бросил взгляд вниз. Утопающий в янтарном свете фонарей, золотистых окон и серебристо-аметистовом блеске небесных волн, город сверкал, как огромный самоцвет.

Там смеялись, отдыхали в кругу семьи, грелись у каминов. А он стоял здесь, на пронизывающем ветру, измотанный, одинокий, и смотрел вниз с завистью и болью… но ти-

хим, отчаянным упорством.

Он отвернулся и прикрыл глаза ладонью, будто пытаясь заслониться от слишком яркого света чужого счастья. Затем взглянул в сторону Предела — на место, где должна была, по его мнению, начаться его жизнь.

«Нельзя останавливаться. Времени почти не осталось. Если я сдамся сейчас — я навсегда упущу свой единственный шанс».

Он встал в стойку. Ветер яростно ударил в лицо, будто

пытаясь сбить с ног. Боль пульсировала в висках, словно по венам вместо крови скользили осколки стекла. Он стиснул зубы, зажмурился — и весь огромный мир сжался до биения собственного сердца, слабого, как он сам.

Минуты тянулись, сливаясь в одно бесконечное, мучительное «сейчас». Он гнался за Энергией, как за миражом, вглядываясь в бездну внутренней тьмы, взывая, умоляя, требуя хотя бы искры. Но вместо ответа пришла лишь внезапная легкость. Сознание поплыло, ноги подкосились, и, утратив всякую опору, он рухнул на камень — без звука, без надежды, без сознания.

И ночь, холодная и равнодушная, поглотила его целиком.

Глава 8. Луч солнца

Встреча произошла в одной из галерей Предела. Арки, вырезанные в теле скалы, напоминали каменные кроны деревьев, а сквозь проемы пробивались солнечные лучи, ложась на мраморный пол золотыми квадратами, словно сама природа расчертила гигантскую шахматную дорожку из света и тени. Двое мужчин, идущих бок о бок, казались фигурами в этой игре — столь контрастными, что их различие бросалось в глаза с первого взгляда. Один, несмотря на зрелый возраст, сохранял крепкий, словно выточенный из гранита торс, а его необремененная волосами голова поблескивала на солнце, как отполированный мрамор. Другой был заметно старше. Годы уже слегка смягчили его осанку, придав движениям величавую плавность, длинные волосы поседели, а лицо прочертили глубокие морщины, словно карта долгого, нелегкого пути. Однако за этим старческим обликом чувствовалась внутренняя мощь, которой первый мог лишь восхищаться.

Даже одежды подчеркивали их различие: более молодой носил белый плащ без рукавов, перехваченный багровым кушаком — словно отблеск рассвета на снегу, тогда как старец был облачен в черную мантию с тонкими белыми узорами по краям, похожими на письмена света на поверхности ночи.

Они шагали медленно, их голоса отзывались под сводами мягким эхом, но, несмотря на живописный вид, открываю-

щийся с высоты, их слова были далеки от легких бесед о красоте мира.

— Да, Луксор, мне уже сообщили, что один из учеников выбыл из предстоящего Испытания, — промолвил Старейшина, неторопливо следуя вдоль стройных колонн.

— Думать так — заблуждение, — спокойно, но уверенно возразил Луксор. — Я готов поклясться: в назначенное время он будет на месте. Даже если путь придется преодолевать на коленях или ползком.

Старец приподнял брови, и в его взгляде скользнула искра удивления.

— Настолько настойчив? Тогда я с искренним сожалением должен признать: весь Совет потерпел сокрушительное поражение от ребенка. За целый год нам так и не удалось переманить его на другой путь. Внутри него бушует огонь — и это, увы, не тот костер, который можно направить в очаг. Он — комета, несущаяся к одной-единственной звезде, в жаре которой, боюсь, может сгореть дотла.

Луксор сдержанно кивнул:

— Самое удивительное то, что пару месяцев назад ему все же удалось выжать из себя немного Энергии. Его аура пока слаба и еще ни разу не охватила все тело, но кто знает… возможно, будь у него больше времени, он сумел бы достичь большего.

— Увы, времени больше нет. Мы и так сделали больше, чем должны были. Отныне все в руках природы.

— Не сомневаюсь, — отозвался Луксор почти мрачно. — Природа не промахнется… и еще не раз укажет ему его место.

Старейшина, мудрый и опытный, слишком хорошо знал цену подобным нотам в голосе. Посмотрев на Луксора внимательным взглядом, он участливо произнес:

— Я понимаю твою скорбь, мой мальчик. Твои глаза всегда тянулись к не самым простым из учеников. И этот раз не стал исключением.

— Да, не стал, — подтвердил Луксор. — Но этот раз… особенный.

Достигнув конца галереи, где среди мрамора и камня зеленела жизнь, Старейшина опустился на скамью под тенью раскидистого деревца, растущего в широком глиняном сосуде. Луксор сел рядом; его руки легли на колени, голова склонилась, и из груди вырвался тихий вздох.

— Этот мальчик живет лишь мечтами о Пределе, — начал он угрюмо. — И ради этого он жертвует всем: здоровьем, покоем, детством. Но это не его выбор. Думаю, его мечта во многом зародилась из-за обстановки в семье, которая остается тяжелой. Сейчас у него нет никого, кто по-настоящему понимал и поддерживал бы его. Близких друзей у него нет, а учителя заняты тем, что пытаются отговорить его от пути Силы — и даже мы приложили к этому руку.

Он поднял голову и устремил взгляд вдаль, туда, где за арками виднелась линия горизонта. После короткой паузы

его голос зазвучал еще тяжелее:

— А теперь представьте, что он почувствует, когда потерпит поражение — самое болезненное в его жизни, и все это на глазах у сотен людей. Когда услышит слова о том, что его путь закрыт навсегда. Я уже предвижу наши споры о том, кому придется сообщить ему об этом. Кто из нас выдержит его взгляд, в котором останется лишь пепел от сгоревших надежд — надежд, за которые он боролся изо всех сил.

Луксор опустил глаза и едва слышно добавил:

— Иногда мне кажется… это сведет его с ума.

Слова медленно растворились в воздухе, оставив после себя горькое послевкусие. Даже солнечному свету, врывающемуся сквозь резные арки, не под силу было разогнать мрачную тень, царившую внутри.

Старейшина долго молчал. Лицо его оставалось неподвижным, но внутренний взор блуждал где-то в собственных мыслях. Наконец с тихим выдохом он произнес:

— А что, если вместо слов о поражении… он услышит нечто другое?

Луксор поднял бровь, вопросительно взглянув на старца.

— Мы могли бы предложить ему место в Пределе, — продолжил тот, кладя ладонь на плечо спутника. — Не как ученику, а как помощнику. Дел здесь предостаточно, а главное — мы сможем присматривать за ним. Что скажешь? Есть ли шанс, что со временем он поймет: ему нужна была не Сила, а свобода от прошлого и наша компания?

Луксор задумался, а затем с сомнением покачал головой:

— Не уверен, что это поможет. Смотреть на успехи других будет для него пыткой. Но он должен узнать об этом. Ваше предложение — акт высшего милосердия.

Старейшина неторопливо поднялся, и его длинная мантия мягко скользнула по полу, будто ожившая тень. Он подошел к арке и всмотрелся в просторы, раскинувшиеся внизу. Перед ним раскрылась вся величественная панорама Острова: оживленный город, Дом Исцеления на склоне вулкана, плато Арете и, наконец, Серый Лес, обособленный, словно чужак среди сияющей красоты. Именно на нем задержался его взгляд.

— Это — меньшее, что я могу для него сделать, — произнес он с горечью. — Ведь вина за его судьбу частично лежит и на мне. Сейчас я жалею, что тогда не проявил... жестокость. Возможно, тогда жизнь мальчика сложилась бы иначе.

— Не смейте винить себя, — отозвался Луксор, поднимаясь и подходя ближе. — Никто не способен предугадать исход каждого шага. Даже вы, Учитель.

Старейшина обернулся, и на лице его появилась улыбка — усталая и немного ироничная.

— Прости, мой друг, старость щедра на тяжелые мысли. Скажи, задумывалось ли хоть раз светило, склоняясь к горизонту, что могло обделить светом кого-то из своих детей? А вот я… я думаю об этом слишком часто. О том, что, возможно, упустил нечто важное…

— Солнце светит одинаково для всех, — твердо произнес Луксор, глядя на город. — Оно не способно заглянуть в каждую тень, но все же его свет делает жизнь возможной. Так и вы: не в силах спасти каждого, но без вашего света не зажглось бы ни одно из этих окон. — Он уперся обеими ладонями в массивные мраморные перила, окинул взглядом Остров и уверенно добавил: — Только взгляните. Все это — плоды ваших деяний. И я искренне считаю: для человечества они значат не меньше, чем светило для земли.

— Как у природы есть свои изъяны, так и у людей — ошибки, — мягко ответил старец, не отрывая взгляда от своего творения, которое любил всем сердцем. Но уже мгновение спустя его золотые глаза стали твердыми, как застывший янтарь. — Однако, в отличие от природы, мы способны пытаться исправлять эти ошибки. Несчастье этого ребенка — не просто его личная беда. Это рана на теле всего нашего общества. И если мы хотим, чтобы весь организм оставался живым и здоровым, мы обязаны исцелить его. Поэтому будем бороться за его счастье до конца.

Старейшина повернулся к Луксору и задумчиво вгляделся в его лицо.

— У меня есть замысел, который, возможно, устроит мальчика, — добавил он после паузы. — Но на его воплощение мне потребуется время. А пока подумай, что могло бы поддержать его уже сейчас?

Луксор нахмурился. Глаза блуждали, выискивая подсказ-

ку в собственных мыслях, и вдруг взгляд замер, словно обретя опору. Почтительно поклонившись, он развернулся и направился прочь.

Старейшина провожал его взглядом, и в глазах его светилась тихая гордость.

***

— Лаура.

Голос едва пробился сквозь грохот инструментов, разносившихся тяжелым эхом по просторному двухэтажному помещению. От потолка до пола витала пыль, кружась в солнечных лучах, а между строительными лесами и недоделанными колоннами сновали рабочие. Посреди этого контролируемого хаоса, склонившись над деревянной рамой, сидела высокая стройная женщина с платком на голове. В руках ее лежала стамеска, которой она выводила замысловатый узор, а большая часть лица была скрыта за маской из ткани.

Она не отозвалась на зов. Только медленно подняла голову, и серо-голубая стужа ее глаз — холодная, как пасмурное утро — встретилась с гранатовым взглядом Луксора, пылающим, словно закат. Когда он обратился с просьбой о личной беседе, уголки ее губ под маской дрогнули в вежливом, но неохотном жесте.

Минуту спустя они уже стояли во дворе под густой кроной дерева, чья листва дарила спасительную прохладу от палящего дневного солнца. Гул инструментов глухо доносился из-за стены, но здесь все же было достаточно тихо для

спокойного разговора. Луксор всматривался в лицо Лауры, пытаясь отыскать там хотя бы искорку тепла, но натыкался лишь на ледяную, отполированную годами стену отчуждения.

Приспустив маску с лица, Лаура обнажила алые губы, которыми обвинительным тоном произнесла:

— Ну что? Довольны?

Луксор хотел ответить, но она не дала ему и шанса. Голос ее стал тверже, а каждый слог был отточен и ядовит:

— Год назад один из ваших братьев уже наведывался к нам. Тогда он принес странную весть: будто Совет не нашел для моего сына места среди нормальных ветвей и, вместо того чтобы вразумить, позволил ему выбирать. И, разумеется, он выбрал путь саморазрушения. — Она усмехнулась, но в этой усмешке не было ни капли радости. — Что на этот раз? Может, теперь, когда мой сын в больнице, я наконец услышу хоть что-то разумное? Но вряд ли… Что-то подсказывает, что ты пришел вовсе не за этим.

Она не сводила прищуренных глаз с Луксора, в которых пряталось презрение, обернутое в шелк. В простом холщовом платье, с утонченными чертами лица, Лаура казалась обманчиво прекрасной — как дикая кошка, готовая в любой момент выпустить когти из мягких подушечек лап. Интуитивно насторожившись, Луксор на миг усомнился в правильности своего решения, но отступать было поздно. Медленно и осторожно, словно показывая, что он не враг, он произнес:

— Лаура, я понимаю твою боль. Ни одно решение Совета не дается легко. И поверь, решение, касающееся твоего сына, было одним из самых трудных для нас. Мы лишь хотели уберечь его от лишних страданий, дать ему время самому осознать, что путь, который он выбрал, слишком тяжел.

— *Уберечь?* — фыркнула она. — Вы дали ему яд, подсластив его надеждой! И смотреть, как эта надежда разбивается, оставляя в глазах ребенка еще большее разочарование, вы оставляете родителям. Тем, кто каждую минуту содрогается от мысли, что их дитя обречено стать избранным. Избранным смертью!

Луксор закрыл глаза и медленно выдохнул:

— Не за тем я пришел, чтобы обсуждать решения Совета…

— Конечно, — отрезала она. — Ты пришел сообщить что-то. Так говори.

Она скрестила руки на груди и отвернулась. Даже в этом движении — плавном, почти грациозном — читалась непреклонность.

— Лаура, прошу, выслушай, — произнес Луксор, вкладывая в слова всю теплоту, на которую был способен, чтобы пробиться сквозь ее ледяную броню. — Я пришел не по решению Совета, а по личной инициативе. Через неделю начнется второе Испытание, и мы оба знаем: несмотря ни на что, он не откажется от участия. И если с его физическим здоровьем ему помогут в Доме исцеления, то поддержать его мо-

рально не сможет никто. Никто, кроме тебя.

В глазах Лауры мелькнула усталая тоска. Но уже мгновение спустя она покачала головой, словно отталкивая слова прочь.

— Лаура! — настойчивее произнес Луксор. — Ты можешь ненавидеть Энергию, можешь презирать всех нас, но он — твой сын! Неужели в час Испытания ты оставишь его одного?

Он замер с мольбой в глазах, и тишина упала между ними тяжелым камнем, прерываемая лишь шелестом листвы и глухими ударами молотков за стеной. Наконец Лаура едва слышно прошептала:

— Я… не могу.

Она прикрыла рот ладонью. В этом жесте заключались все ее бессилие, вся вина, весь страх. Луксор, ощущая, как внутри закипает беспомощная злость, оперся руками на край кирпичной ограды и стиснул их так сильно, что камень под пальцами с хрустом треснул.

— Мне нечего сказать ему… — будто не замечая его глухой ярости, продолжила Лаура. — Мне, его матери, не хватит духу солгать ему в лицо, зная, какое разочарование его ждет…

— Слова поддержки — это не ложь! — горячо возразил член Совета, и вдруг услышал почти доверительно:

— Ему будет лучше, если ты сам поговоришь с ним.

Луксор замер. Она же опустила глаза, и ее голос, став ти-

ше, дрогнул от непролитой боли:

— Ты всегда был его кумиром. Иногда, после очередной неудачи, когда мне кажется, что он готов отречься от всего, он смотрит на тебя — и снова продолжает пытаться… Я проклинаю эту его мечту… а вместе с ней… и тебя. Но если кто и способен вселить в него силы, то только ты.

По ее щекам медленно скользнули слезы, и впервые Луксор увидел перед собой не холодную, непреклонную женщину, а измученную мать.

— Ты заблуждаешься, — сказал он, стараясь ухватиться за этот хрупкий миг истины. — Твой сын будет счастлив, если...

— С ним ведь все будет хорошо? — неожиданно перебила она, резко вытирая слезы ребром ладони. Ее глаза мгновенно остыли, вновь став ледяными и безразличными, словно весь их разговор был репетицией в театре.

Почти потрясенный этой метаморфозой, Луксор медленно разжал кулаки. В этот момент он понял: он проиграл. После короткой паузы, глядя прямо ей в глаза, он произнес честно, без прикрас:

— Я не могу знать будущего.

Алые губы Лауры, только что дрожавшие от подавляемого плача, изогнулись в недовольную гримасу:

— Если с ним что-то случится, виноваты будете только вы.

Луксор сразу понял: это не упрек, а спасение — щит, за

который она спряталась от правды, которую не в силах была принять. Чувствуя, как разговор превращается в пытку для них обоих, он тихо произнес:

— Я сделаю все, что смогу.

***

— М-м-м…

Он с трудом открыл глаза, пытаясь сфокусировать размытую картинку. Комната вокруг тонула в ослепительной белизне: белые покрывала, белоснежные занавески, белая одежда женщины, дремлющей у стены. Все казалось нереальным, словно он очнулся внутри снежного облака, парящего в вышине.

Он бессознательно пошевелился — кровать тихо скрипнула, и женщина, до этого казавшаяся частью интерьера, вдруг вскочила и выбежала за дверь, оставив его одного в этой стерильной тишине. Повернув голову к большому окну, он замер. Там, за стеклом, простиралось голубое небо, сливающееся на горизонте с бескрайней синью океана. Легкий ветер колыхал занавески, наполняя комнату соленым воздухом и свежестью.

«Прекрасный день… И отвратительное состояние».

Мысль пришла с трудом, сквозь пульсирующую боль во лбу. Тело было настолько ослаблено, что даже сжать пальцы в кулак казалось непосильной задачей.

— Проклятье… — прошипел он сквозь зубы.

— Я рада, что ты наконец проснулся.

Ласковый, обволакивающий голос мягко вытолкнул его из бездны отчаяния, в которую он уже готов был себя ввергнуть. Он повернул голову и встретился с глазами — прекрасными, насыщенно-карими глазами женщины, чей взгляд, полный тепла, заставил его затаить дыхание.

Она подошла ближе, опустилась на стул рядом с кроватью, и легкий аромат полевых трав окутал его, словно утренний туман.

— Как себя чувствуешь? — спросила она с заботой, и он, растерявшись, едва смог ответить:

— Не знаю…

— Как это «не знаю»? Ты что, себя не ощущаешь? Эй! — Она щелкнула пальцами перед его глазами и улыбнулась еще шире, становясь еще милее. — Ты здесь? Или где-то еще?

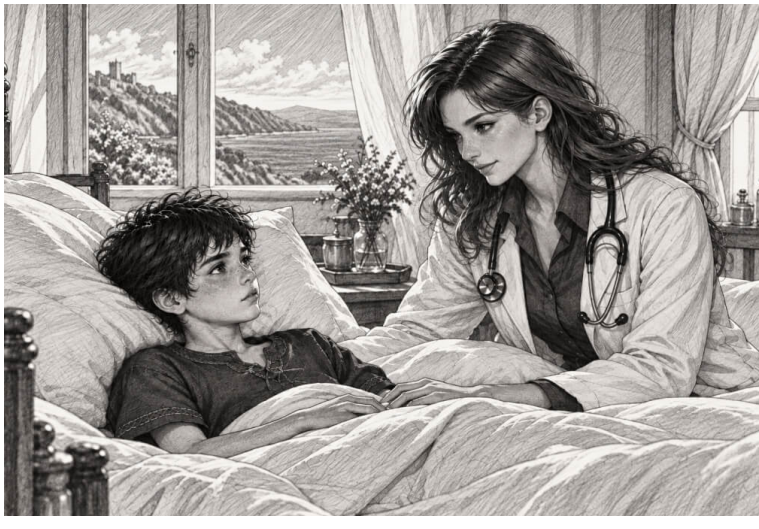
Он молчал, не в силах отвести взгляда от ее глаз, в которых хотелось утонуть.

— Видимо, не здесь, — мягко усмехнулась она.

— Я… — попытался сказать он, но все слова словно позабылись.

— Смотри сюда, — сказала она и начала водить указательным пальцем из стороны в сторону. Потом осторожно коснулась его лба, оттянула нижнее веко, сжала запястье и замерла.

«Какая же она красивая…»

Он вдруг вздрогнул, когда губ незнакомки коснулась едва заметная улыбка, словно он сказал это вслух.

— Меня зовут Эмилия, — представилась она. — Я заведую детским отделением.

— Так я в Доме исцеления?! — ошеломленно воскликнул он, резко обретя дар речи.

— Конечно. А где же еще? — с легкой иронией ответила она. — Не в Зале же трапезы!

— Проклятье… — выдохнул он мрачно, на что Эмилия удивленно вскинула брови.

— Ого. А не рано ли для таких слов?

Он не ответил, хмуро уставившись в простыню. Эмилия

мягко уточнила:

— Ты ведь здесь впервые, верно?

— Да. Только снаружи видел. Красивое место.

Она улыбнулась, и в ее голосе появилась почти торжественная нотка:

— Дом исцеления красив не только снаружи, но и внутри. Здесь люди находят покой, за ними ухаживают, и они набираются сил. Здесь можно забыть обо всех тревогах…

Он начал догадываться, к чему ведет эта речь. Но ее голос лился, словно теплый мед, заставляя ослабить стальную хватку, которой он привык сжимать себя изнутри. Гнетущие мысли таяли, уносились прочь, как облака за окном. Он почти растворился в этом сладком, безопасном покое, когда до него донеслось:

— Ты побудешь здесь недельку…

— Что?!

Он распахнул глаза, словно его окатили ледяной водой, и покой тут же обернулся паникой.

— Это невозможно! — воскликнул он, став бороться с простыней, запутавшей ноги.

— Успокойся. Ус-по-кой-ся, — мягко попросила Эмилия, кладя руку ему на плечо, но он уже не слушал. Все-таки поднявшись, он сделал пару шатких шагов — и тут же схватился за голову, будто по вискам ударили кувалдой. Лишь подоконник, за который он ухватился вслепую, помог ему устоять на ногах.

— Ох… — простонал он.

— Я сказала: *сядь*.

Мягкость в ее голосе исчезла, уступив место силе, которая отозвалась в его сознании как непререкаемый приказ. Он послушно опустился на подоконник, по-прежнему держась за голову рукой.

— Через неделю у меня Испытание... — выдохнул он, опустив глаза. — Я должен тренироваться.

— Ты правда считаешь, что способен тренироваться в таком состоянии? — спокойно, но уже серьезнее спросила Эмилия, и ее отрезвляющие слова отозвались болезненным уколом.

— У меня нет выбора… — обреченно пробормотал он.

— Выбор есть всегда. Начнем с простого. Как ты себя чувствуешь? Только честно.

— Плохо… — с недовольством выдавил он.

Эмилия одобрительно кивнула:

— Вот так. Признать слабость — первый шаг к исцелению. Так как же ты собрался тренироваться, если едва стоишь на ногах?

— Как всегда, — ответил он с ноткой хвастовства.

— Как всегда… — повторила она, качая головой. — А что, если я скажу, что этим ты только усугубишь свое состояние?

— Потерплю. Потом передохну, — буркнул он, отчего Эмилия закатила глаза и вздохнула:

— Ох уж эти мужчины… Думают, что терпеть — это и значит быть сильным.

Он поднял на нее удивленный взгляд:

— А разве не так?

— Не так, — ответила она без колебаний. — Силы рождаются не из упрямства, а из восстановления. Я, как-никак, врач. И вижу по твоим глазам и пульсу: твое тело на грани. Если сейчас дашь себе нагрузку — через пару дней не сможешь даже встать с кровати.

Он хотел возразить, но в ее словах звучала такая уверенность, что все его аргументы умерли, не успев родиться. Только пальцы нервно сжались на коленях.

— Но я обещаю, — тихо, но весомо добавила она, — здесь ты сможешь не просто восстановиться, а прийти на Испытание сильным, как никогда.

Он коротко выдохнул, и на губах мелькнула недоверчивая усмешка. Эмилия снисходительно прищурилась:

— Ты, похоже, совсем не представляешь, на что способен настоящий отдых. Но поверь, ты хотя бы сможешь выйти в круг вместе со всеми, а не наблюдать за Испытанием с больничной койки.

Он взглянул на нее снова — все еще с недоверием, но уже без прежней мрачности. Несколько секунд он колебался, но затем, с тяжелым выдохом, неохотно произнес:

— Что я должен делать?

Эмилия улыбнулась — мягко и слегка победоносно — на-

клонилась ближе и шепнула, словно доверяя тайну:

— Всего лишь следовать моим рекомендациям. И главное — не упрямиться.

Глава 9. Кумир

В своем отчаянном, почти безумном стремлении пробудить Энергию он довел себя до полного изнеможения — настолько, что в первые дни ему запрещали даже вставать с постели. Тело, которое он привык считать лишь инструментом для достижения цели, теперь отзывалось болью при каждом движении, а сам он чувствовал себя полностью пустым, словно яйцо, выеденное изнутри.

Но самым тяжелым испытанием было не это, а ощущение бездействия, сводившее с ума. Все его существование всегда вращалось вокруг движения, преодоления, борьбы — и теперь тело, привыкшее к нагрузкам, словно зудело изнутри, требуя привычного ритма. Мысли снова и снова уносили его к утесу, где он изнурял себя до седьмого пота, и к Испытанию, нависшему над ним, как грозовая туча.

Эмилия, будто чувствуя, куда уходят его мысли, делала все, чтобы вырвать его из этого плена. Заботливые сестры приносили ему настольные игры, приключенческие книги, забавные головоломки — но все это быстро теряло привлекательность: кроме пожилых пациентов, игравших с черепашьей медлительностью, скоротать время было не с кем, а буквы на страницах книг упрямо складывались в слова о грядущем Испытании, даже если в тексте речь шла о походе за край света.

Лишь через несколько томительных дней безделья, когда ему наконец позволили выходить во двор, у него появилось ощущение — пусть иллюзорное — что он снова чем-то занят. Все это время он посвятил исследованию новой для себя территории, и вскоре с удивлением понял: Дом исцеления — не просто лечебное заведение, а целый мир, созданный для того, чтобы забывать о болезнях и страданиях.

Здания из розового кирпича, местами облицованные белым мрамором, гостеприимно сияли на солнце, словно дворец из старинных легенд. Широкие и высокие окна щедро впускали свет вместе с ароматами морского бриза и цветущих садов, и казалось, будто сами стены уютных залов и комнат излучают тепло и радость, делясь ими с каждым, кто переступил порог.

Весь комплекс возвышался на склоне потухшего вулкана. С высоты птичьего полета он напоминал огромный прямоугольник, в центре которого возвышалось крестообразное здание, соединенное с другими корпусами застекленными переходами. Позади, ближе к жерлу, тянулись парки и сады — настоящие лабиринты из зелени, где по тенистым тропинкам неторопливо прогуливались пациенты, наслаждаясь покоем.

Под вечер, облазив почти каждый уголок, он вышел к сцене под открытым небом. Люди вокруг смеялись, наблюдая за игрой актеров, аплодировали в такт зажигательной музыке и подпевали музыкантам с лютнями. Он смотрел на все это

веселье со стороны и думал, что, окажись он здесь в любой другой момент своей жизни, наслаждался бы каждым мгновением. Однако сейчас над ним нависала неумолимая тень Испытания, и даже самая яркая радость, пробиваясь сквозь нее, казалась бледной, словно свет далеких звезд на рассвете. Лишь когда появлялась Эмилия, его мир сужался до нее одной. Принимая из ее рук настойки из трав, он проглатывал их с преувеличенной гримасой — не столько из-за вкуса, сколько для того, чтобы вызвать ее улыбку и смех, ради которых был готов выпить хоть целую бочку горького отвара.

В эти короткие визиты она всегда находила время поговорить с ним — не как врач с пациентом, а как человек с человеком, а порой — и как мать с сыном. Она расспрашивала его о детстве, которое он старался не вспоминать, о мечтах, о страхах, которые он прятал глубоко внутри, и всегда, когда он поражал ее своими ограниченными взглядами и категоричными убеждениями, старалась мягко показать другой угол зрения, словно приподнимая тяжелый занавес, за которым открывался иной, непривычный мир. И хотя по сути своей ее слова мало отличались от речей учителей, ее редкий, удивительный дар убеждения напрочь лишал его желания спорить. В такие моменты он просто слушал, поддаваясь чарам ее голоса, и ощущал себя ребенком, которому наконец позволили снова быть нужным и любимым.

На пятый день, после плотного завтрака, он привычно вы-

шел в сад, уже заранее смирившись с тем, что день вновь растянется вязкой лентой скуки. Сыграв несколько партий в шахматы с одним из пожилых пациентов — и, разумеется, снова проиграв, — он неохотно опустился на одну из скамеек возле центрального здания. Солнце поднималось выше, заливая дорожки золотом, а он все сидел с отсутствующим выражением лица, пока взгляд его внезапно не зацепился за нечто, от чего внутри все напряглось.

На другой стороне аллеи, в окружении пышных ярких клумб, на скамье сидела девочка. Та самая. Та, чьи длинные, густые, черные волосы он не мог забыть с прошлого года. Они струились по ее плечам почти до самых ступней, поблескивая в мягком утреннем свете, пока она неспешно, с какой-то завораживающей грацией расчесывала их деревянным гребнем.

Он распахнул глаза: сердце сжалось, а потом забилось часто-часто, словно пойманное на крючок. И вот, когда их взгляды наконец встретились… он резко отвернулся, застигнутый врасплох.

«Что она здесь делает?! Неужели заболела? Или… Да какая разница ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ?!»

Мысли заметались в панике. Он сидел неподвижно, покрывшись испариной волнения, не решаясь даже пошевелиться, и лишь украдкой, краем глаза, снова и снова бросал на нее пугливые взгляды. Теперь, когда она была совсем рядом, он старался не упустить ни одной детали, впитывая

каждую ее черточку, как иссохшая земля — первый дождь.

Кожа незнакомки была удивительно светлой на фоне загорелых жителей вокруг, а лицо не просто красивым, а каким-то удивительно гармоничным, словно мелодия, в которой нет ни одной лишней ноты. В нем одновременно сочетались задумчивость и детская безмятежность, мягкость линий, едва заметная ямочка на подбородке и светло-розовые губы. А еще — до боли знакомое ощущение, будто он видел ее уже много раз, и не только в своих снах.

Но сильнее всего притягивали ее большие миндалевидные глаза — темные и выразительные. В них не было ни грусти, ни тревоги, лишь тихая вера в то, что жизнь — это праздник, сотканный из света и тепла. Она выглядела немного младше его — может, на год, может, чуть больше — но рядом с ней он ощущал себя пришельцем, случайно забредшим в сказку, созданную только для нее.

Он вдруг заметил, что она тоже посматривает в его сторону, и всякий раз поспешно отводит взгляд, едва встретившись с ним глазами. Так незаметно для обоих началась их первая игра — игра взглядов, в которой они словно пытались выяснить, кто из них окажется самым робким. А потом, когда их глаза вновь столкнулись, на ее губах появилась легкая, застенчивая улыбка — самая прекрасная из всех, что он когда-либо видел.

— Алисия, идем, тебя зовет мама! — донесся женский голос из дверей центрального корпуса. Однако он обратил на него внимание лишь тогда, когда незнакомка поднялась со скамьи и, бросив на него последний взгляд, ушла.

В груди кольнуло. Он не мог поверить, что их встреча, которую он столько раз прокручивал в голове, закончилась так несправедливо быстро.

«Глупец! А ты думал, она будет сидеть здесь весь день и ждать, пока ты на что-то решишься?!» — корил он себя, упрямо оставаясь на месте в тайной надежде, что она вернется. Но когда звонкий удар колокола позвал на обед, ему все же пришлось покинуть место случайного свидания.

Всю дорогу до столовой его взгляд метался, выискивая ее среди множества лиц. Напрасно. К тому моменту, как на стол поставили миску с дымящимся супом, он почти убедил себя, что она была лишь плодом его истощенного сознания. Без аппетита проглотив пару ложек, он медленно поплелся обратно в сад.

И вдруг — снова она! В белом платьице с короткими рукавами идет прямо навстречу ему. Его сердце подпрыгнуло, а ноги, напротив, приросли к земле. Возможно, он так бы и стоял столбом, позволив ей пройти мимо, если бы вдруг не почувствовал легкий «случайный» толчок в плечо.

— Эй! — вырвалось у него не то с возмущением, не то с радостью. Девочка остановилась, обернулась, приподняла брови домиком и с невинным, слегка удивленным выражением произнесла:

— Ой, прости! — и улыбнулась — так искренне и светло, что он едва смог выдавить:

— Ты… Э-э… Алисия, да?.. Красивое имя…

Уже через несколько минут они сидели рядом на одной скамье. Вся неловкость первых мгновений словно растворилась без следа, но на смену ей пришла почти навязчивая говорливость, с помощью которой он пытался произвести впечатление.

— Я слишком усердно тренировался, поэтому оказался здесь, — тараторил он, с важным видом разглядывая свои

ногти. — С первым Испытанием я справился — и, кстати, был одним из немногих, кто вообще дошел до конца. Теперь осталось завершить второе, и тогда я окажусь в Пределе, где…

Он осекся, заметив, что тактика Рикса, на которую он так рассчитывал, почему-то не работает. Алисия слушала, но с таким скучающим видом, словно его слова были мыльными пузырями, лопающимися один за другим. Пару раз она даже тихо зевнула, прикрыв рот ладонью.

— Э-э… ну, а ты… что здесь делаешь? — смущенно пробормотал он, почесывая затылок.

— Пойдем в оранжерею? — неожиданно предложила она, легко поднимаясь со скамьи.

— Оранжерею? Какую еще… — растерялся он, не имея ни малейшего понятия, о чем речь, но тут же, нацепив на лицо умное выражение, добавил: — А-а-а, ту самую…

— Пойдем, — повторила она, уже шагая вперед.

И он, вскочив, поспешил за ней — странно счастливый и одновременно нелепый, словно преданный щенок, радостно бегущий за хозяйкой к чуду.

***

Когда перед его глазами выросла конструкция из стекла и железа, он замер, никак не ожидая, что в стороне от Дома исцеления, за густой чащей, окажется такое великолепие. Огромная, многоуровневая, с прозрачными стенами и куполами, оранжерея сверкала серебром и золотом в лучах

солнца, будто сама была соткана из света. Сквозь ее крышу пробивались верхушки деревьев, поражая величием, сравнимым разве что с Пределом.

— Невероятно… — выдохнул он, не в силах вымолвить больше. Алисия, напротив, улыбнулась так спокойно, будто показывала ему не шедевр архитектурного искусства, а обычный садик у себя во дворе.

— Здесь растут самые редкие растения, — сказала она, уверенно ведя его к входу. — Ведь вулканическая почва — лучшее удобрение. А еще здесь находятся самые старые деревья на острове. Некоторым больше тысячи лет. И, конечно, о-о-очень красивые цветы. Некоторые раскрываются только ночью.

— Откуда ты столько знаешь? — спросил он, искренне пораженный ее осведомленностью.

Ее ответ оказался до смешного прост:

— Книжки читаю.

Он аж дар речи потерял.

— Я… я тоже читаю! Нечасто, но… — промямлил он, пытаясь не выглядеть совсем уж безнадежно, но Алисия, хихикнув, произнесла:

— Такие точно не читаешь. Не могу представить, чтобы кто-то добровольно зачитывался справочниками о травах и корнях.

— М? — вопросительно нахмурился он. — А ты зачем тогда читаешь?

Алисия слегка вздохнула, словно сама не раз задавала себе тот же вопрос:

— Для профессии. В моей семье все лекари. Кроме отца. Я тоже решила посвятить себя этому пути.

— О! — воскликнул он, будто разгадав великую тайну. — Так вот почему я ни разу не видел тебя в Арете!

— Я редко там бываю, — спокойно ответила она, поправляя непослушную прядь, которая упрямо падала на глаза. — В основном учусь дома или в небольших группах с такими же, как я.

— И как тебе?

Девочка промолчала, но по ее натянутой улыбке он понял, что ответ, скорее всего, — скучно. Он хотел сказать что-то ободряющее, но, сделав шаг внутрь оранжереи, невольно издал громкий, почти детский возглас восхищения — и все мысли вылетели из головы.

Их мгновенно окутал жаркий, влажный воздух, насыщенный ароматами листвы, коры и тысяч цветов. Уже в первом просторном зале его взгляд заметался, не зная, на чем остановиться. Здесь были цветы величиной с раскрытый зонт, травы, свисающие с потолка словно зеленые парики, листья, похожие на огромные веера, и стебли, переливающиеся всеми оттенками изумруда.

— Это же… целый лес под стеклом! — прошептал он, почти благоговейно.

Алисия, с видом опытной наставницы, кивнула и жестом

пригласила следовать за собой.

Во втором зале перед ними раскинулись миниатюрные пруды и тонкие, журчащие ручейки, обрамленные влаголюбивыми растениями и стройными пальмами. Вода искрилась, отражая лучи солнца, а рядом группа учеников — в основном девочек — слушала лекцию о свойствах растений. Завидев Алисию, несколько из них радостно помахали ей руками.

Дальше следовали залы поменьше, каждый посвященный отдельному виду растений: зал орхидей, зал редких трав и даже зал кактусов — строгий, колючий, но по-своему прекрасный. Но настоящее чудо ждало их впереди. По широким, симметрично изогнутым лестницам, обнимающим с двух сторон пышный оазис, они поднялись в последний, самый огромный зал — и здесь он по-настоящему потерял дар речи.

Зал напоминал гигантский бассейн, полностью заросший зеленью, где росли деревья-исполины. От площадки, на которой они оказались, к могучим стволам тянулись арочные мостики и узкие подвесные переходы. По ним можно было подняться на уровень выше, к нижним ярусам крон, или спуститься ниже, к корням.

— Давай доберемся до конца зала, только незамеченными! — вдруг шепнула Алисия, и глаза ее весело сверкнули озорством.

— Я за! — с удовольствием согласился он, и они начали

тихо пробираться по мостикам, стараясь не попадаться на глаза работникам оранжереи. Они прятались за густой листвой, замирали при каждом шорохе и переглядывались, едва сдерживая смех.

Вскоре из-за одного из столов послышался добродушный голос сотрудницы, заметившей знакомые волосы, предательски торчащие из-за ограждения:

— Алисия, снова играешь в любимую игру?

— Это не я! — весело откликнулась девочка, увлекая его дальше.

Их тихий смех звенел в теплом воздухе, когда вдруг впереди раздались голоса сразу нескольких человек. Алисия мгновенно схватила его за руку и втянула в густую зелень растений, под сень гигантского блестящего листа, который накрыл их словно полог. Здесь они затаились в тесноте, прижавшись друг к другу плечами. Почувствовав жар ее кожи, уловив тонкий аромат ее волос, его сердце забилось так сильно, что казалось, его бешеное биение слышно на весь зал. На мгновение мир сузился до этой близости, и в голове внезапно вспыхнуло дерзкое желание — хоть слегка, краешком губ коснуться ее щеки. Но…

— Ушли! — тихо воскликнула Алисия, приоткрывая лист и мягко выталкивая его из блаженного оцепенения обратно в реальность.

Наконец после череды удачных совпадений, когда все сотрудники отворачивались в самый подходящий момент, два

озорника благополучно выскользнули через дальний выход на свежий воздух.

— Уф! — выдохнул он, вытирая пот со лба. — Если бы ты не знала всех этих закоулков, нас давно бы поймали!

— Не поймали, — уверенно возразила она, грациозным движением откинув волосы назад. — Я всегда ухожу победителем. Наверное, это мой врожденный талант.

***

Смеясь и перебивая друг друга от впечатлений, они вернулись на тропу, ведущую к Дому исцеления. Птицы заливались радостными трелями, листья трепетали на теплом ветру, а все вокруг словно светилось — то ли от щедрого солнца, то ли от внутреннего тепла, переполнявшего их с головой. В какой-то момент он остановился посреди тропы, распахнул руки, будто пытаясь обнять весь день, и выпалил с восторгом, который невозможно было сдержать:

— Благодаря тебе я совсем перестал думать об Испытании! Даже не думал, что это возможно!

Алисия удивленно приподняла брови и неожиданно спросила:

— Почему оно так тебя тревожит?

— Как это «почему»? — посмотрел он на нее с изумлением. — Если я не пройду, то не смогу попасть в Предел.

— И-и-и что тогда? — пожала она плечами. — Если у тебя есть предрасположенность, ты пройдешь. А если нет — подберешь другую ветвь, ту, что действительно твоя.

— «Что тогда?» — повторил он, и в его голосе впервые за весь день проскользнула горькая нотка. — Алисия… для меня Предел — это не просто «ветвь». Это — моя мечта.

Она продолжала смотреть на него с искренним непониманием, слегка склонив голову.

— Мечта о чем?

Он замолчал, пытаясь подобрать слова. А когда заговорил — голос его будто исходил из самого сердца.

— Мечта доказать, что я способен на большее, чем думают другие. Мечта быть хозяином своей судьбы, а не какой-то там «природы». И это еще не все. Я не просто хочу обучиться Внутренней Энергии. Я хочу овладеть Силой! Тогда я смогу помогать всем на Острове, как братья из Совета. Помнишь, как Кристиан усмирял тайфун? А Левиан и Масон остановили тот дождь из метеоритов? Я хочу быть как они! Нет… — он выпрямился, сжав кулак, будто давая клятву перед лицом всего мира, — я стану как они! И у меня будет своя — самая удивительная, самая неповторимая Природная Энергия!..

Он осекся, заметив ее взгляд. Алисия смотрела на него широко раскрытыми глазами — и впервые в них мелькнуло нечто похожее на восхищение.

— Я еще никогда не встречала человека, настолько одержимого своей мечтой, — произнесла она почти шепотом.

Эти слова заставили его замереть. А затем на его губах появилась улыбка, полная особого света. В этот раз в его намерениях не было ни капли хвастовства, ни желания казать-

ся лучше — лишь чистый, искренний порыв, часть которого, казалось, передалась и ей.

Но вдруг ее улыбка поблекла, сменившись на утешительную.

— Жаль только… это невозможно, — тихо сказала она.

Он ответил ей взглядом, в котором читалась твердая уверенность:

— Мне говорили то же самое про первое Испытание. Но я его прошел.

— Я не сомневаюсь в тебе, — быстро добавила она. — Просто Энергия, особенно Природная, — это совсем другая высота. Космическая.

Он шумно выдохнул, отвернулся и пошел по тропе, стараясь скрыть досаду. Весь этот разговор вдруг показался ему несправедливым — словно она даже не пыталась его понять.

— Значит, и ты в меня не веришь, — бросил он, не оборачиваясь. — Ну что ж… *увидишь*.

Улыбка медленно сошла с лица Алисии. Она догнала его и, стараясь говорить как можно мягче, заглянула в глаза сбоку:

— Прости. Я не хотела тебя задеть. Просто… я лишь сказала то, что все и так знают. Сила — это почти недостижимая вещь.

— О! Ну почему ты так говоришь?! — вырвалось у него слишком резко. Но Алисию это не смутило, и она ответила спокойно, терпеливо, словно учительница, объясняющая

непонятливому ученику очевидную истину:

— Подумай сам. Когда хоть кто-нибудь в последний раз достигал Силы?

— Э-э-э… — замялся он, растерявшись.

— Вот именно, — кивнула она. — Ты даже не знаешь. Каждый год десятки людей отправляются в Предел, но никто не доходит до Природы. Никто.

Его кулаки непроизвольно сжались.

«Проклятье… а ведь она права…»

Алисия продолжила, словно раскрывая перед ним страницы книги, которые всегда лежали на виду, но которые он упрямо отказывался замечать:

— Ты говорил, что хочешь быть как Луксор? Так вот, ему сейчас полвека. А знаешь, сколько ему было, когда он овладел Силой?

— Н-нет… — ответил он, ошарашенный тем, что не знает.

— А я знаю — около тридцати. Представь: тебе придется потратить еще двадцать лет на тренировки. Двадцать! В лучшем случае. Ведь большинство не могут обрести Силу ни в сорок, ни даже в пятьдесят. — Она сделала паузу, и тут же добавила, почти размышляя: — Ну хорошо, допустим, тебе удастся овладеть хотя бы Внутренней Энергией. А что дальше? Ее ведь используют там, где нужна физическая сила — в шахтах, на стройках, при перевозках. Получается, твоя мечта сводится к тому, чтобы стать самым сильным грузчиком

на Острове?

Он резко застыл, будто его шарахнула молния. Голос Алисии звучал мягко и приятно, но каждое ее слово впивалось в него, как раскаленные иглы. Даже его родители со всей своей ненавистью никогда не обесценивали его мечту так жестоко. В одно мгновение вся его возвышенная цель рухнула с небес на землю, и он вдруг увидел себя не героем, спасающим мир от тайфунов и метеоритов, а всего лишь запыленным мужчиной, согнутым под тяжестью ящиков.

— О… откуда ты так много знаешь об Энергии?.. — выдавил он, когда слегка пришел в себя.

Алисия смутилась и отвела взгляд.

— Мой отец… в Пределе…

— Что?! Твой отец обладает Энергией?!

— Да, — с горечью ответила она. — Но лучше бы не обладал...

— Но… почему?! — воскликнул он, совершенно сбитый с толку.

— Да потому что мы с мамой его почти не видим! — выпалила она, и голос ее дрогнул от обиды. Но почти сразу, словно испугавшись собственной откровенности, она поспешно отвернулась, прикусила губу и замолчала.

Они продолжили путь, но теперь каждый их шаг отдавался в тишине слишком громко. Пение птиц в ветвях, еще недавно такое живое и радостное, стало чуждым, а мир вокруг потускнел, словно лишившись света, — лишь подчер-

кивая ту невидимую, но внезапно возникшую пропасть между ними.

Когда они наконец добрались до крыльца главного корпуса, он вдруг осознал: день, который утром обещал тянуться вечно, пролетел, как порыв ветра. С каким-то странным, щемящим смятением он посмотрел на Алисию, обнимающую себя за плечи, и услышал слова, которые больно кольнули в самое сердце:

— Мне пора домой.

— Уже?.. — едва выдохнул он, не в силах скрыть разочарования. И тут же, цепляясь за последнюю надежду, добавил: — Ты ведь придешь завтра?

— Нет, завтра не получится. Уроки.

— А-а… ясно… — пробормотал он, опустив взгляд. — Ну… тогда… спасибо тебе. За день. Мне он очень понравился.

В глазах Алисии снова мелькнул теплый свет.

— Мне тоже было весело, — сказала она, улыбаясь. — Здорово поиграли! — Она сделала шаг к выходу и махнула рукой. — Ну, я пошла. Выздоравливай скорее!

Она ушла. А он остался стоять на крыльце, чувствуя, как внутри нарастает холодная пустота, словно кто-то погасил костер в его груди, оставив лишь пепел и еле тлеющие угли. Ему казалось, что она ушла слишком легко, слишком спокойно, совсем не думая о нем, как если бы он не оставил в

ее сердце ни малейшего следа.

Он не пошел в столовую. Не пошел в свою палату. Весь остаток вечера он бесцельно бродил по пустеющим аллеям, наблюдая, как солнце медленно тонет в океане, окрашивая небо в багровые тона — и терзал себя одной и той же мыслью:

«Что же я сделал не так?..»

***

Почти сутки слова Алисии не выходили у него из головы. На следующий день, когда все процедуры остались позади, он, не желая гулять в одиночестве, вернулся в палату, сел на кровать и уставился в окно, где у горизонта лениво перекатывались волны океана. Сначала он не думал ни о чем. Просто смотрел, как вода встречается с небом, и пытался удержать мысли в этой пустоте. Но вскоре в сознании невольно всплыл образ Амфитеатра — большого полукруглого углубления на поверхности плато, окруженного каменными аркадами, где ему предстояло стать актером в представлении под названием Испытание.

«Уже завтра…»

Мир вдруг потускнел, словно он вновь оказался в Сером Лесу, и мрачные мысли, которые он старался оставить за порогом Дома исцеления, хлынули одна за другой.

«Куда же делось то чувство уверенности, что я испытывал еще вчера? Почему сейчас я чувствую себя абсолютно пустым?..

…Алисия была права, когда сказала, что Энергия — это совсем другой уровень. Выживать семь дней в экстремальных условиях легче, чем выдавить из себя хотя бы каплю. А вдруг и в этот раз у меня ничего не получится? Что же будет тогда?

Тогда, я окажусь всего лишь жалким, пустым болтуном…

Проклятье…»

— Ну что же ты…

Он моргнул и повернул голову. В дверях стояла Эмилия. При взгляде на нее все вокруг снова начало наполняться светом, словно мир только и ждал ее появления, чтобы проснуться от спячки.

— Я? — натянуто улыбнулся он. — Ничего. Просто смотрю в окно…

— Ты зря волнуешься, — сказала она, не теряя своей тихой уверенности, присаживаясь на другую сторону кровати. — Твое исцеление завершено. Можешь не сомневаться: ты стал сильнее, чем был раньше.

— Это неважно… — вдруг выдохнул он. — Мышцам, может, и легче, но внутри мне все так же тяжело. Мне кажется... я не смогу пройти Испытание.

— Один человек сказал: «Я смогу». Другой: «Я не смогу». Как думаешь, кто из них прав?

— Кто?.. — машинально переспросил он, без особого интереса.

— Они оба. Оба правы. Знаешь, почему?

— Знаю… — горько усмехнулся он. — Один — сильный и предрасположенный, а другой — я.

Улыбка на лице Эмилии стала шире.

— Знаешь, а я уже начинаю привыкать к твоим шуткам в стиле самоиронии.

— Уникальный стиль… — пробурчал он, пытаясь сдержать ответную улыбку.

— Так все же, почему? — повторила она.

Он задумался, а затем, с легким вздохом, произнес:

— Ну… первый — верит…

— Правильно, — кивнула Эмилия. — И, по-моему, вера в себя — одна из самых могущественных сил в этом мире.

— Но ведь… в Арете нас учат, что начало веры — это конец всякой мудрости, — осторожно возразил он, словно боясь разрушить ее уверенность.

Эмилия улыбнулась краем губ, будто разговаривала с ребенком, который еще не понял очевидного.

— Конечно. Но я говорю не о той слепой вере, что противоречит законам природы. Я говорю о той, что убирает ограничения, которые наш собственный разум ставит на пути к результату.

Ее слова звучали просто, но в них было столько уверенности, что внутри у него что-то дрогнуло. Но сомнения не собирались сдаваться так легко.

— Но… как я могу верить? Ведь я знаю…

— Что ты знаешь? — мягко, но настойчиво перебила она. — Что ты слаб? Но слабость — это всего лишь этап. Сегодня ты еще не умеешь, завтра можешь упасть, а послезавтра — уже подняться. Но есть то, что ты можешь выбирать всегда: выйти на Испытание пустым или — с чем-то внутри, на что можно будет опереться в момент, когда главные силы уже иссякли.

Он молчал, обдумывая ее слова. Тогда она протянула руку, легко провела по его волосам и с легкой насмешливой улыбкой добавила:

— Ну же. Не мне учить тебя упрямству.

Он невольно улыбнулся.

— Да… ты права, — признал он наконец. — Лучше выйти хоть с чем-то, чем совсем пустым.

— Вот именно. Чем чаще ты повторяешь, что у тебя ничего не выйдет, тем сильнее убеждаешь себя в этом.

— Просто… я столько раз говорил, что «смогу». Но каждый раз…

— Сила — это не огород вскопать, — сказала она с бесконечным терпением. — Это годы практики. И все эти годы ты должен твердить себе, что сможешь. Даже когда не веришь. Особенно тогда, когда не веришь.

Он глубоко вдохнул, задержал дыхание и произнес слова — пусть неуверенные, но уже тверже, чем прежде:

— Ладно. Тогда… я верю. Верю, что у меня получится. Может, не завтра, но когда-нибудь — обязательно.

— Уже лучше, — одобрительно кивнула она. — Гораздо лучше.

Он попытался улыбнуться, но вдруг наткнулся на последнюю стену своей мрачной уверенности.

«Она права: завтра я должен выйти на Испытание с верой, что у меня все получится. Однако дома меня точно ждет очередной скандал. После этого я вряд ли смогу настроиться на что-то хорошее…»

И вдруг, будто услышав его мысли, Эмилия произнесла:

— Да, кстати. Домой я тебя не отпущу. Завтра отправишься на Испытание прямо отсюда.

Он едва не вскочил от удивления. Он не знал, что делало Эмилию такой проницательной, но в груди сразу стало легче.

— Вот и хорошо, — сказала она, поднимаясь. Уже в дверях она обернулась и добавила с загадочной улыбкой: — А теперь… кое-кто ждет тебя перед фасадным зданием. Иди, прогуляйся.

Она озорно подмигнула и ушла, оставив его в удивленной растерянности.

«Кто это мог прийти ко мне? Точно не родители… Может, Рикс? Хотя он, наверное, сам сейчас настраивается на Испытание».

Он вдруг замер; глаза расширились от ужаса.

«О, нет… Только не кто-то из них!»

***

Солнце медленно клонилось к западу, заливая Остров

теплым, расплавленным золотом. Но стоило ему увидеть того, кто ждал у входа, его лицо мгновенно помрачнело, словно на него легла тяжелая тень от проходящей тучи.

Луксор. Сам Луксор — член Совета, Защитник, человек, которым он восхищался и на кого хотел быть похожим, ждал его у крыльца. Встреча с ним всегда была настоящим праздником.

Но только не сегодня. Только не сейчас.

Заметив его подавленный взгляд, наставник слегка смутился и осторожно спросил:

— Не рад меня видеть?

— Рад… конечно, — безрадостно ответил он, опуская глаза. — Просто знаю, что члены Совета не приходят просто так… Завтра Испытание, и я понимаю, что ты пришел сообщить мне кое-что…

— Что, например? — прищурился Луксор с легкой хитроватой улыбкой.

— Что меня снова нет в списках! — выпалил он почти с отчаянием, словно наставник уже произнес этот приговор вслух. — И что на этот раз я не могу туда попасть!

Луксор улыбнулся шире — и он сразу почувствовал, как вся его тревога тает под теплом этой улыбки. Затем наставник присел на одно колено и положил тяжелую ладонь ему на плечо.

— А вот и не угадал. Я здесь вовсе не для того, чтобы нагружать тебя плохими новостями.

Он замер. Недоверие еще жило в глубине глаз, но рядом с ним уже начинал зреть робкий интерес.

— Ну же! — подбодрил Луксор, похлопав его по плечу. — Я просто пришел проведать тебя. И заодно показать одно хорошее место.

— Правда?

— Абсолютно. Будь уверен. Эмилия сказала, ты полностью восстановился, а значит, я могу без зазрения совести отвести тебя туда, где путь… немного не из легких. Ну что, готов к сюрпризу?

Словно солнце выглянуло из-за туч, его лицо озарилось такой искренней, такой детской радостью, что Луксор невольно улыбнулся шире.

— С тобой хоть на край света! — воскликнул он, не скрывая восторга.

***

Около часа они поднимались по склону вулкана. Небо тем временем медленно преображалось, словно художник смешивал краски на огромной палитре: золотые оттенки заката сменялись яркими алыми, а над горизонтом уже проступала холодная бирюза приближающейся ночи. Ветер ласково касался разгоряченного лица, принося с вершины сладкий аромат цветов, смешанный с едва уловимой горечью редких трав, будто сам воздух хранил дыхание давно уснувшего вулкана.

— Не устал? — обернулся Луксор, с легкой улыбкой на-

блюдая за его шагом.

— Нет! — бодро откликнулся он. Бедро все еще ныло при каждом шаге, но в остальном он чувствовал себя удивительно легко, словно тело наконец-то вспомнило, что значит быть молодым и сильным. — Но куда мы все-таки идем?

— Уже скоро увидишь сам, — ответил наставник, легко и осторожно преодолевая россыпи каменных цветов — невысоких растений с хрупкими лепестками, чьи побеги тянулись к заходящему солнцу.

Наконец они подошли к участку, где склон становился пологим, а небо раскрывалось во всю свою необъятную ширь. Луксор остановился, оглядел пространство и, чуть повернувшись к нему, с легким предвкушением произнес:

— Вот мы и пришли. Ну, как тебе вид?

Он сделал еще шаг, поднял взгляд от каменистого грунта — и сердце на мгновение замерло.

Половина Острова простиралась перед ним, как на ладони — уютная, величественная, захватывающая дух. Внизу, словно вырезанный из цельного куска света, лежал город. Его улицы переплетались, образуя тонкую сеть, площади дышали свободой, крыши домов поблескивали янтарем, а чуть дальше, ровными линиями, тянулись поля и сады. За колоннами плато пряталось солнце, но пышные золотые лучи, словно лепестки раскрытого цветка, все равно пробивались сквозь каменные столпы, заливая пространство мягким светом. В этом свете, как в замедленном танце, на фоне строгих

учебных зданий грациозно проплывала стая крупных птиц, а по краям острова, словно изысканная рамка, мерцала безбрежная гладь океана.

Но даже это показалось ему блеклым, стоило взгляду достичь Предела, чья поверхность в лучах заката пылала медно-золотым, словно в его недрах текла раскаленная лава. Каждая грань, каждая выемка, каждый узор оживали в игре света и тени, превращая мертвый камень в живую кожу гигантского титана, застывшего на закате мира. С восточного склона скалы, в которой был вырезан Предел, серебряной нитью срывался водопад, падая с невообразимой высоты и превращаясь в шлейф из капель, которые ветер слегка подхватывал и уносил вбок, точно хрустальную пыль.

И в тот миг, когда ветер тронул его волосы, а внизу, в сгущающихся сумерках, зажглись первые огни города, он понял: этот вид, этот момент — останутся с ним навсегда.

— Какая… красота… — прошептал он, не в силах оторвать взгляда от открывшегося великолепия.

— Одно из моих любимых мест, — с глубоким удовлетворением ответил Луксор, слегка щурясь от солнца.

— Теперь и мое тоже. Если ты не против…

— Конечно, — улыбнулся наставник. — Если только тебе не надоест все время утруждать ноги, чтобы подняться сюда.

— Ради такой красоты — готов страдать сколько угодно, — сказал он, все еще восстанавливая сбившееся дыхание, но искренне улыбаясь.

— Вот и молодец, — одобрительно кивнул Луксор. — А теперь нам обоим полагается заслуженный пир — за старания.

Защитник опустился на мягкую траву, пригладил ее ладонью и достал из своей походной сумки небольшую скатерть. Он же, наблюдая, как на ней появляются фрукты, хлеб, авокадо, горсть орехов и пара вареных яиц, невольно облизнулся.

Некоторое время они сидели молча, наслаждаясь ужином и тем, как закат медленно уступает место густым сумеркам. Подкрепив силы, Луксор убрал скатерть, лег на спину, подложив руки за голову, и в его глазах мягко отразился свет первых звезд. Он последовал примеру наставника и устремил взгляд вверх, ощущая, как небо над ним словно растягивается, становясь все глубже и бескрайнее. Воздух сделался прохладнее, а звуки водопада, смешиваясь с далеким шумом океана, сливались в одну успокаивающую мелодию.

Он украдкой косился на Луксора. Рядом с ним мир казался спокойнее и безопаснее — почти так же, как рядом с Эмилией. И вдруг, глядя на Предел, с которого сходил последний громадный луч солнца, он прошептал, почти не осознавая своих слов:

— Неужели все это сотворили люди?..

Он не ждал ответа, но наставник, чье внимание было обращено в ту же сторону, произнес с тихим восхищением:

— Согласен. Трудно поверить, что это чудо создано руками человека. Когда-то здесь была просто скала, и я помню, как начиналась грандиозная стройка, в которую был вовлечен почти каждый житель острова. А ведь началось все… с обыкновенной шалости.

— С чего-о? — переспросил он. — С шалости?

— Да, представь себе… — улыбнулся Луксор, чуть криво, и взгляд его потеплел, будто перед глазами снова возникли картины далекой молодости. — В те времена наш город был всего лишь крохотной деревушкой, утопающей в зелени лесов. А мы, нынешние члены Совета, еще только учились пользоваться способностями. Некоторые из нас, такие как Масон, Левиан и Кристиан, были настоящими сорвиголовами, которые редко упускали шанс помериться силами.

— Хех, — хмыкнул он, не в силах поверить, что эти суровые и серьезные мужи были когда-то такими же непослушными, как он сам.

— Однажды эта троица учудила одну из самых известных своих выходок, — продолжил Луксор. — Помню тот день, как сейчас. Слово за слово, спор за спор — и вот Масон уже пытается доказать, что может свернуть горы. В буквальном смысле. И, конечно, никто из них не задумывался, к чему это может привести.

— А к чему это привело? — не выдержал он, уставившись на наставника во все глаза.

— К тому, что скала, на которую Масон направил свою

Силу, решила не терпеть такого обращения, — невесело усмехнулся наставник. — Она содрогнулась — и целая ее часть обрушилась вниз. Грохот стоял такой силы, что казалось, будто рушится само небо. Сверху, со свистом падали камни размером с дом — а я, как сумасшедший, мчался под этим смертельным дождем, пытаясь спасти этих троих, которые сами не понимали, что натворили. В тот раз я бежал быстрее, чем когда-либо в жизни, и все же мы едва успели унести ноги. Когда все стихло, мы стояли, покрытые пылью с ног до головы — живые, но совершенно ошеломленные. К счастью, никто не пострадал, но вот жители тогда перепугались не на шутку.

— Еще бы! — отозвался он, ощущая, как трепещет сердце от услышанного.

— Многие тогда сказали, что Энергия — слишком опасная сила, способная уничтожить целый остров. И они были недалеки от истины… Но когда страх улегся, мы смогли взглянуть на все спокойно. И перед нами открылось потрясающее зрелище. Как оказалось, Масон расколол скалу на две части так чисто, будто она была маслом под ножом. Одна часть почти полностью обрушилась, превратившись в гигантскую осыпь у подножия, а другая осталась стоять, обнажив гладкий, почти зеркальный срез. Чтобы ты понял, представь яблоко, которое разрезали пополам острым лезвием. Только лезвием была Сила, а яблоком — гора. Это было настолько величественно, что многие из тех, кто прибежал с

жалобами, замолчали от восхищения. А потом кто-то мудрый предложил не наказывать нас, а направить Энергию в мирное русло. Так и родилась идея академии. Чтобы следующим поколениям было где учиться — подальше от города.

Луксор сделал паузу и взглянул на мальчика. Увидев, что его глаза горят от волнения и восторга, продолжил:

— Так, из ошибки, хаоса и упорного труда родилась великая история Предела. Шаг за шагом, день за днем из молчаливой грубой скалы возникло то, что ты видишь сейчас. Когда работа была завершена, никто из нас не мог поверить своим глазам. Мы стояли и смотрели, как завороженные. И тогда один из жителей не сдержал восхищения и воскликнул: «И это еще не предел!» — а так как мы долго не могли определиться с названием, в шутку стали называть это место «Не предел». Со временем частица отпала, и, пусть смысл немного изменился, все равно, глядя на это творение, всегда вспоминаешь: объединившись, человек способен на великие свершения, а его творения, наряду с природными чудесами, могут стать частью вечного пейзажа.

Наставник замолчал, в воздухе остался лишь звук ветра, шевелившего траву, и далекий шум водопада.

Поглощенный рассказом, он перевел взгляд на каменный монумент — и тот предстал перед ним уже совсем иным: не просто скалой, а живым символом силы, воли и созидания всего Острова.

Подножием Предела служила массивная лестница, высе-

ченная из обрушившейся части скалы. Три широких марша с разных сторон вели к просторной площадке, в конце которой были вырезаны три величественных портала[4], открывающих путь в самое сердце скалы. Выше начинался фасад — целая каменная симфония, искусно сплетенная из многочисленных галерей, балконов, арок и колонн, плавно переходящих в этажи с вырезанными прямо в скале окнами, в которых прямо сейчас, словно отражение звезд на земле, начинали зажигаться теплые огни.

На самом верху Предела, почти в четырехстах метрах над землей, на ровной площадке располагался полукруглый Зал Совета. Неподалеку, по обе стороны, к небу тянулись две стройные квадратные башни с колоколами разных размеров, чей звон был голосом острова: средний отбивал каждый час, малый звал жителей Предела на обед или на тренировку, а самый большой звучал так, что его тяжелое, глубокое эхо разносилось почти по всему острову, возвещая о сборе Совета. Однако самым страшным для жителей было слышать его непрекращающиеся удары — знак беды и смертельной опасности.

— Но знаешь, — задумчиво произнес Луксор, не отрывая взгляда от Предела, — истинным чудом стало даже не то, что сотворил Масон и весь последующий труд жителей. Настоящим чудом явился разум, благодаря которому появилось нечто совершенно уникальное.

---

[4] Портал — декоративно оформленный вход.

Он сразу понял, о чем говорит наставник. Его взгляд как раз подобрался к тому месту, где над Залом Совета к скале был прикреплен огромный каменный диск, пересеченный двумя длинными и двумя короткими линиями, образующими крестообразный знак, который напоминал сияние звезды, застывшее в камне.

— Нашим ученым, изобретателям и ремесленникам удалось создать удивительный материал, — продолжил Луксор. — Что-то вроде зеркала, способного захватывать и удерживать определенный спектр излучения. Скажи, знакомо ли тебе название Сириус?

— Конечно! — оживленно отозвался он. — Сириус — это самая яркая звезда на нашем небе. Именно волны ее света мы наблюдаем с наступлением темноты!

Сказав это, он вскинул голову к небосводу, уже укутанному густой синевой — и в этот момент, словно по волшебству, Сириус подмигнул ему в ответ.

— Видел? Ты видел?! — воскликнул он, охваченный восторгом. — Она что, сделала это специально?!

Луксор не сумел сдержать короткого смеха, но в следующий момент оба притихли. Сияние звезды становилось все ярче, интенсивнее, пока каменный диск на вершине Предела не вспыхнул ослепительным светом, озарив на краткий миг весь Остров ярче, чем солнце в самый ясный день.

— Благодаря этому свету нам удалось развеять мрак ночей и сделать свет нашим постоянным спутником, — тихо, с

благоговением закончил Луксор, и словно в подтверждение его слов, от зеркального диска к небу устремились густые нити света — аметистовые, с серебристым отблеском, которые растеклись по темному куполу, образуя плавные, переливающиеся волны, словно отражая дыхание океана под ними. Через мгновение ослепительное сияние диска медленно угасло, и лишь крестообразные линии в его центре продолжали мерцать приглушенным, спокойным светом, словно за ними билось огненное сердце самой скалы.

— Это… это самое прекрасное, что я видел, — прошептал он, невольно приподнимаясь на локтях, будто молодой цветок, тянущийся к свету. И хотя он уже не раз становился свидетелем этого чуда, сегодня, с этой высоты, в компании Луксора и после услышанной истории, оно казалось еще более волшебным.

— Сириус… — вдохнул он, обращаясь к звезде, как к старому другу. — Спасибо, что светишь нам во тьме… и позволяешь мне дольше не возвращаться домой.

Наставник слегка скосил взгляд в его сторону. Он знал: если мальчик вспомнил о доме, значит вскоре в нем проснется грусть. Поэтому, не дав тишине загустеть, он перевел тему, сказав, как бы невзначай:

— Сейчас ты благодаришь звезду, но были времена, когда люди ее ругали.

Уловка подействовала: он повернулся к Защитнику и распахнул глаза в искреннем изумлении:

— Ругали? Звезду? За что?

— Прежде чем расскажу, запомни: это всего лишь миф. Слышал я его давно, так что могу ошибиться в мелочах… Но, может, так будет даже интересней.

Луксор сделал паузу, собираясь с мыслями, а затем, с уважением к каждому слову, будто передавая тайну, начал рассказ:

— Давным-давно, когда время еще не знало счета, жили на небе две звезды — два брата, Сириус и Сайрус. Вместе они задумали сотворить мир, чтобы увидеть, что из этого выйдет. Трудились вместе, сообща, не разделяя работу на важную и второстепенную. Сириус создал свет — день, тепло и дыхание жизни, а Сайрус соткал тьму — ночь, покой и мечты. А в самом конце, из их лучей, родились люди.

— Красиво! — мечтательно вставил он, глядя в небо, словно пытаясь разглядеть там тех самых братьев. — Мне нравится.

— Подожди, это только начало, — заметил Луксор. — Завершив свое творение, звезды устали и погасли, желая отдохнуть. Когда они пробудились, решили взглянуть, как живут их дети — люди. И вот тут-то их ждало разочарование: человечество прославляло лишь Сириуса, как даровавшего день и свет, в то время как брата его, Сайруса, презирали, обвиняя в том, что он олицетворяет тьму и страх.

— Это несправедливо! — возмущенно нахмурился он. — Ведь без ночи не может быть и дня!

— Вот именно, — кивнул наставник. — Но люди часто боятся того, чего не понимают. И Сайруса это, конечно, тоже очень расстроило. Он спрятался за брата и погас, и тогда Сириус, разгневанный на людей, решил наказать их за такую несправедливость…

— Что же он сделал?! — нетерпеливо вырвалось у него. Луксор слегка понизил голос, и в нем зазвучала торжественная, наставническая нота:

— Сириус воззвал к Солнцу — своему созданию — и попросил его погасить свой огонь. Солнце подчинилось… и мир погрузился во мрак. Как ты понимаешь, без света и тепла человечество было обречено.

— Не может быть… — прошептал он, не ожидая такого поворота. — Неужели Сириус мог так поступить?!

Луксор не выдержал и громко рассмеялся.

— Я же предупреждал: это всего лишь выдумка! Никаких обиженных и мстительных звезд не существует. Сириус по-прежнему светит, как и прежде, и явно не собирается уничтожать мир. Но сама история не лишена смысла, верно?

— Ну да… — протянул он, смущенно почесав затылок. — Эпичненько. Даже слишком.

Он снова лег на траву, закинул ногу на ногу и устремил взгляд в небо, погружаясь в мысли о том, что услышал за этот вечер. Некоторое время они молчали, наслаждаясь видом. Небо раскинулось над ними, словно безбрежный океан тишины и света. Каждая звезда мерцала то холодным сереб-

ром, то теплым янтарем, а Млечный Путь тянулся от края до края, как волшебная дорога сквозь вечность, по которой плыли аметистово-серебряные волны сияния.

И вдруг он едва слышно проговорил, словно размышляя вслух:

— Выходит… Энергия действительно пригодна лишь для строительства…

— Что? — не понял Луксор.

— Да так, — отозвался он, и в голосе его послышалась грусть. — Просто думаю… таких, как ты, очень мало. Ты рассказал мне удивительную историю создания Предела, и я понимаю: мне никогда не стать частью чего-то подобного...

— У каждого своя история. Я надеюсь, твоя будет гораздо лучше моей, — тихо ответил Луксор, и почти сразу, к своему удивлению, услышал с искренним чувством:

— Ты самый лучший, брат! Самый сильный, самый добрый, самый мудрый… Ты — великий!

Луксор повернул голову и посмотрел на него долгим, внимательным взглядом. В уголках его губ мелькнула едва заметная, но теплая улыбка, и он спокойно сказал:

— Мне кажется, ты видишь во мне ту вершину, к которой стремишься сам. Но я не считаю себя ни сильным, ни великим. Напротив, каждый раз, наблюдая работу мастера, я понимаю, что никогда не создам ничего столь прекрасного. Или отрезая каждое утро ломоть свежеиспеченного хлеба, я думаю о пекаре, чей труд куда достойнее моих похвал. А что

уж говорить о пахаре, вырастившем зерно для этого хлеба? Или о художниках, ученых, писателях… Они создают жизнь вокруг нас. А я? Что умею я? Разве что быстро бегать…

Он резко повернул голову к наставнику — в поисках подвоха или намека на шутку. Но в рубиновых глазах Луксора горел лишь добрый, чистый свет. Тогда, немного подумав, он произнес почти шепотом, с благоговением:

— Ты можешь спасать их жизни.

— Знаешь, — добавил он после долгой паузы, когда тишина успела стать почти осязаемой, — я недавно думал… а нужен ли мне вообще весь этот путь? Все это стремление, эта… мечта…

— Серьезно? — с сомнением отозвался Луксор и, зацепившись за возможность, мягко, но уверенно продолжил: — В это трудно поверить, но... возможно, этот вопрос возник не случайно. Я знаю, у тебя есть причины стремиться к этой цели, но ты должен понять главное: необязательно обладать Силами, чтобы приносить людям пользу. Все, что нужно, у тебя уже есть: доброе сердце и желание помогать. А еще — твое потрясающее упорство. Представляешь, что было бы, если бы ты направил его на то, что у тебя получается лучше всего? Ты был бы лучшим уже через пару лет — я уверен.

Он молчал. Взгляд его был прикован к огням города и отражениям света сияний, которые, словно ночное ожерелье из рассыпанных звезд, переливались по полям и глади во-

ды. Луксор видел: он обдумывает его слова глубже, чем когда-либо, и от этого в груди наставника зародилась слабая надежда: может быть, именно здесь, под этим небом, в этой чарующей тишине, он наконец пересмотрит свои мечты и выберет новый путь — более легкий, доступный и безопасный?

Несколько раз мальчик собирался заговорить, но слова упрямо застревали на языке. И только спустя долгие секунды ему удалось произнести — тихо и устало:

— Я слышал все это весь прошлый год… Так что оставь свои попытки. Я действительно хочу приносить пользу, но… это трудно объяснить… Просто я… я не такой, как все. Когда у кого-то что-то не получается, они воспринимают это спокойно, могут принять неудачу. А я… не могу. И еще… у всех есть что-то, что приносит радость. А я вечно грустный, думаю о плохом… хотя и не хочу этого. Улыбаться, смеяться, быть веселым — это почему-то так трудно для меня…

Он замолчал, опустив глаза. А когда поднял их снова, в них уже горел тот самый свет, который Луксор так хорошо знал — и который так боялся.

— Только глядя на вас, я понимаю… я чувствую: больше всего на свете я хочу быть таким, как вы. И если вчера ночью я еще сомневался, то сегодня я уверен, как никогда. Потому что… — он замолчал, но лишь затем, чтобы сказать с новой силой: — Потому что ты восхищаешь меня так, что я готов трудиться хоть сто лет, лишь бы стать похожим на тебя! Я буду там, в Пределе! И когда-нибудь ты будешь гордиться

мной. Вот увидишь!

Луксор слушал его и ясно понимал: все эти слова — не хвастовство и не мальчишеская бравада. Мальчик говорит так, потому что верит, вопреки всему. И в этот момент он ясно осознал: их план был обречен с самого начала.

— Выходит, я дурно на тебя влияю, — усмехнулся член Совета, пытаясь скрыть разочарование за иронией.

— Ничуть! — просто отозвался он. — Не знаю, какой результат ждет меня завтра, но я выложусь до последней капли!

Луксор вздохнул — так, словно знал больше, чем мог сказать, а затем, прищурившись, с легким удивлением заметил:

— Честно говоря, я думал, что мне придется тебя подбадривать перед завтрашним днем. Но вижу, ты и без меня полон энтузиазма.

— Э-э, да… — запнулся он, и на его лице мелькнула тень смущения. — Все благодаря… Эмилии.

— Эмилии? — переспросил Луксор с еще большим удивлением, но потом, улыбнувшись, понял: помощь пришла оттуда, откуда он не ожидал. — Ах, Эмилия! Тогда все ясно! Она… хорошо понимает людей.

— Это точно! — подтвердил он с застенчивой улыбкой. — Она будто заглядывает прямо в голову и говорит: «Ты должен верить!». И знаешь… с ней совсем не хочется спорить.

— Что ж… — мягко вздохнул наставник. — Несомненно, вера в себя — это правильное начало.

— И я верю! Верю! — еще более пылко произнес он. —

Я чувствую себя полным сил! Поэтому завтра… — он поднялся на ноги, сжал кулак и поднял его к самому небу. — Завтра у меня обязательно все получится!

Луксор едва заметно покачал головой. Он снова слышал это — обещание, граничащее с невозможным. И все же, до сих пор, каким-то удивительным, необъяснимым образом этому мальчику удавалось выполнить их все.

— Ведь завтра я не буду один, — добавил он, сияя той особенной улыбкой, которая бывает только у детей, искренне верящих в чудо. — Со мной будет моя вера!

— Ты никогда не будешь один, — спокойно, но веско поправил его Луксор. — Я и все жители Острова всегда будем с тобой.

— Самое главное, чтобы был ты… — робко, почти шепотом сказал он, и в этом шепоте было столько надежды, что у Луксора сжалось сердце.

— Я буду… — не мог не ответить наставник.

— Спасибо… за все…

Луксор внезапно вытянул руку в сторону. Он на миг замер, а затем, обрадовавшись, лег на нее головой. И тогда Луксор бережно, по-отечески обнял его — словно хотел защитить ученика не только от внешнего мира, но и от того упрямого сердца, что билось у него в груди.

— Какой прекрасный день… — прошептал он голосом, полным благодарности и легкой, светлой грусти. — В такие моменты жизнь действительно прекрасна…

И они снова замолчали, поглощенные тишиной и красотой ночи. Легкий ветерок касался их лиц, и в воздухе, казалось, витала та особая магия, что возникает лишь между наставником и учеником — магия единства, не требующая слов. Они лежали, наслаждаясь видом небес, по которым мягко разливался свет далекой звезды.

Звезды по имени Сириус.

Глава 10. Второе Испытание

Он задыхался. Казалось, грудь стянули железными обручами, мешающими вдохнуть, а каждый удар сердца отдавался гулом в висках — словно сама кровь пыталась вырваться из тела.

Он заставлял себя не бояться, но волнение оказалось сильнее воли — холод пробирал до костей, несмотря на жаркий день. Он пытался выровнять дыхание, собраться, но стоило взглянуть на сосредоточенные лица членов Совета, на возбужденных зрителей, на других участников — таких же напряженных, как он сам, — и сердце вновь срывалось в бешеный, неровный ритм.

А ведь день так хорошо начинался…

С первыми лучами солнца ему казалось, будто сам мир подталкивает его вперед: воздух был свеж, небо — безупречно чисто, а в груди жила удивительная легкость. Даже весы, показав на несколько делений больше, будто подмигнули ему, подтверждая, что тело стало крепче, а дух — увереннее.

«Эмилия оказалась права», — подумал он тогда.

Она ждала его на крыльце, встречая взглядом, в котором сияло то особое, теплое спокойствие, что всегда умело разгонять его тревоги. И в этот момент он осмелился произнести то, что долго носил в сердце.

— Только тебе удалось… починить меня, — сказал он

смущенно. — Только ты наполнила меня верой в себя. И я никогда этого не забуду.

Эмилия мягко улыбнулась, но он уже не мог остановиться:

— И еще… Я думаю, ты самая прекрасная женщина на всем Острове.

Он не смел поднять глаз, боясь увидеть на ее лице равнодушие и холод. Но Эмилия вдруг шагнула ближе и, не говоря ни слова, коснулась губами его лба.

Мир в тот миг будто стал другим. Все вокруг засияло ярче и даже воздух, казалось, наполнился светом.

Легкая тень радости коснулась его губ: даже издали Эмилия сумела унять его тревогу. Но как бы ни хотелось удержать это чувство — ничто не могло заставить его забыть: этот день решит его судьбу.

Мысли прервал протяжный и тяжелый гул гонга. Очередной участник, не сумев удержать Энергию, опустил голову и медленно вышел из круга под сдержанные, ободрительные аплодисменты толпы.

Он обвел взглядом каменное полукольцо аркад Амфитеатра, где на каменных рядах сидели тысячи зрителей, устремивших глаза вниз, туда, где на площадке стояли они — участники Испытания. Год назад он сам сидел на верхнем ряду, с упоением наблюдая за тем же зрелищем, и помнил, как сердце замирало от светлой зависти, когда кому-то удавалось проявить даже слабое мерцание Энергии. Тогда каза-

лось, стоит лишь выйти в центр — и сила сама польется в руки, как вода из источника. Но теперь, стоя здесь, внизу, он не ощущал ничего, кроме чудовищного давления, словно сам небосвод навалился на плечи.

Даже Риксу при их встрече не удалось скрыть тревогу за привычной ухмылкой: она была натянутой, как плохо приклеенная маска.

— Привет, брат, как настрой? — спросил он тогда друга.

— Как перед самым большим провалом в моей жизни! — хмыкнул тот в ответ. — Только представь, сколько людей увидят, что я не годен для этой ветви!

— Верь в себя, — сказал он, больше для того, чтобы самому вернуть вчерашнюю решимость.

— А я и верю! Верю, что через час нам уже никогда не придется об этом волноваться! — фальшиво бодро откликнулся Рикс, сдувая последние пылинки уверенности с сердца друга. Осознав свою оплошность, он тут же попытался исправить положение, предложив нехитрый план.

Теперь, стоя напротив Рикса в нескольких десятках метров, он с горьким смирением подумал:

«Да, брат… скоро для нас все будет кончено, и мы, как ты и предложил, отправимся заедать печаль мороженым… Возьмем две огромные порции — и пусть весь этот несправедливый мир катится куда хочет».

От мысли, что падение вдвоем не будет таким горьким,

по сердцу проскользнуло тихое, странное утешение. Он даже позволил себе слабую улыбку, но тишину вновь нарушил удар гонга.

Участник в центре площадки, чьи три минуты истекли, открыл глаза и со вздохом опустил взгляд. Его сердце тут же сжалось, будто кто-то прошептал: «Скоро и тебя ждет то же самое». И тогда над Амфитеатром разлился мягкий, глубокий голос Старейшины:

— Изгони печаль из своего сердца, мой мальчик. Твои способности еще послужат и тебе, и общине в другом великом деле.

Он поднял взгляд на возвышение: жар факелов в бронзовых жаровнях отражался в ярких глазах Совета. Луксор, находившийся среди них, встретившись с ним глазами, едва заметно кивнул. Натянув улыбку в ответ, он сглотнул и постарался собрать мысли в кулак. Но они, не желая зацикливаться на волнении настоящего, словно непослушные птицы разлетелись прочь — унося его назад, в воспоминания…

***

— Следуйте за мной, — сказал учитель, встретив их у входа в Амфитеатр, после чего повел их к крытым местам для участников у подножия трибун. Здесь им дали несколько минут, чтобы собраться с духом.

Он напряженно вцепился в перила балюстрады и, затаив дыхание, стал наблюдать, как жители, словно живой ручей, стремительно заполняют места для зрителей, как с противо-

положной стороны к возвышению один за другим поднимаются все члены Совета: Луксор, Кристиан, Левиан, Масон, Зоркий. Даже Игниус, редко покидавший стены Предела, не мог пропустить такое событие. Следом за ними на помост шагнул Старейшина, который ради этого дня сменил привычную черную мантию на ослепительно белую.

«Стоп… А это еще кто?» — нахмурился он, заметив фигуру в сером одеянии, чье лицо скрывал глубокий капюшон. Незнакомец вошел вместе со всеми, но, едва Совет занял свои места на резных тронах, тихо отступил в тень колонн. Приглядевшись, он отметил, что человек в сером был лишен той мощной, атлетической стати, что была так привычна для братьев. Игниус, страдающий от физического недуга, тоже был худощав, но здесь чувствовалось иное — изящная, почти хрупкая фигура дышала… женственностью.

«Это девушка!» — осенило его, но мысль мгновенно оборвал голос учителя:

— Пора!

Не успел он опомниться, как участники выстроились в шеренгу — прямо за ним.

— Семь налево, семь направо, последний остается посередине, — скомандовал учитель, приоткрывая калитку. — Дорожка укажет вам путь. Ступайте. И пусть разум будет ясен!

И он шагнул вперед — трепещущий, но послушный, словно заведенная кукла, направляющаяся в неизвестность.

Выступающие молча заняли позиции на мраморных плитах, выложенных широким полукругом в отдалении друг от друга. От каждой плиты к центру тянулись мраморные дорожки, оканчивающиеся круглой площадкой. Все остальное пространство было устлано белым песком.

Им с Риксом достались самые близкие к Совету места — и это нисколько не радовало. Когда участники замерли на позициях, над Амфитеатром повисла изумительная тишина. Даже ветер, до этого игравший в кронах кипарисов за аркадами, вдруг стих, словно сама природа решила почтить этот миг молчанием.

Затем над ареной раздался глубокий, мягкий голос Старейшины, который, в свойственной ему спокойной и отеческой манере, поприветствовал всех и, указав на участников, напомнил:

— Юноши… каждый из вас прошел долгий путь, полный испытаний и боли. И сегодня вы стоите здесь не для того, чтобы состязаться друг с другом, но чтобы познать глубину собственной силы.

Старец говорил так, будто обращался лично к каждому. Его слова тянулись, словно золотые нити, соединяя всех на площадке — и вдруг, под конец, он поведал о тех самых злосчастных двадцати секундах…

— …В течение которых вы должны удерживать Энергию. Это — ваша цель.

Сердце мгновенно замерло, а внутри все взвыло:

«ДВАДЦАТЬ СЕКУНД?! В прошлом году было десять!!! Десять, Рикс! Может, я и смогу проявить Энергию, но держать ее так долго мне не удастся никогда!»

С крайним негодованием он метнул взгляд на друга, и по его раскрытому рту понял: тот потрясен не меньше. Но Старейшина, словно не замечая их общего смятения, продолжил все тем же спокойным тоном:

— У каждого для этого есть три минуты. Те из вас, кто чувствует себя готовым, могут выходить в центр по одному. Остальных, если понадобится, мы призовем сами. Да начнется Испытание!

И гонг, словно огромная волна, ударил по воздуху, отразился от аркад, завибрировал в груди и растворился в напряженной тишине.

Так началось второе Испытание.

***

Ученик, для которого три минуты уже остались в прошлом, сделал несколько неуверенных шагов, покачнулся и рухнул на колени в песок. Один из наставников, дежуривший у подножия возвышения, мгновенно оказался рядом, поднял мальчика на руки и отнес в помещение для участников, где его уже поджидал врач. Несмотря на неудачу, зрители дружно наградили участника аплодисментами за мужество.

Когда овации стихли, он с досадой заметил, что никто не

спешит занять свободное пространство в центре: участники, будто сговорившись, замерли на месте — лишь глаза их беспокойно скользили из стороны в сторону в поисках того, кто отважится блеснуть на большой сцене.

Он встретился взглядом с Риксом — тот поспешно отвел глаза, уставившись в песок. Он попробовал поймать взоры других, но те тоже избегали встречи. Когда же один из них все-таки посмотрел прямо на него, он сам мгновенно поднял взгляд к небу, делая вид, что рассматривает облака.

«Ну вот, снова началось», — мысленно вздохнул он. — *«Испытание скромных на выдержку. Но меня вам все равно не переиграть…»*

С того же самого и началось Испытание. Однако в тот раз паузу прервал Максимус, уверенно шагнувший к центру.

«Если кто и должен начать первым, то это, конечно, Макс...» — подумал он тогда. — *«Вот уж в кого природа вложила все лучшее».*

Максимус действительно выглядел так, словно сама Сила выбрала его своим сосудом: невысокий, но плечистый, с крепкой спиной и решительным взглядом. Но дело было не только в дарованиях: за этой природной мощью стоял тяжелый, ежедневный труд, который Максимус выполнял с терпением и упорством. И пусть за прошедший год и ему не раз пришлось сталкиваться с неудачами в попытках пробудить Энергию, в этот раз все знали: у него все получится как надо.

С минуту Максимус стоял неподвижно, лицом к Совету,

сосредоточенно напрягая челюсть. Три минуты кажутся вечностью, особенно когда смотришь на неподвижного человека, и все же никто не смел отвести глаз, боясь пропустить желанное мгновение.

И вот, когда ожидание стало почти невыносимым, воздух вокруг Максимуса задрожал.

— Ах!.. — пронеслось над ареной, когда тонкая янтарная оболочка, словно рассветное сияние, начала медленно струиться по его телу. Сначала это был едва заметный отблеск на коже, но затем свет стал гуще, плотнее — он охватил плечи, руки, грудь, добрался до кончиков пальцев, превращая его фигуру в живую статую из теплого янтаря. От его тела расходились тонкие волны тепла, песчинки у ног подрагивали, и даже воздух вокруг слегка дрожал, как от костра.

Ровно двадцать секунд спустя удар гонга возвестил о том, что первому участнику сопутствовал успех. Толпа взорвалась аплодисментами, и янтарный свет, отражаясь в тысячах глаз, будто вернулся обратно к источнику.

— Великолепно! — едва слышно промолвил Старейшина, слегка повернувшись к Луксору. Тот кивнул, но взгляд его скользнул к другому мальчику — к тому самому, с распахнутым ртом, в который мог влететь жук размером с яблоко.

Однако он не замечал этого взгляда. Все его существо было приковано к центру арены: для него это был не просто успех — это был образец силы и совершенства, к которому

он так стремился.

«Я бы все отдал, лишь бы оказаться на его месте…» — с завистью подумал он, продолжая игру в переглядки. — *«Счастливчик… Ему больше не нужно испытывать этого волнения… Если бы я только решился выйти сразу за ним — может, тогда и у меня был бы шанс. Но теперь… теперь мой настрой уже совсем не тот».*

Вдохновленный успехом Максимуса, второй участник выдвинулся к центру быстрее других. Но его сияние вспыхнуло и тут же погасло, как костер, которому не хватило дыхания. Толпа сочувственно вздохнула, а сам парень, густо покраснев, покинул поле, стараясь выглядеть так, будто все прошло так, как он и планировал.

Третий претендент, простояв все три минуты, так и не смог проявить Энергию. Когда время истекло, он под аплодисменты публики покинул площадку со склоненной головой. Четвертый сумел покрыть сиянием лишь свои руки — они мягко светились, словно он держал в ладонях свечу, но вскоре свет дрогнул и растаял, будто его унес легкий ветер.

Затем выступил ученик с черными волосами, собранными в густой хвост. Его сапфировая Энергия была холодна и прекрасна, как сама ночь. Двадцать секунд — и он выдохнул, улыбнувшись самому себе. На полпути назад его ноги подкосились, но наставник успел подхватить его под локоть. Зал встретил это восторженно: победа, приправленная сла-

бостью, казалась даже более естественной, чем безупречный триумф Максимуса.

Шестой участник повторил успех, покрывшись тонкой жемчужной аурой. И все же, несмотря на двойное достижение, восторга на лицах мальчиков становилось все меньше: все видели, с каким трудом давалась им Энергия.

Две следующие попытки завершились неспособностью проявить Энергию. Когда последний из них покинул арену и над Амфитеатром вновь застыла тишина, на площадке осталось лишь семь человек, включая его.

***

Пауза затягивалась. И вот, когда тишина уже давила на виски, Старейшина медленно поднял руку и указал ею на следующего кандидата.

Внутри будто что-то отпустило.

«Не я...» — выдохнул он. Но почти сразу пальцы сжались в кулаки, и он постарался наполниться хотя бы тенью той уверенности, что жила в нем еще утром.

«Все! Не желаю больше чувствовать этой му́ки! В следующий раз я выйду сам — как Максимус! Пусть у меня ничего не выйдет, но я хотя бы не буду стоять, как трусливый кролик!»

Однако когда спустя три минуты раздался удар гонга, он решил, что еще три минуты «для лучшего настроя» точно не помешают. Но и они пролетели так же бесплодно, как и предыдущие. А за ними — еще три. И с каждой минутой его

остатки решимости таяли, как снег под палящим солнцем.

Весь Амфитеатр казался натянутой струной, готовой вот-вот лопнуть. Тишина звенела в ушах, а воздух казался тяжелее свинца. Когда на поле осталось четверо и никто вновь не осмелился выйти в центр, он, опустив взгляд, вступил в борьбу с самим собой.

«Иди. Просто сделай это. Три минуты — и все будет кончено. Конечно, кончено, ведь мне ничего не светит. Я знал это с самого… Нет! Не смей так думать! Нужно верить!

Хорошо: я верю… Верю?.. Верю, что верю… Тогда иди!»

Ноги казались приросшими к земле. Но усилием воли он заставил мышцы дрогнуть.

«Давай… почти… Почти иду!»

Сандалия слегка приподнялась над каменной плитой.

«НУ ЖЕ!!!»

И в этот миг он заметил движение: это другой ученик, поборов страх, направился по мраморной дорожке в центр. Но вместо облегчения его пронзила ярость:

«Тр-р-р-ус! Жалкий ТРУС!!! Всю жизнь я хотел быть похожим на бесстрашных братьев из Совета, но здесь и сейчас я понял, кто я есть на самом деле! Правы были родители, называя меня НИЧТОЖЕСТВОМ!!!»

Гонг прозвучал раньше положенного, возвещая успех еще одного участника, который с трудом удержал тонкую изумрудную оболочку Энергии. Толпа зааплодировала, и почти

сразу следующий едва ли не побежал вперед — лишь бы избавиться от невыносимого напряжения.

Но он не видел ничего. Его взгляд был устремлен внутрь — туда, где все рушилось.

«Я не смог преодолеть себя… Неужели я останусь таким навсегда?..»

В глазах вспыхнула горечь, он моргнул и стиснул зубы — никто не должен видеть его слабость, иначе он возненавидит себя еще сильнее.

Три минуты спустя на арене остались только двое: он и Рикс. Он поднял на друга взгляд — хмурый и полный глухой боли.

«Ну вот и все… Иди, брат. А я… я снова останусь последним. Ведь мне… не привыкать…»

Он опустил голову, чувствуя, как внутри образуется гигантская дыра. Старейшина, слегка прищурившись, посмотрел на них обоих — и, будто прочитав его мысли, кивнул Риксу. Тот, с кривой безрадостной ухмылкой, шагнул вперед.

Когда он поднял глаза, Рикс отчаянно пытался выжать из себя хоть каплю Энергии. К этому моменту его злость на самого себя уже выгорела, уступив место усталости и новой волне тоскливых мыслей.

«Надеюсь, после всего этого ты сможешь уговорить меня пойти за мороженым. Потому что все, чего я сейчас хочу,

— это бить кулаком в стену».

Рикс задрожал, словно боролся с бурей внутри, и он невольно покривил губами:

«Бедняга Рикс… Ты никогда не любил изнурять себя тренировками. Ты тоже хочешь обладать Силой, но напрягаться — это не твое. В этом мы разные. Но несмотря на это, как ни больно признавать, путь Силы не для нас… ни для меня, ни для… для…

Что?..»

Мысль оборвалась, как будто кто-то вдруг перерезал ее ножом. Сначала он подумал, что это обман зрения, вспышка от факела или игра света на коже, но когда на теле Рикса, пусть медленно, но упрямо начала выступать красновато-бурая аура, он застыл с открытым ртом.

«Не… не… НЕВОЗМОЖНО!!!»

И тут ударил гонг — с такой силой, словно сами небеса подтвердили чудо. Амфитеатр взорвался: тысячи ладоней поднялись в едином порыве — и пространство наполнилось всепоглощающим восторгом аплодисментов.

Он и сам почти хлопал вместе с толпой, но внутри вдруг что-то лязгнуло, и ошеломленная радость мгновенно обернулась острой, мучительной болью. Он понял: все эти аплодисменты, одобрение Совета, лучи признания — теперь принадлежат одному Риксу. И ни одна капля этого пиршества не достанется ему.

Возгласы и всеобщая радость вдруг превратились в пытку.

Среди тысяч лиц он ощутил себя невероятно одиноким. Мир трещал по швам. И хуже всего было видеть Рикса — нелепо ухмыляющегося, сияющего, как легкомысленное солнце, которое не удосужилось кинуть на него даже беглый взгляд.

И тогда он с болью осознал: даже собственное поражение не могло обжечь его сильнее, чем несправедливый успех друга…

«Как… Как ты это сделал? Я не понимаю… Неужели теперь ты отправишься в Предел? А я… А КАК ЖЕ Я?!»

Мысли застряли в горле, сжавшись в ком, который обжигал изнутри. От горького осознания, что мечта, ради которой он жил, ускользает к другому — в нем пробудились самые низменные чувства, которые он боялся назвать. Но они не были направлены на Рикса. Они метили выше и дальше, в саму ткань бытия — на слепую, глухую и несправедливую судьбу, для которой воля и труд не значили ничего.

Не дожидаясь, пока друг покинет площадку и утихнут овации, он, свесив голову, шагнул вперед. Глаза метали искры, ноздри раздувались от бешеного дыхания, и на мгновение ему показалось, что его лицо приняло то самое выражение, что он видел у отца в минуты ярости. Теперь ему было все равно — на страх, на взгляды, на результат. Все, что имело смысл, — лишь вопросы, которые грохотали в голове:

«Почему. Жизнь. Несправедлива. Почему? Почему? Почему?»

Толпа притихла; члены Совета переглянулись; Левиан,

нахмурившись, прошептал:

— Может, не стоит позволять ему пробовать в таком состоянии?

Но все молчали. Во взглядах остальных отражалось странное единодушие — смесь тревоги и надежды. В состоянии мальчика они видели последнюю муку больного перед выздоровлением. Пусть он выгорит — и переродится. Пусть навсегда поставит точку в этой главе.

Наконец он встал в центр. Не с верой, не с надеждой — как того хотел. Он был разбит. Разбит — но не сломлен. Закрыв глаза, он поднял руки, соединил ладони — пальцы переплелись и соприкоснулись, образуя трехконечную звезду. И в этот миг его гнев, боль и отчаяние, словно три потока, слились в один, заполнив его полностью.

«Клянусь… что не сдвинусь с места, пока у меня не получится. Пусть хоть они разобьют свой проклятый гонг вдребезги… Пусть хоть Силой тащат меня отсюда… Я — ДОЛЖЕН СДЕЛАТЬ ЭТО!!!»

Амфитеатр застыл, будто сам превратился в гигантскую грудь, задержавшую дыхание.

***

Прошла минута, но ярость, словно расплавленная лава, продолжала клокотать внутри, не давая сосредоточиться.

«Ну же! Давай!!!» — кричал он себе, словно музыкант, пытающийся исторгнуть последнюю чистую ноту из расстроенной струны. — *«Я ведь тренировался… Я готов! Почув-*

ствуй!»

Еще одна минута утекла в песочных часах.

«Проклятье!.. Неужели я не заслужил?!»

Он напрягся так, что на шее выступили жилы, губы побелели, а пальцы, казалось, готовы были переломиться. Ему мерещилось, что члены Совета смотрят на него с презрением и отвращением — и злился от этого еще сильнее.

«Ну и где же теперь все твои обещания?! Я обманул всех! Мать, отца, Луксора, себя… А теперь еще и Эмилию!»

Тишина была такой, будто сама жизнь на Острове замерла, ожидая развязки. Тысячи глаз вонзились в центр, где маленький, худой мальчишка, которому в прошлом году удалось пройти усложненное Испытание, сражался с самим собой.

Еще полминуты изнурительной борьбы — и вот под его ногами вспыхнул свет. Однако он был слишком слаб, слишком тускл, словно смертельно раненый светлячок, тщетно пытающийся подняться в небо.

Его сердце сжалось.

«Ну вот и все… Еще миг — и конец… Конец всему. Родители до конца жизни будут напоминать, какой я глупец, и ни один из членов Совета больше никогда не придет ко мне… А Эмилия… я больше никогда не смогу смотреть ей в глаза… Как и… как и РИКСУ! ПРОКЛЯТЬЕ!!! Моя жизнь превратится в еще больший кошмар!.. Если так, то я… я… Я не хочу больше жить! Пусть… пусть я умру! Прямо здесь

— на этом месте!»

Отчаяние достигло апогея. Он был готов раствориться в нем без остатка. И вдруг…

«Хватит!» — грянуло эхом в голове. — *«Прекрати отравлять свое тело ядом! Наполни его светом, добром!»*

Он вздрогнул, ошеломленный внезапным вмешательством. Голос звучал знакомо, и все же узнать его было невозможно.

«Что это?.. Отголосок наставлений? Шепот Луксора в глубине памяти? Может… стоит прислушаться?»

Но едва он попытался последовать зову света, как в голове возник другой голос — вкрадчивый, ровный и безупречно спокойный:

«Не слушай. Продолжай. Ты на верном пути».

«Да что со мной?! Неужели я схожу с ума?!» — в отчаянии возопил он, и в ответ сразу два голоса, словно две волны, столкнулись внутри него:

«Расслабься… Тянись к свету…»

«Удвой усилия. Выплесни всю боль…»

Сердце заметалось, как птица в клетке. В сознании развернулась битва: будто добро и зло сцепились, борясь за власть над его душой. Он колебался, не зная, к кому склониться. Но когда из «уст» обоих голосов прозвучал последний аргумент:

«Это опасно!»

«Я исполню твою мечту», — он без раздумий выбрал сто-

рону.

Раскрывшись гневу, он позволил ему поглотить себя целиком. Тьма перед глазами сгустилась еще сильнее, и он начал тонуть в ней, будто в омуте, сотканном из вихря разрушительных чувств.

Мир погас. Трибуны, Совет, песок под ногами — все растворилось в нарастающей тьме. Не осталось ничего, кроме него и шепчущего мрака, затягивающего все глубже.

«Дальше… Дальше… Не бойся… Здесь твоя сила… Здесь — твоя суть…»

***

Открыв глаза, он обнаружил, что тьма медленно рассеивается от него, как от пламени свечи, и секундой позже понял: что-то не так. Амфитеатр исчез — словно невидимая рука вырвала его из привычного мира и швырнула в чужой, насквозь пропитанный тоской. Мозг отчаянно искал объяснение, когда вдруг вспыхнула безумная догадка:

«Неужели… я обрел Силу? И она перенесла меня… в Серый Лес?!»

На мгновение его охватило ликование: он улыбнулся, представляя, как возвращается обратно — героем, избранным, тем, кто смог. Но чем дольше он всматривался в окрестности, тем яснее понимал, что это всего лишь фантазии.

«М-да… размечтался».

Серый Лес… Без сомнений — это был он. Только здесь воздух умел вытягивать радость из костей, превращая чело-

века в унылую тень. И все же, что-то было иначе: деревья стояли голые, словно выжженные изнутри, а все пространство вокруг заполнял густой, тяжелый туман, липнущий к коже. Даже небо исчезло за этой серой завесой и лишь мутное пятно светила пробивалось сквозь дымку, будто выцветший фонарь за грязным стеклом.

— Ау-у!.. — крикнул он, сам не зная зачем.

— …Сюда…

Он резко обернулся — туман оставался неподвижным, но ощущение чужого взгляда пронзало, как игла.

Вдруг впереди, в глубине серой мглы, вспыхнуло дрожащее пятно света. Настороженно он двинулся вперед, но ноги вязли, словно в зыбучем песке, задерживая его на пути к цели. И каждый раз, когда он приближался, свет ускользал дальше, словно дразня и маня в самую глубь леса.

— Эй! Мне не до игр… — раздраженно бросил он. — Но если ты хочешь, чтобы я тебя поймал — я это сделаю!

Наконец, после долгого и трудного пути, он подошел почти вплотную, и мягкое, ласковое тепло коснулось его лица.

— Среди этого мрака… ты настоящее чудо, — прошептал он, едва улыбнувшись и протягивая руку.

Но стоило пальцам коснуться света, как тот мгновенно погас. В ладони остался лишь тонкий дымок, скользнувший между пальцев и растаявший в тумане.

— Нет… нет, нет! — воскликнул он, хлопая по пустоте, как ребенок, упустивший воздушного змея. — Я столько

шел за тобой! Почему ты исчез?! Проклятье!

И будто в ответ на его отчаянный крик вдалеке послышался звук. Он резко замер, напряг слух, и чем внимательнее прислушивался, тем яснее понимал — это был не ветер. Это — голоса.

Из серого марева доносился глухой, многоголосый шепот, словно за туманом стояли сотни людей. Он пытался уловить хоть одно слово, но разобрать их было невозможно.

— Эй! Здесь кто-нибудь есть?!

Он надеялся, что его услышат, найдут, но шепот оставался глух к его призывам.

«Они меня не слышат… или не хотят слышать…»

Тоска сжала грудь, взгляд потускнел, и ему вдруг стало страшно. А что, если он исчез, навсегда растворившись в этой серой пустоте?..

Но голос позвал снова — едва слышно, словно одновременно рядом и издалека, и он, в поисках опоры, двинулся на звук.

Серые, искривленные ветви, словно костлявые длинные пальцы, тянулись к нему со всех сторон. Он шел, настороженно поглядывая на деревья, каждое из которых, казалось, замерло в собственном мучительном обличье. Время текло вязко, как туман, и быстротечно, как во сне.

Неожиданно впереди показалась поляна. Она была мертва и безжизненно-сера, и только посреди нее каким-то чудом

росли три цветка: два повыше согнулись над третьим — маленьким, хрупким, с едва раскрытым бутоном, словно оберегая от мира вокруг.

«Прямо как мама, папа… и я…» — мелькнуло у него в голове, когда он остановился, пораженный этой неожиданной жизнью. Он не знал, почему так решил — просто почувствовал это всем сердцем.

Но едва он подошел ближе, как порыв ветра смахнул с поляны все живое прямо на глазах. Лепестки сорвались, взвились в воздух, закружились и растворились в призрачной мгле. Он проводил их печальным взглядом, и вдруг за одним из деревьев заметил смутно знакомый силуэт. Прищурившись, он осторожно сделал шаг вперед, и фигура постепенно обрела очертания: сначала пышная грива, словно огромный подсолнух, затем крупные мягкие лапы и, наконец, морда с овальными, пуговичными глазами и тонкими усами.

— Не может быть…

Он застыл, не веря. Перед ним, сидя на задних лапах, был он — его старый мягкий львенок. Тот самый, которого он когда-то прижимал к груди, прячась от криков за стеной. Тот, кому шептал в темноте: *«Я вырасту, стану сильным, и мы уйдем…»*

На мгновение все внутри наполнилось теплом — словно старый друг неожиданно пришел в самую темную минуту. Он наивно, почти по-детски улыбнулся, хотел обнять… но вдруг остановился. Львенок, огромный и беспомощный, из-

ношенный и драный, казался таким же потерянным, как и он сам. Но главным было то, что из тех же неуклюжих пуговичных глаз тихо стекали прозрачные капли.

— Ну, это уже слишком…

Он в потрясении отступил на шаг, подняв руки, будто хотел утешить. Мягкий львенок плакал — тихо, без звука, будто скорбел о его несчастной детской судьбе. Это зрелище было столь неестественно и жутко, что образ мгновенно задушил все его теплые чувства, оставив внутри лишь пустоту.

— Прости… Я не смог. Пока не смог… — прошептал он, и, не в силах больше смотреть, отвернулся.

Он брел — так долго, что перестал понимать, двигается ли вообще, или просто стоит на месте, пока мир проплывает мимо. Голова покачивалась из стороны в сторону, а глаза были пусты, как у человека, изнуренного долгим путем. Голос не звал, шепот стих, уступив место туману и гнетущей тишине, которые сжимали его со всех сторон.

«Не понимаю… куда я иду? И зачем?.. Зачем эта дорога, что ведет в никуда…»

Он остановился, не видя смысла идти дальше. Но в тот миг, когда все внутри уже готово было сдаться, он вдруг увидел свет — не солнечный, а исходивший от предмета. В стороне, на ветке стройного дерева покачивался бордовый кушак. В этом бесцветном мире полоска ткани горела, словно капля свежей крови, упавшей на выцветший свиток — и

именно вид этого простого предмета пронзил его до самой глубины.

Кулаки сжались, и вены будто вспомнили, что по ним еще течет жизнь. Он выпрямился, чувствуя, как возвращаются силы:

«Нет… Я не сдамся. Я должен идти до конца!»

Порыв ветра со свистом ударил в лицо, словно наказывая его за решимость. Серые массы дрогнули, закружились в бешеном вихре; шепот стал громче, тревожнее, а деревья со скрипом потянули к нему свои ветви, будто желая придушить. Он понял: мир не одолеть — и бросился бежать. Но впереди его ждало еще одно испытание.

Почти сразу, на пригорке, сквозь туман возникла хижина — полуразрушенная, обугленная, с обвалившейся крышей и черными глазницами окон, зиявшими пустотой.

Он замер, чувствуя, как по коже пробегает холодок.

«Кажется, это не Серый Лес… Это его пародия. Еще более уродливая, мрачная и страшная…»

Дверь внезапно скрипнула, как скрежет по стеклу, и в проеме появилась фигура: вытянутая, рваная, темная, как тень. Несколько мгновений он не сводил с нее изумленного взгляда. И вдруг на месте рта возникла улыбка-оскал, неестественно растянувшаяся до самых ушей. Голова фигуры вытянулась, уши заострились, а руки, превратившись в когтистые отростки, зловеще потянулись к нему.

Это стало последней каплей.

— А-а-а-а!!! — вырвался из него вопль, и он тут же кинулся прочь.

Он мчался, пытаясь вырваться из этого серого, безжалостного мира, ополченного против него. Туман клубился в болезненном танце, а ветви хлестали по лицу, царапая кожу, как живые. Дороги он не различал — только тусклое пространство перед собой, у которого не было конца.

— На помощь! — крикнул он, спотыкаясь. — Кто-нибудь!..

Но ответа не было. Лишь равнодушный, безличный шепот всюду следовал за ним. Он был один. Совсем один.

Но вот среди бескрайней пелены вспыхнул цвет, и перед собой он увидел особое дерево. Его ствол был светлым, почти белым, а ветви плавно свисали, образуя купол, словно небесный шатер. Вместо листвы на них нежно покачивались розовые лепестки, которые, мерцая, рассеивали серость вокруг, как маяк посреди бури.

Не раздумывая, он нырнул под покров ветвей и прижался спиной к стволу, глядя на кошмар, надвигающийся снаружи. Но туман не осмеливался проникнуть внутрь, остановившись на границе купола, будто натолкнувшись на невидимую стену. Даже шепот исчез, оставив место благословенному, успокаивающему безмолвию.

Впервые за долгое время он вздохнул по-настоящему. Воздух здесь был другим — не влажным, не гнилым, а пах-

нущим чем-то знакомым, чем-то родным. Почувствовав, как сердце бьется ровнее, он окинул спасительное дерево взглядом и на глаза ему попалось дупло, внутри которого что-то поблескивало мягким, притягивающим светом. Он осторожно протянул руку, и пальцы коснулись двух предметов: витиеватого деревянного гребня для волос и плетеного браслета с круглыми самоцветами, вокруг которых разливался мягкий ореол.

Он смотрел на них… и сердце внезапно сжалось от догадки: гребень он видел в руках Алисии, когда она расчесывала свои длинные, роскошные волосы, а браслет принадлежал Эмилии. И как только он сжал эти находки в руке, весь страх, уныние и тьма мгновенно покинули его.

В тот же миг туман, словно ночная мгла, пронзенная рассветом, стал редеть, пятясь прочь и уступая место краскам. Небо налилось глубокой синевой, трава зазеленела свежей жизнью, а деревья расправили скрюченные ветви, словно наконец обретя покой.

Он поднял взгляд — и замер, широко раскрыв глаза. На горизонте, там, где мгновение назад клубился туман, возвышался величественный горный хребет. Его вершины, увенчанные сверкающим снегом, тянулись к ясному небу, где чистым серебристым светом сияла местная звезда.

— Потрясающе… — выдохнул он, после чего, обратив взгляд на гребень и браслет, бережно поднес реликвии к губам.

«Ради вас, ради жителей, ради себя — я должен стать сильным».

Он аккуратно вернул предметы на место и вышел из-под ветвей. Мир был уже иным: теплым, насыщенным, надежным. Перед ним простиралась небольшая равнина, края которой исчезали в мягкой белизне, будто мир растворялся между сном и явью. За ней поднимался холм, укрытый густой травой.

«И скоро… я стану», — спокойно подумал он, и с тихой решимостью шагнул к своей цели.

***

Наконец его шаги были легки, словно сам мир вел его вперед. Лес остался далеко позади, и теперь перед ним раскинулся простор, чистый воздух и тишина, наполненная смыслом и свободой. Путь, обрамленный изгородью молодой зелени, тянулся прямой тропой; кусты шелестели под легким ветром, словно ободряя, и с каждым шагом его мысли, освобожденные от тревог, становились яснее.

«То, как я вел себя на Испытании… я был не прав. Вся эта злость, страх, обида — это не мое. Просто… я боялся. Боялся, что у меня ничего не получится. И это почти сводит меня с ума…»

Вскоре впереди показалась стена — невысокая и неровная, будто кто-то неумело начал ее строить неведомо зачем. Не придав ей никакого значения, он перемахнул через нее, не сбавляя шага, и с тем же уверенным настроением продол-

жил путь. Даже горы на горизонте, величественные и спокойные, казались не преградой, а обещанием.

Перед ним возвышался холм, залитый светом, на склоне которого цвели цветы — уже не тусклые, а пылающие всеми красками, какие только знает мир.

«Я чувствую: там, наверху, есть что-то, что сделает меня сильнее… А когда я стану сильнее, все изменится. Больше никакой тревоги, никакой тоски. Я стану другим. Я буду лучше. Я наконец-то стану… собой».

Каждый шаг нес с собой легкость. Впервые за долгое время ему нравилось то, о чем он думал. Ему нравилось, как сердце отбивает ровный, полный веры ритм: «Я смогу. Я смогу. Я смогу». И он хотел, чтобы это чувство длилось вечно.

Вдруг под ногой что-то хрустнуло. Он опустил взгляд и встретился сразу с несколькими отражениями в треснувшем зеркале. Окинув взглядом пространство, удивленно замер: зеркала были повсюду — врытые в землю, подвешенные на ветвях, врезанные в камни. В каждом из них был он — и одновременно не он. В одном его лицо было усталым, в другом — злым, в третьем — испуганным, словно за каждым стеклом была заключена отдельная версия его самого. Это был мир отражений, где невозможно было понять, где он — настоящий.

— И все-таки проклятое место… — выдохнул он, качая головой. И словно в ответ с вершины холма прозвучал все

тот же магнетический голос:

— Ты близко. Испытание почти завершено.

Он поднял глаза, и его взгляд, наполненный решимостью, устремился вверх.

— Да, — тихо произнес он. — Я готов. Готов стать сильнее. И покинуть это место раз и навсегда.

Подняв ногу, он ступил на мягкий склон, и мысль завершилась сама собой:

«Если смог Рикс… смогу и я».

***

Когда он ступил на вершину, звезда ударила в глаза ослепительным светом. Он зажмурился, потом осторожно приоткрыл глаза — и мир развернулся перед ним во всей своей строгой красоте. Горы стояли совсем близко — суровые и прекрасные, с ровными белыми полосами снега на склонах. Высокие, стройные сосны смыкали края холма зеленым ободком, и лишь безжизненный фон голой земли, похожий на пересохшее дно озера, выбивался из этой почти идеальной картины.

Он чуть нахмурился, когда взгляд вдруг зацепился за багряно-черный сгусток круглой формы, который парил неподалеку, покачиваясь на невидимом ветру. Его неестественное свечение завораживало, тревожило и манило, как загадка, противоречащая самой природе.

— Ну ладно… — тихо выдохнул он, снова обводя взглядом пространство в поисках чего-то, что сделало бы его

«сильнее». — Не совсем то, на что я рассчитывал…

— А чего ты ожидал — фанфар?

Голос, спокойный и ровный, но неожиданный, заставил его вздрогнуть. Но сколько бы он ни осматривался по сторонам, не было даже признаков ветра. Наконец он уставился на шар.

— Это ты говоришь со мной?

Вместо ответа неопознанный объект сорвался с места и плавно скользнул в его сторону, пока не остановился почти у самого лица. Сгусток пульсировал, будто живой, и какое-то время словно разглядывал его, точно пес, принюхивающийся к незнакомцу.

Он смущенно отодвинул голову и криво улыбнулся:

— Хороший шарик…

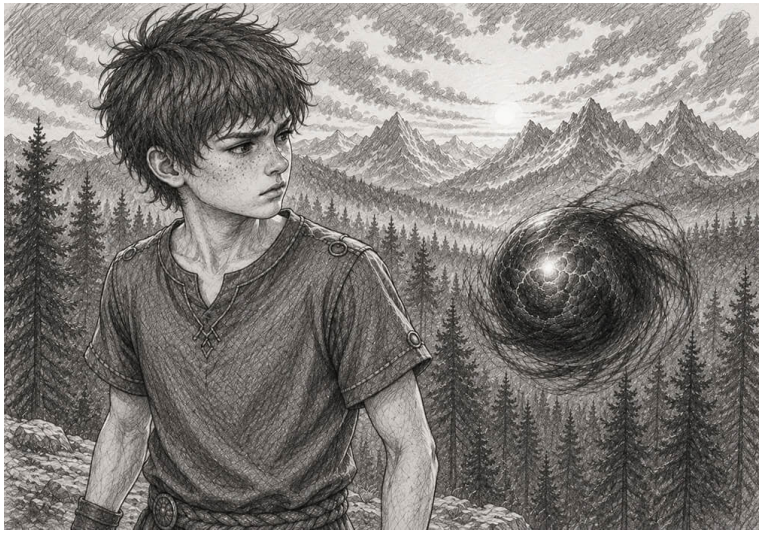
Сгусток-шар промолчал, и он, чувствуя себя немного глупо от того, что говорит с летающим комком, проговорил:

— Ты говорил, что дашь мне ответы…

На этот раз объект отозвался:

— Ты должен найти их сам, — прозвучало из его нутра, после чего он легко скользнул в сторону гор.

Он несколько секунд стоял в растерянности, затем пожал плечами и последовал за ним.

Со все более недоумевающим видом он брел по сухой, пыльной земле. Пейзаж, хоть и мирный, уже не вызывал ни восторга, ни чувства удовлетворения. Даже шар куда-то исчез, будто утратив к нему всякий интерес.

И вдруг до слуха донесся странный звук, напоминающий всплески воды. Повернув голову в его сторону, он заметил невысокие заросли травы. Любопытство заставило его двинуться туда; когда же он раздвинул стебли, то застыл, раскрыв глаза.

Перед ним открылся крошечный оазис, но вода в нем не была спокойной: она бурлила, поднималась волнами и рушилась обратно, словно подражая настоящей буре. Однако,

несмотря на всю свою ярость, это зрелище выглядело скорее забавно, нежели пугающим. Присев на корточки, он задумчиво пробормотал:

— Вот это да… Антинаучное диво. Куда же меня все-таки занесло?..

— Разве ты еще не понял?

Он резко выпрямился. В нескольких шагах перед ним парил багряно-черный сгусток, словно созданный только для того, чтобы возникать из ниоткуда в самый неожиданный момент.

— Сначала я думал, что это Серый Лес, — выдохнул он. — Потом, что кошмар. Но сейчас… я вообще ничего не понимаю.

Шар опустился ниже и завис прямо над бушующей водой:

— Разве не так ты ощущал себя, прежде чем оказался здесь?

Он нахмурил лоб.

— Да. Но…

Взгляд снова скользнул вниз. Он смотрел, смотрел, смотрел — и вдруг в глазах вспыхнула догадка.

— Подожди… Хочешь сказать, что это место… это…

— Подсознание. Внутренний мир. Глубины души. Называй, как нравится, — спокойно ответил парящий объект.

— Невозможно, — хмыкнул он, почти уверенно. Но через мгновение добавил уже тише: — Хотя… все, что я здесь видел, тоже казалось невозможным… Ну ладно. Допустим.

А это, значит… — он тыкнул пальцем на воду и усмехнулся, — мой, эм… персональный градусник настроения?

Шар медленно качнулся, словно вздохнул. На секунду ему даже показалось, что тот «смотрит» на него со снисхождением, как на неисправимого простака.

— Это место — источник, — наконец сказал сгусток.

Он моргнул.

— И-источник?..

— Твой. Источник.

Все оставалось прежним: звезда по-прежнему сияла, рассыпая по горному снегу миллионы холодных бликов; воздух оставался неподвижен и чист. Однако внутри него словно что-то назревало. Он стоял, не моргая, глядя на бурлящую воду, как человек, впервые увидевший собственное сердце вне тела. Наконец руки сами скрестились на груди; он переменился с ноги на ногу, покусал губу и с недоверием, в котором слышалось волнение, пробормотал:

— Вот эта… эта грязь под ногами… это мой… источник?

Из груди вырвался тихий смешок. Он покачал головой, отвернулся и сделал несколько шагов в сторону.

— Источник чего?.. — бросил он через плечо. — Пыли? Жажды? Или, может… сарказма?

Он снова усмехнулся и уставился на пейзаж, уверенный в своих словах. Но уже мгновение спустя глаза снова скользнули к шару. Тот просто висел в воздухе — неподвижно и

бесстрастно — и молчал. Как молчал и мир вокруг: ни ветра, ни криков птиц, ни единого признака жизни.

И это молчание было самым громким в этом мире.

Пальцы непроизвольно сжали плечи, а по спине, нарастающей волной, пробежала дрожь. Внутри будто что-то просыпалось из самой глубины — холодное и тревожное, сильнее разума и воли.

— Нет, — жестко отрезал он, вскинув голову словно ребенок, которому подсовывают тушеную капусту. — Никакой это не источник. И уж тем более — не мой.

Он плотнее обхватил себя руками, но дрожь в пальцах не унималась.

— Проклятье… — прошипел он и тут же, словно все сдерживаемые эмоции прорвались наружу, выпалил: — Да скажи же, что шутишь!

Но шар упрямо молчал, с тем невыносимым достоинством, от которого хотелось разбить что-нибудь об камень. Он сжал кулаки, стиснул зубы, и глаза его налились гневом.

— Хочешь сказать, — процедил он, — что весь этот путь я проделал лишь для того, чтобы… «познать суть» — вот здесь?! — Он рубанул воздух: — Да ни за что! У меня есть сила! Есть Энергия! Слышишь?! Я знаю это! Я… я верю!

Он вцепился в сгусток взглядом, едва контролируя дыхание. Мгновение висела мучительная пауза. Но наконец шар заговорил, и голос его прозвучал с искренним состраданием:

— Мне жаль. Сосуд определяет содержимое. Так было

всегда.

Он отпрянул, будто его окатило огнем.

«Сосуд… источник… содержимое…»

Мысли метались, не успев сложиться. Он снова воззрился на «источник», который бурлил, как насмешка судьбы.

«Да он же меньше лохани, в которой меня купала мать! Да если я встану туда — вода дойдет мне до…

…колен… Именно до этого уровня доходили те жалкие всплески моей… О-о, нет…

Нет… нет…

Нет».

Осознание медленно и мучительно вонзилось в разум. Он схватился за голову и только теперь понял, что дрожит, как после изнурительного труда.

— Это не может быть правдой… — прошептал он, отступая.

Но он уже не верил. Не верил себе.

«Кого я пытаюсь обмануть?.. Я всегда знал… знал, что я — жалкий, пустой, разбитый сосуд. Сколько ни вливай, сколько ни старайся — все напрасно…»

Голова опустилась на грудь, будто его покинули все силы.

«Учителя, наставники, родители — все твердили мне одно: я не создан для этого пути. А я не верил… Боролся, как дурак… Думал, если буду прикладывать все силы — смогу изменить свою природу... Но нет. Оказывается, упрямство — это просто упрямство... А слабость… слабость — это

приговор, вынесенный самой жизнью…»

Он вскинул голову к небу. Свет звезды отразился в слезах, и глаза засверкали, как осколки разбитого стекла.

— О Силы… — прошептал он бездыханно. — Каким же наивным я был… Верил в чудо… Но чудо… Чудо — для таких, как Рикс. Для везунчиков, для тех, кого выбрала судьба. А я? Кто такой я?.. Человек без силы… без возможностей… без имени… Никто.

— Никто! — воскликнул он, и эхо, подхватив крик, вернуло ему обратно: никто… никто… никто…

— А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А!!!

Его вопль разорвал мертвую тишину, как внезапный раскат грома. Он рухнул на колени, впившись пальцами в плечи, будто боялся рассыпаться на части. Но мир вокруг уже трещал, как стекло под ударами кувалды.

«Как… как я теперь посмотрю в глаза Луксора?! Что я ему скажу?! Что вместо источника нашел лужу? И все это в тот момент, когда Рикс — Рикс!!! — прошел Испытание прямо на моих глазах?!»

Низко склонившись, он увидел воду, в дрожащей поверхности которой отражалось его искаженное лицо. Все, ради чего он жил, ради чего терпел и боролся, обращалось в прах. Он окончательно понял: никогда ему не подняться выше, чем сейчас, никогда не достичь мечты, никогда не стать одним из Совета — что бы он ни сделал.

Тело выгнулось, как струна, он сжал кулаки и из груди вы-

рвался дикий, пронзительный рев ярости и боли:

— Гр-р-р-р-а-а-а-а-А-А-А-А-А-А-А-А-А!!!

***

В тот момент, когда опустошение достигло предела, когда казалось, что внутри не осталось ни капли света, над собой он услышал тихий, уверенный голос:

— Но я — могу помочь.

Без веры, без надежды, он поднял взгляд. И в это мгновение сгусток начал меняться. Он запульсировал изнутри, и из него стала проступать новая форма: сначала едва различимая линия плеч, затем контуры рук и ног, словно невидимый художник прорисовывал его прямо из воздуха.

Наконец шар обрел плоть, и перед ним предстал мужчина: высокий, худой, в черном плаще, похожий на те, что носили члены Совета — только поношеннее и мрачнее. Капюшон скрывал глаза, оставляя видимыми лишь острые, будто высеченные из светлого мрамора черты лица: гладкий подбородок, впалые щеки с высокими скулами, прямой нос и тонкие, почти лишенные цвета губы, на которых угадывалась усталая, приветливая полуулыбка. Мужчина не внушал страха. Наоборот — в нем было что-то неуловимо притягательное, как тихая мелодия, звучащая за дождем.

— Кто ты?.. — спросил он глухо, почти безразлично, хоть само это зрелище не могло оставить равнодушным.

Мужчина ответил своим необыкновенным голосом — мягким и спокойным, но в то же время исполненным знания,

словно сама суть мироздания не была для него тайной.

— Я тот, кто услышал твой отчаянный крик. Тот, кто сквозь трещины вошел в твое сознание. И я, как архитектор, — тот, кто придал этому миру форму, чтобы ты мог ощутить его как реальность.

Он вздохнул. Слова звучали слишком заумно, чтобы сейчас воспринимать их всерьез или вникать в их смысл. Он уже хотел отвести взгляд, закрыться в своем унынии, как в коконе, но следующая фраза — тихая, но вонзающаяся прямо в сердце, — заставила его застыть:

— А еще я тот, кто исполнит твое самое заветное желание.

— Что?.. — прошептал он с изумлением. — Хочешь сказать… ты поможешь мне… достичь Энергии?

— Энергии? — повторил мужчина с легким удивлением. — Нет, мальчик. Я дам тебе нечто большее. Я дам тебе Силу.

Его брови медленно поднялись до линии роста волос. Утверждение звучало настолько невероятно, что, несмотря на свое опустошенное состояние, он не смог сдержать иронии:

— Силу? Сейчас? Без десятков лет тренировок?

— Сила, — произнес незнакомец в черном, слегка наклонив голову, — простирается далеко за пределы человеческого понимания. Она способна на то, чего твой ум не способен даже представить.

Он медленно поднялся, и его настороженный взгляд задержался на мужчине, будто пытаясь уловить подвох. Но тот,

точно наставник, полный заботы о заблудшем ученике, продолжал:

— Я пришел не случайно. Меня ранила твоя непомерная боль. Никто в этом мире не должен страдать, и потому я хочу положить конец твоим мукам. В моих жилах течет Сила, и я готов разделить ее с тобой.

Глаза юноши расширились; где-то внутри, под слоями отчаяния и боли, шевельнулась крошечная надежда.

«Если это правда… тогда все мои бесконечные поражения закончатся… и я стану одним из них…»

— Но должен предупредить, — тихо добавил мужчина. — Я никогда прежде не делал подобного и не знаю, к чему это приведет.

Мысли метались, как вспугнутые птицы. Что-то глубоко внутри шептало: откажись… Но рядом с этим голосом кричал другой: рискни! Чего терять? И вид той жалкой мутной лужи — его «источника» — лишь подливал масла в огонь.

Наконец он поднял голову, и в его глазах вспыхнула смесь боли, усталости, безумия и той отчаянной решимости, что бросает вызов всему миру.

Мужчина встретил этот взгляд спокойно.

— Так на что ты готов ради Силы? — тихо спросил он, и в ту же секунду ответ был дан:

— На все.

Полуулыбка сошла с губ незнакомца; он коротко кивнул,

вытянул руку, и не успел юноша моргнуть, как они снова оказались на вершине холма, где встретились в первый раз. Затем тонкие пальцы скользнули в складки плаща и извлекли оттуда нож. Лезвие, уловив свет звезды, вспыхнуло живым, ртутным блеском.

Он вскинул бровь и покосился на мужчину:

— Что ты собираешься делать этим кухонным прибором? Бутерброд с Силой?

— Дать тебе новую кровь, — невозмутимо ответил мужчина, поднимая лезвие. — Ту, что не дается тренировками. Ту, что была избрана самой природой.

С этими словами загадочный исполнитель желаний одним быстрым движением провел лезвием по собственной ладони, отчего мальчик невольно округлил глаза.

— Это слишком малая цена ради Силы, не так ли? — произнес мужчина почти ласково, протягивая к нему правую ладонь. И тогда он заметил, что из раны сочилась не просто кровь. Вместе с ней из раны вытекала густая, черная, маслянистая субстанция, словно тьма, перемешанная с алым.

Он задумчиво посмотрел на свои руки, в которых всегда чувствовал лишь слабость и бессилие. Затем стиснул челюсть, сжал кулаки и, не давая себе времени передумать, вытянул левую руку вперед.

Лезвие скользнуло по коже почти невесомо, как лист бумаги, ставший вдруг ножом. Он невольно втянул воздух сквозь зубы, ощущая, как нарастает боль. Мужчина же мед-

ленно, почти торжественно поднял руку, и на несколько мгновений мир, словно затаив дыхание, замер в ожидании.

Он понял, что нужно делать, без слов и объяснений. В глазах его отражалась усталость — после всего, что пережил, он уже не верил в чудо… но его дрожащие пальцы все равно потянулись к единственной надежде.

— Закрой глаза, — спокойно сказал мужчина. — И представь, как Сила наполняет тебя.

В следующий удар сердца их ладони соприкоснулись. На миг — и навсегда.

Мир содрогнулся, словно кто-то дернул за нить, связывающую небо и землю, и ядовитый холод хлынул в вены, заполняя их до онемения. В то же мгновение, будто видения, перед глазами вспыхнули грандиозные сцены: города, охваченные пламенем, и сотни мрачных людей, стоящих плечом к плечу, от которых стыла кровь. Все это пронзало его, словно молнии, но он не мог понять ни смысла, ни времени, ни места.

Он зажмурился так, что веки свело судорогой; губы разомкнулись, но из горла не вырвалось ни звука. И в тот момент, когда он был готов отдернуть руку, внутри раздался голос:

«Думай о них… о тех, к чьей Силе ты стремишься…»

Зубы стиснулись до скрежета в попытке удержать контроль, и в этой борьбе из мглы перед внутренним взором возникли братья Совета, величественно восседающие на том

самом месте, где он видел их последний раз. Их замершие лица, каждое в своей неповторимой тревоге, были устремлены на него. Он изо всех сил цеплялся за образ себя сильного, уверенного, стоящего среди них, одновременно умоляя всем существом, чтобы это братское рукопожатие закончилось как можно скорее. И в ответ на его отчаянную мольбу мир вокруг откликнулся, и тишина уступила место шуму, нарастающему с каждой секундой.

Наконец мужчина разжал пальцы, и он, едва удержавшись на ногах, открыл глаза. Мир словно выцвел, а туман, хоть не такой густой, как прежде, снова заполонил пространство. Но первым он увидел не это: за пеленой тумана, до высоты деревьев вздымались гигантские волны, сталкиваясь и обрушиваясь вниз, словно стихия сражалась сама с собой.

— Полу…чилось... — выдохнул он, не то спрашивая, не то утверждая, не веря собственным глазам.

— Все так, — раздался тихий, почти изможденный голос. — Осталось лишь… обуздать твою ярость.

Мужчина встал позади и положил ладонь ему на голову. Вторая рука вытянулась вперед — и туман, словно подвешенный на невидимых нитях, зашевелился, начав собираться в одно огромное, плотное облако. Мир постепенно оживал: краски возвращались, контуры гор становились четче, а свет — ярче и теплее. Затем мужчина резко опустил руку — и серая пелена, повинуясь его жесту, хлынула вниз, расстилаясь по поверхности воды огромной вуалью и усмиряя

бушующие волны.

Когда туман окончательно рассеялся, перед ними раскрылась картина великолепной красоты. Величественные горы устремлялись к лазурному куполу, где серебристая звезда заливала все вокруг ярким светом. Все это, как в огромном зеркале, отражалось в глади озера — ровной и такой неподвижной, что казалось, оно застыло в вечности. А на берегу, чувствуя, как ледяная, чужая сила струится в его венах, стоял он — зачарованный тем, что впервые за все время перед ним не было ни хаоса, ни насмешки. Лишь покой, гармония и красота.

Он уже собрался шагнуть вперед, как рядом что-то рухнуло. Резко обернувшись, он увидел, как мужчина тяжело дышит, опираясь рукой о землю.

— Эй! Что с тобой?! Как мне помочь?! — воскликнул он, но тот лишь слабо прошептал:

— Заверши начатое… Иди.

Дрожащая рука указала на озеро, и он, охваченный смущением и благодарностью, прошептал:

— Спасибо тебе…

Мужчина не ответил, только едва заметно покачал головой. Мгновение спустя, сделав несколько шагов, он ступил в озеро. Оно не сопротивлялось. Казалось, оно ждало именно его.

***

Последняя песчинка, просочившись сквозь узкое гор-

лышко песочных часов, коснулась дна. Наставник уже поднял руку, готовясь ударить в гонг, как вдруг Зоркий остановил его жестом.

Члены Совета с легким удивлением посмотрели на товарища краем глаза, после чего вновь обратили взоры на мальчика. Он стоял неподвижно, с опущенной головой, словно погруженный в глубокий транс.

— Ты что-то… — начал Луксор, но резко осекся, широко раскрыв глаза.

Изумление, словно молния, пробежало по рядам. Даже уставшие участники оживились и вытянули шеи, пытаясь лучше рассмотреть происходящее.

— Смотрите... у него получается… — прошептал кто-то, и этот шепот, словно эхо, тут же подхватили десятки голосов.

Наставник, увидев отрицательный жест Старейшины, медленно отвел руку от гонга.

***

Касаясь подушечками пальцев гладкой поверхности озера, он медленно входил в воду, ощущая, как с каждым шагом по телу разливается неведомая прежде энергия. Это была не просто физическая сила — разум наполнялся ясностью, сердце — уверенностью, а дух — непоколебимым спокойствием, будто сама Вселенная вливалась в него, принимая его как часть себя. Сомнения, страхи, обиды — все, что когда-либо терзало его, исчезало, словно грязь, смываемая дождем.

Оказавшись по пояс в воде, он замер, наблюдая, как от тела расходятся ритмичные круги — такие же гармоничные и безупречные, как его состояние в этот момент. Он закрыл глаза, вдохнул полной грудью — и вдруг ощутил, как вся его сущность сливается с природой, с миром и с самим собой.

***

По рядам Совета и зрителей прокатилось изумленное многоголосье.

— Я не сплю?! Это реально?! — едва слышно прошептал Левиан, глядя, как песок у ног мальчика закручивается в легких золотистых вихрях.

— Это… невозможно… просто… невозможно! — с глубочайшим потрясением пробасил Масон.

— Тебе сырный соус или грибной? — не забыв об обещании, промолвил Кристиан, не отрывая прикованного взгляда от ученика, словно от великого таинства.

— Это… Это… — едва выдавил Игниус, потеряв дар речи.

— Да, — тихо подтвердил Зоркий, почти благоговейно. — Это Сила…

Амфитеатр застыл, будто любое движение могло разрушить этот момент. Никто не мог поверить, что Энергия, полностью окутав тело мальчика, начнет струиться вокруг него живыми потоками, похожими на волны бескрайнего океана.

Луксор, потрясенный не меньше остальных, смотрел завороженно, словно впервые увидел солнце. В его глазах го-

рела чистая, искренняя вера — вера в то, что они стали свидетелями рождения того, что казалось невозможным.

***

— Рикс, жди меня! Сегодня будем праздновать успех вместе! — воскликнул он, поднимая руки, будто желая обнять целое небо. Голос звенел радостью и восторгом, но этот светлый порыв мгновенно потускнел, столкнувшись с неожиданной фразой:

— Разве это справедливо: так усердно тренироваться, но всегда оставаться последним?

Он замер, медленно обернулся и недоумевающими глазами посмотрел на мужчину, который все так же полулежал на траве, опираясь на локти. По кривой улыбке невозможно было сказать, сочувствие это или тонкий сарказм.

— Да… — выдохнул он растерянно, не веря, что такие слова могли быть произнесены в момент его триумфа. — Ему всегда везет…

— Ему… — повторил мужчина с едва заметным сочувствием. — Ему никогда тебя не понять. И никому не понять. Разве могут они знать, каково это — жить с болью, которая не отпускает ни на день? Быть чужим среди своих? Разве могут они понять… все это?

Вдруг на отливающей металлом поверхности озера начали проступать картины его прошлого — тяжелые и болезненные, которые он предпочел бы никогда не видеть снова. Вот отец, нависший над ним, как скала, с ремнем в руке. Вот

мать, глядящая будто сквозь него, когда он протягивает к ней руки. Вот друзья, играющие друг с другом, пока он в стороне смотрит на Предел; учителя с их мягкими намеками, что стоит выбрать другой путь. И Рикс — сияющий, любимый всеми, купающийся в восторженных овациях зрителей и Совета.

Он зажмурился, будто пытался выцарапать эти картины из памяти. Но мужчина продолжал — мягко, почти ласково:

— Они не верят в тебя. Даже Луксор считает, что тебе не место среди них. Ты один. Совсем один. И весь мир — против тебя.

— Хватит! — сорвалось у него, не столько на мужчину, сколько на затаившуюся у самого сердца правду. — Все изменится, когда я обрету Силу! Они поймут, что ошибались! Они будут восхищаться мной!

— Возможно… — протянул мужчина, будто размышляя вслух, но в голосе звучала легкая тень сомнения. — Но что они скажут, когда узнают правду? Что ты достиг этого не собственными усилиями?

Эти слова ударили по-настоящему тяжело. Он не мог поверить, что человек, который поделился с ним своей Силой, теперь намеренно причиняет такую боль.

— Бедный мальчик… — прошептал собеседник. — Что скажут твои друзья? Что скажет Совет? Наверное, назовут тебя обманщиком? И тогда твоя жизнь станет не просто тяжелой… она станет невыносимой.

Он изо всех сил стиснул зубы, стараясь подавить растущую ярость. Хотелось кричать, и лишь осознание того, что без этого человека он никогда бы не достиг этого места, сдерживало его.

— Зачем… ЗАЧЕМ ты говоришь мне все это?! — сдавленно выдавил он сквозь зубы.

Но ответа не последовало. Мужчина просто… растворился. Медленно и бесшумно, словно тень на рассвете.

Он стоял, тяжело вздымая грудь от напряжения. Исчезновение этого человека принесло облегчение, однако его слова, словно отравленные семена, уже пустили свои корни, цепляясь за каждую мысль.

«А что, если он просто хотел предостеречь? Вдруг, проявив Силу сейчас, все жители острова отвернутся от меня? Вдруг вместо восхищения я получу лишь презрение? Вдруг…»

Поток резко оборвался, стоило ему опустить глаза. На зеркальной глади озера лежало его отражение. Оно было точной копией его самого, и лишь глаза полыхали ненавистью, которой он прежде не знал.

***

— Невероятно… — выдохнул Левиан, охваченный трепетом.

— Очередное Чудо, — задумчиво, но не менее восхищенно проговорил Старейшина, запустив пальцы в пышную бороду.

— Но… — вдруг сурово добавил Зоркий, прищурив гла-

за. — Здесь что-то не так…

***

Он приоткрыл рот, словно желая что-то сказать, но отражение осталось неподвижным. И вдруг в его голове холодно и ясно прозвучал голос:

«Он прав… Прав во всем. Наша жизнь — только боль и страдание».

Он ошарашенно заморгал: он слышал свой собственный голос, вот только ни о чем подобном в данный момент он даже не думал. А затем раздался резкий хруст. Он повернул голову на звук и увидел: по озеру, словно по тонкой ледяной корке, бегут трещины, а туман, до этого лежавший усмиряющей вуалью, начинает таять, поднимаясь легкими клубами.

— Что происходит?.. — прошептал он.

«Ты виноват! Все из-за тебя!»

Озеро задрожало, словно живое существо, охваченное болью, и снова стало покрываться волнами. Он хотел закричать, оправдаться, хотя и не понимал, за что, но шепот, вернувшийся с удвоенной силой, не позволил этого сделать. Шепот рос с каждой секундой, превращаясь в гул, и когда слова стали различимы, он понял: это был его собственный голос — голос, повторяющий все оскорбления, которые он когда-либо говорил сам себе.

— Лишний! Ошибка! Слабак!..

Голоса надрывались со всех сторон, сливаясь в хор, от которого дрожали кости. Он зажал уши, но они продолжали

звучать даже внутри головы, скандируя:

«Проклятье! Проклятье! Проклятье! Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!»

Не выдержав этой пытки, он выгнулся, словно натянутая струна, и, не в силах больше сдерживать этот безумный груз, пронзил пространство криком:

— НЕНАВИЖУ!!!

***

— Что-то не так! — бросил Кристиан, когда мраморные плиты дорожек начали с хрустом трескаться. Внезапно из разломов хлынули кроваво-черные струи, извиваясь и озираясь по сторонам, словно змеи, вынюхивающие жертву.

***

Свет стремительно тускнел. Он метался в воде, пытаясь выбраться, но каждый рывок к берегу разбивался о волны, которые, словно огромные ладони, отталкивали его обратно в сердце бушующего озера.

— Что я сделал?! — с отчаянием сорвалось с его губ. — Я не понимаю?!

Но озеро понимало — и отвечало. В каждой поднимающейся волне возникало его отражение: с теми же чертами лица, но искаженными ненавистью и презрением.

— Ты! Ты! ТЫ проклинаешь нас! ТЫ заставляешь нас страдать!

Очередная волна накрыла его с головой, но он смог удержаться на ногах. Двойник продолжал нападать на него снова

и снова, когда страх вдруг оборвался, уступив место ярости, такой же дикой, как и озеро вокруг.

— И ты думаешь, в этом виноват Я?! — выкрикнул он, ударяя кулаком по новой волне. — Знаешь что?! САМ ТЫ ВО ВСЕМ ВИНОВАТ!!!

Ответом стала исполинская водяная стена, которая, словно пасть чудовища, с ревом проглотила его и потащила на глубину.

***

На поверхности, под тысячью застывших взглядов, мальчик уже переставал быть похожим на человека. Вены на его лице вздулись черными жилами, а черты исказились, превращая облик в звериную маску. Внутреннее напряжение кипело, словно магма, готовая вырваться наружу. И когда эта сила прорвалась — содрогнулся весь Амфитеатр.

Одна из кроваво-черных струй взвилась над ареной и, закрутившись, словно плеть, обрушилась на колонну рядом с членами Совета, отчего вся надстройка с оглушительным грохотом начала рушиться прямо на них. Толпа вскрикнула, но Левиан, действуя быстрее мысли, воззвал к Силе и успел отбросить обломки прочь. Его лицо исказилось от негодования, и он прокричал:

— ДА ЧТО ЖЕ ЭТО ТАКОЕ?!

— Возможно, то самое «нечто», которое ты нам предрекал! — слетело с языка Масона, пытающегося защитить старца своим телом.

— Уводите людей! — скомандовал Старейшина, но зрите-

ли уже сами бросились прочь, едва сдерживая панику. Некоторые из братьев покрылись Энергией и поспешили им на помощь. Тем временем струи в центре стали сплетаться в густой, кошмарный кокон тьмы, смыкаясь вокруг мальчика и полностью скрывая его от глаз.

— Не смей приближаться к нему! — твердо, но с отчаянием в голосе выкрикнул Кристиан, хватая Луксора за плечо. Казалось, его слова не смогут остановить брата, но в этот момент вперед выступила незнакомка. Она закрыла глаза и, словно ныряя в самую сердцевину шторма, направила всю свою волю вперед, пытаясь пробиться к ученику сквозь сгущающуюся черноту.

***

«Зачем ты борешься? Разве ты не хотел умереть?»

Он погружался на дно, словно камень. Совсем недавно он был готов свернуть горы, победить судьбу, но сейчас сил не хватало даже на то, чтобы пошевелить пальцем. Вода холодом выжигала тело, однако разум, отчаянно цепляясь за жизнь, не сдавался.

«Я ошибался… Я был не прав…»

Но вместо ответа в голове прозвучали его собственные слова — те, которые он когда-то выкрикнул на первом и втором Испытаниях:

«Я не хочу быть трусом! Я не хочу быть слабым! И я не хочу жить, зная, что не способен себя изменить!»

«Я не хочу больше жить… Пусть… Пусть я умру! Прямо

здесь — на этом месте!»

Он содрогнулся. Эти фразы, теперь звучавшие чуждо и отстраненно, показались ему чудовищными, будто их выкрикивал кто-то другой. Неужели он действительно думал так? Неужели когда-то он был настолько сломлен, что мог желать собственной гибели?

Он хотел сопротивляться, но черная вода, словно напитанная тысячелетней болью, не просто окружала его со всех сторон. Она, как тысяча зубов, рвала кожу, душила мысли, обгладывала разум, вытаскивая наружу самые мучительные воспоминания. И, чувствуя эту боль снова, он вдруг поймал себя на страшной мысли: если всю жизнь он чувствовал вокруг лишь тьму… мог ли он верить в свет и думать иначе?

«Тогда… может быть, и вправду?.. Просто закрыть глаза… принять… перестать бороться…»

Неожиданно его охватила глубокая усталость. Тело налилось свинцовой тяжестью, и каждое усилие теперь казалось бесплодной игрой против безжалостного мира, который никогда не желал ему добра. Медленно по его сознанию разлилось тоскливое осознание: он больше не хочет бороться.

Но именно в этот момент, когда тьма почти сомкнулась над ним, сквозь нее прорезался другой голос — слишком заботливый, слишком теплый для этой ледяной бездны.

«Борись! Не сдавайся! Ради тех, кто ждет… ради тех, кто верит в тебя!»

Голос тянул его к свету, но слова не находили отклика в

его сердце. Он погружался глубже, позволяя всем неудачам, всем страхам, всем давним шрамам тянуть его вниз. Он думал лишь о своей мечте… о мечте, которой никогда не суждено было сбыться.

***

— Я… я больше не чувствую его… — с ужасом и неверием прошептала незнакомка в сером одеянии. Ее ноги подкосились, она осела, но Луксор успел вовремя подхватить ее. После этого они, вместе со Старейшиной и Кристианом, синхронно обернулись туда, где бушевала тьма. Последнее, что они увидели, прежде чем черная оболочка полностью скрыла мальчика, — тонкую дорожку крови, медленно скатывающуюся из его носа.

А затем тьма ожила во всей своей мощи.

Оболочка закружилась в бешеном смерче, начав стремительно расширяться. Песок взвился высокими вихрями, завывая, как тысячи перепуганных ветров, а из тьмы вырвались щупальца, круша все, что попадалось на пути.

— Уноси ее, Луксор! — выкрикнул Кристиан, хватая друга за плечо, но тот, словно заколдованный, продолжал смотреть на вихрь перед собой. — Ну же, брат!

Не дожидаясь ответа, Кристиан спрыгнул с возвышения и кинулся помогать последним зрителям. Луксор же, раздираемый бессильной яростью, издал дикий, звериный рев. Вслед за этим вокруг него вспыхнул рубиновый свет, он подхватил женщину на руки — и исчез во вспышке пылающего сияния.

— Прости, мой мальчик… это наша вина… — прошептал Старейшина, с болью закрывая глаза.

Вскоре Луксор вновь появился рядом, и уже через миг на площадке не осталось никого, кроме несчастного ребенка, которого пожирала собственная тьма.

***

«Но кто?.. Кто пытался спасти меня? Неужели есть те, кому я нужен?..»

Тьма впилась сильнее, стоило лишь лучику света коснуться его мыслей. Но ему было все равно — он закрыл глаза, напряг всю волю, и в сознании, словно светлячки в густом мраке ночи, вспыхнули новые воспоминания.

Вот он и Рикс — оба полуживые от усталости, поддерживают друг друга за плечи, смеясь сквозь боль. Вот Луксор, несущий его на руках, а над ними плывут разноцветные сияния ночного неба. Вот Алисия — звонко смеется, когда они играют в прятки. Вот Эмилия — смотрит на него прекрасными глазами и произносит: «Ты должен верить в себя…». И затем — целая россыпь лиц, братьев и сестер, населяющих остров, которые всегда относились к нему с теплотой и заботой, даже когда он сам этого не замечал.

Робкая, невольная улыбка коснулась его губ.

«Возможно… жизнь не так уж и плоха. Я бы хотел вернуться к ним. Хотел бы увидеть их еще хоть раз… А ты? Что скажешь ты?»

Он приоткрыл глаза, и увидел, как его двойник, словно

тень, тянется за ним в бездну.

«Они — лишь пятна света в океане боли… Но такие яркие, что к ним хочется тянуться, несмотря ни на что…»

Мысли переплетались, и он уже не понимал, кому принадлежат эти слова. Но в обоих отчетливо ощущал сожаление о том, как все обернулось. А вместе с этим — почти болезненная жажда узнать то, как могла бы сложиться его жизнь дальше.

Он сжал кулаки и напряг все, что еще могло сопротивляться, чтобы вырваться из сковывающего его ледяного плена.

«Не должен… я не должен сдаваться. Даже если шанса нет…»

«А как же боль? Как же страдания? Я не хочу чувствовать их снова. Не хочу быть один…»

«Ты не будешь… Все будет иначе… Мы… будем друзьями…»

***

Члены Совета, сбившись в тесную группу у колонн Амфитеатра, с ужасом наблюдали за происходящим в его центре. Тьма внизу бушевала с такой яростью, что под ногами вибрировали плиты, а с крыш срывалась черепица, вонзаясь в землю, словно стрелы. Когда за их спинами возник Луксор, он с напором растолкал товарищей и остановился на краю, склонившись, как бегун перед стартом.

— Нет! — прохрипел Масон, хватая его за плечо. — Ты

погибнешь!

— Я его не оставлю, — отрезал Луксор, чья отчаянная решимость звучала громче грохота трескающихся плит.

Левиан сделал к брату шаг, вцепившись во второе плечо:

— Не знаю, почему это еще не закончилось… но он, должно быть, уже мертв!

— Я. Его. Не. Оставлю! — отчеканил Луксор.

Его аура взметнулась в огненной вспышке, обжигая воздух и заставляя Масона и Левиана отступить. Но даже тогда они молча преградили ему путь, встав перед ним плечом к плечу, словно две стены, готовые сгореть, но не позволить ему погибнуть.

Луксор стиснул зубы, и его глаза вспыхнули рубиновым пламенем. Но прежде чем он успел вымолвить хоть слово, раздался мрачный голос Кристиана:

— Притормози, брат. Есть идея.

***

Холод пробирал его до самых костей. Сознание медленно таяло, а веки смыкались. Последнее, что он увидел, была рука, робко протянутая его двойником.

***

— Вихрь замедляется, — сдержанно, но напряженно произнес Зоркий, в чьих ярко-желтых глазах отражался безумный танец черного смерча.

— И все же он еще слишком силен, — тихо заметил Кристиан.

На этих словах его небесно-голубая Энергия вспыхнула, прорезав пространство ярким сиянием. Секундой позже донесся нарастающий рев, и из-за края плато вырвалась океанская стихия. Закрученная в тугую спираль, она пронеслась над головами и врезалась в бушующий вихрь в центре площадки, став вращаться в противоположном ему направлении. В воздух, яростно шипя, тут же взорвались гейзеры пара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.